Сергей Сюрсин

Фантастика

Все демоны. Чарка

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Вторая книга содержит фантастические повести «Все демоны» (мистический детектив) и «Чарка» (постапокалипсис).

«Все демоны»: Герой повести при поисках пропавшего друга сталкивается с противодействием мистических сил. Выстоять и победить удается, только узнав природу этих сил.

«Чарка»: После катастрофы на планете выжили два вида людей. Одни выживают в развалинах городов, другие освоили океан. Между ними вражда. Горожанин спасает чарку и открывает для своего народа новый путь.

- Фантастика
  -
  - Все демоны
  - Чарка

Фантастика
Все демоны. Чарка
Сергей Сюрсин

© Сергей Сюрсин, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Все демоны

На этот раз я незаметно для себя нагрузился основательно и, поднимаясь по лестнице, вынужден следить за выкрутасами ступенек под ногами и придерживать руками покачивающуюся стену. Поэтому, когда руки натыкаются на почтовый ящик, мне в голову приходит мысль, что неплохо было бы захватить по пути корреспонденцию, скопившуюся там за несколько дней, и которую я в спешке и лени не удосуживался вытащить.

Ключ от ящика, как обычно, затаился где-то в карманах и желает поиграть со мной в прятки. Я плюю на его заигрывания и выворачиваю дверцу. Секция чудом остается на месте, но цель достигнута – ящик открыт. Он битком набит газетами и журналами – всяческой макулатурой, которую я неизвестно зачем выписываю. Ведь на то, чтобы прочесть или хотя бы просто просмотреть все это, у меня абсолютно не хватает времени. Пачка изрядная, и я уже сожалею, что совсем некстати связался с ней. Но отступать я не привык и решительно выгребаю все из ящика.

После неудачной попытки закрыть дверцу ящика я, как матерый пират, устремляюсь на абордаж следующего лестничного пролета, но тут замечаю почтовый конверт, элегантно разлегшийся на освещенной ступеньке. Лежит он здесь издавна или же выпал, когда я пытался закрыть ящик, – этого я не знаю. Склоняюсь ко второму предположению. Поэтому, стараясь не терять третьей опоры, стены, тянусь за ним. Занятие это довольно рискованное. Того и гляди, как бы какая-нибудь особо ретивая ступенька не съездила по зубам. К тому же конверт упорно не желает даваться в руки, ловко ускользая меж пальцев в самый последний момент. Возможно, он хочет поиграть со мной в прятки, но я потакать ему не намерен.

– Кис – кис! – сюсюкаю я, стараясь задобрить его, запудрить мозги и заставить потерять бдительность, – иди сюда, не бойся. Я конверты не ем, чес-с слово!

Тот задумывается над моими словами. Улучив момент, хватаю его.

– Попался! – рычу злорадно. – Прощайся с жизнью!

Зажав конверт для верности в зубах, запихнув к нему в компанию остальные газеты, иду на приступ лестничного бастиона.

Знал бы я, что готовит мне судьба в этом конверте, ни за что бы не нагнулся. Гордо прошел бы мимо, несмотря на все его заигрывания. А к утру от него и следа бы не осталось. Пацаны изорвали бы ради хохмы. Или какая-нибудь в меру любопытная

соседка прибрала бы его и попалась вместо меня на удочку. Увы, содеянного уже не вернуть!

Письмо оказалось адресованным мне, причем отсутствие обратного адреса указывало на его анонимность. Это меня слегка интригует. Захватив конверт, отправляюсь на кухню, где между двумя стаканами крепчайшего чая, принятыми для восстановления нарушенного баланса между душой и телом, распечатываю его и нахожу обычную почтовую открытку, которыми обставлены все почтовые киоски. На открытке наспех и непонятно набросано: «Кам. хр., 215, В325».

Это уже смахивает на сюжет из детективного романа. Я представляю, как кто-то неизвестный, преследуемый по пятам вооруженной бандой, прячет обличающие ее документы или сокровища в сейф, судя по всему камеры хранения, но пуля настигает его у почтового ящика, куда он, собрав последние силы, бросает шифрованное сообщение. Только почему оно адресовано мне?

Заглядываю на всякий случай в конверт, но ничего больше оттуда не выуживаю. Следы тайнописи на открытке также отсутствуют. Ничего странного в этом письме, собственно говоря, для меня нет. Существует определенная категория лиц, которые что-то знают, но не желают, чтобы их имя фигурировало в этом деле. Мне уже приходилось связываться с такими случаями, и, позвольте признаться, передачи выходили неплохие. И из этого можно слепить какой-нибудь жареный сюжетик.

Должен сказать, что я работаю режиссером на телестудии. Работа не пыльная, мне нравится. К тому же есть в ней что-то такое, что позволяет оптимистичнее смотреть на этот безумный мир и осознавать, что не напрасно портишь воздух своими миазмами. Потому-то я и специализируюсь на скандальной хронике. Выуживаю из жизни нашего заштатного городка острые моменты и выношу на всеобщее обозрение в субботней «Панораме». Эффект бывает иногда такой оглушительный, что сверху слышится громогласное рычание, и мое руководство рвет на голове волосы и издает приказы о моем увольнении. Потом все постепенно затихает. До очередного скандала. Без меня студия совсем бы захирела, Там это понимают и, скрипя душой, мирятся с таким положением вещей.

Сейчас мне надо бы лететь за этими документами, но воспоминание о лестнице низводит меня на грустные размышления. Потому я отправляюсь спать, решив заняться ими на следующий день.

…Я стою в толпе. Угрюмой безучастной толпе, сероликой,

безмолвной, смирившейся в ожидании чего-то страшного и неизбежного. Воздух насыщен серым промозглым туманом, им же насквозь пропитаны наши тела. В тумане теряются люди. Не видно ничего. Только прямо перед нами смутно проступает стена и скат крыши конусообразного здания, такого же серого. И туман, и здание, и мы сами застыли в неподвижности, словно восковые фигуры. Ни дуновения ветерка, ни шелеста деревьев, ни шороха одежды. Застыли навечно. Только тяжелые гнетущие мысли, мурашками копошащиеся в голове, создают ощущение реального, не вымышленного присутствия. Да еще оживляют эту серую бесцветную картину алые сполохи, пробивающиеся сквозь туман сверху, с того места, где должен кончаться конек крыши. Эта неизвестность, тоскливое ожидание страшного суда невыносимо. Сломив сопротивление апатичного тела, я делаю шаг – другой в сторону, стараясь не терять из виду здание. Меня тут же окружает со всех сторон туман. Люди растворяются в нем.

Крыша у здания низкая, что позволяет мне без особого труда забраться на нее. Ползу вверх, к полыхающему размытому пятну. Пятно все ближе, яснее. Передо мной открывается отверстие, из которого вырывается столб багрового света. Застыв в изумлении и ужасе, смотрю вниз, не в силах оторвать взгляда. А там полыхает море огня, видны корчащиеся в нем тела, мелькают темные фигуры. Жар и запах горелого мяса доносится до меня, и я мгновенно покрываюсь холодным потом. Это же… И тут кто-то хватает меня за ноги и сбрасывает вниз, в огонь. Мелькает черная волосатая морда. Я падаю и ору благим матом…

Вскочив весь в поту, ничего не соображая, я ошалело таращусь в темноту. В ушах все еще стоит исторгнутый мною дикий вопль. Где я? Что со мной? Вокруг тишина и черное безмолвие. Ни времени, ни пространства. Я один в этом безмерном мраке. Впрочем, нет, не один. Кто-то неопределимый и жуткий присутствует рядом. Я чувствую его, и от этого чувства, липкого как страх, у меня по спине бегут мурашки.

Постепенно сознание проясняется, и до меня доходит, что я дома, в своей постели, а все остальное – кошмарный сон. Вот только ощущение присутствия в комнате кого-то чужого остается реальным. Это подтверждает блеклый круг света, ползающий по журнальному столику, что стоит у изголовья кровати. Я замечаю его боковым зрением, но ни повернуть головы, ни вскочить, ни заорать, чтобы спугнуть ночного гостя, не могу. Тело сковано по рукам и ногам какой-то неведомой силой. Даже взгляд – и тот отвести не в состоянии. Только безропотно слежу за тем, что творится на столике. А непрошеный посетитель неспеша

перебирает бумаги. Его самого не видно, только газеты – одна за другой – подымаются и аккуратной стопкой укладываются в сторонке. Что-то неестественное, мистическое грезится в этих действиях. Гнездящийся глубоко внутри страх выступает наружу. Волосы на голове шевелятся сами собой, мозги вмиг очищаются от хмельной тяжести. Собрав в кулак все свои силы, пытаюсь сдвинуться, но не могу. Только мысли лихорадочно ворошатся в голове, пытаясь найти объяснение происходящему. От этого, от беспомощности стиснутого в коконе тела они кружатся все быстрее. Я чувствую, как подхожу к грани срыва, за которой беспамятство или сумасшествие.

И тогда, словно почувствовав мое состояние, свет гаснет. На меня валится темнота. Оцепенение исчезает. Падаю мешком на постель, зарываюсь в подушку и, укрывшись с головой одеялом, лежу, не в силах ни заснуть, ни решительно и смело откинуть одеяло.

Полудюймовое сверло впивается в затылок и принимается с визгом и скрежетом вгрызаться все глубже и глубже. Не в силах более терпеть, трясу головой и… просыпаюсь. Уже рассвело, и лучи солнца осторожно заглядывают в окно. Сверло исчезло, но визг и скрежет продолжаются. Постепенно звуки трансформируются в дребезжащий звон. До меня, наконец, доходит, что звонит телефон. Протянув руку, промахнувшись, все же зацепляю его и прижимаю трубку к уху.

– Серега! – узнаю голос Димыча, нашего оператора.

– Ну! – вяло буркаю я.

– Ты что, спишь еще?! – озмущенно орет Димыч.

– Не совсем. И не кричи так, у меня со слухом полный порядок.

– А со временем у тебя тоже порядок? Знаешь сколько уже?

– Время? – я бросаю взгляд на будильник, стоящий на журнальном столике. Стопка бумаг, лежащая на нем, вызывает какое-то смутное воспоминание, но я не обращаю на него внимание. – Со временем у меня тоже все в порядке. У тебя что, часы остановились?

В трубке слышится какое-то кудахтанье.

– Ладно, успокойся, – благодушно произношу я. – Сейчас полдевятого.

Кудахтанье прерывается, и Димыч опять орет. Опасаясь за сохранность своих барабанных перепонок, отодвигаю трубку на безопасное расстояние.

– Ты никак с утра уже тепленький? – надсаживается он. – К вашему сведению, сэр, уже десять. И вам давно уже надлежит

быть в студии.

Чувствуя подвох, тянусь к будильнику. С ним все в норме, тикает исправно.

– Кончай свистеть, – я придаю голосу болезненное выражение. – Мне и без того тяжко. – Впрочем, особо притворяться нужды нет. Внутри меня гнездится дрожащая пустота. В голову забрался чугунный колокол и бухает там, сотрясая все внутренности.

– Да проснись ты, наконец! – децибелы Димыча впадают в резонанс с буханьем колокола, вызывая в желудке приступ тошноты. – Погляди в окно. День на дворе.

– Ну и черт с ним! – злюсь я. – По мне хоть день, хоть вечер – все едино. Не помрете там без меня. Пристал, как репей!

– Я бы не приставал, – снижает обороты Димыч, – да тебя тут разыскивают. С ног сбились. Шеф в ярости, грозит всеми карами небесными и земными.

– Что случилось?

– Да так, пустяки. Дело не в них, а в том, что тебя нет на рабочем месте. Опять по холке получить хочешь?

– А мне не привыкать. Ладно, сейчас приеду.

День начинается скверно и обещает кончиться еще хуже. Не желая искушать судьбу, соскакиваю с постели и суетливо мечусь по квартире, одновременно одеваясь, умываясь и завтракая, вернее, выпивая на ходу стакан холодного вчерашнего чая. Наручные часы, обнаруженные на кухонном столе, указывают на десять, что придает мне дополнительное ускорение. Все-таки подвел будильник, чего за ним раньше не замечалось.

На ходу запнув подальше какой-то конверт, валяющийся на полу и придающий ему неухоженный вид, я вылетаю из квартиры.

Как назло одним из первых попадается шеф.

– Мы, наконец, изволили появиться, – ехидно констатирует он и уже строго, с не сулящими ничего хорошего нотками в голосе добавляет. – Зайдешь после ко мне.

Почесав свою бедную шею, которой, судя по всему, сегодня крепко достанется, мычу невразумительно-извинительный ответ и ретируюсь в студию.

– Ну, что здесь стряслось? – накидываюсь на Димыча.

– Люди ждут. Представители общественности, так сказать.

– По какому делу?

– Наблюдали вчера над городом летающую тарелку.

– Чего? – я оторопело опускаюсь на стул.

– Тарелку, говорю, летающую видели. Неопознанный летающий объект, НЛО, понимаешь?

– Это я уже понял. Дальше-то что?

– А дальше ничего. Вот пришли, хотят поделиться впечатлениями.

– … твою! – рычу я. – Стоило из-за какой-то паршивой тарелки весь сыр– бор разводить! Я уж подумал, что опять наверху зашевелились, а вы – тарелка. Тьфу!

– Ты не кипятись, Серега, – пытается успокоить меня Димыч. – Разве это не интересно?

– Может и интересно, но только не мне. У меня другой стиль работы. Да и была ли она вообще, эта ваша тарелка? Блажь!

– Ничуть не блажь. Многие видели. Нас уже с утра звонками достали. Даже из редакции звонили. Шеф дал указание сделать передачу.

– Па-а-шел он со своей передачей! Пусть сам делает. Я такой материал катать не буду.

– Не ерепенься, Серега, не накаляй обстановку. Давай, пошли. Я уже аппаратуру настроил.

– Дай сигарету, – устало прошу я.

– На, – вытаскивает Димыч пачку, – покури, успокойся и подходи. Я буду в операторской.

– А как снимать-то? – я уже затихаю. – У меня ни сценария, ни вообще каких-либо наметок.

– Делай, как обычно – экспромтом. Потом смонтируем.

– Дал вас бог на мою голову! – сплюнув, я тяжело поднимаюсь, – и тебя, и шефа твоего. Ступай на пульт!

– Ну вот, – хлопает Димыч меня по спине, – порядочек!

Съемочная площадка занимает обширное помещение, но из-за того, что две трети ее забиты телекамерами и различной бутафорией, сама она сузилась до размеров пятачка. То и дело спотыкаясь о кабели, извивающиеся на полу в разных направлениях, я пробираюсь сквозь эти катакомбы и оказываюсь на пятачке. Здесь уже стоит столик с креслами, ширмы подсвечены в соответствующей тональности, подведен микрофон и камеры. Я критически окидываю все это, заглядываю в видоискатели камер, слегка поправляю подсветку и остаюсь доволен. Димыч потрудился на славу. Вот только народа что-то не видать.

– Эй, есть здесь кто-нибудь? – кричу в никуда, вызывая гулкое эхо.

Слышится шорох, из-за розового слоненка выходят парень с девушкой.

– Вам кого?

– Вас, – не очень приветливо отзываюсь я. – Где остальные?

– Здесь еще старичок где-то бродит, – несмело отвечает девушка.

– А операторы где?

Она в ответ пожимает плечами.

– Димыч, – кричу я в микрофон, чувствуя, как на меня уже накатывает нетерпеливый ажиотаж съемки, – где ребята?

– Вставай, поднимайся, рабочий народ! – грохочет голосом Димыча динамик, включенный на полную мощь.

Из катакомб выскакивают взъерошенные Славка и Валерка. Физиономии заспанные. Вслед за ними появляется низенький испуганный старикан, весь в паутине.

– Опять! – накидываюсь на ребят. – Вы когда перестанете спать на рабочем месте? Всех уволю!

– Берем пример с начальства, – вытянувшись по стойке смирно, рапортует ухмыляющийся Славка.

– Поговори мне! Вот доберусь, всех твоих девок поразгоню, – свирепею я. – Будешь тогда по ночам спать, как все нормальные люди.

Славка недавно учудил – заснул во время прямой передачи в эфир. Димычу, как старшему, влетело за срыв передачи. Несмотря на это ни ему, ни мне не хотелось расставаться с этими вечно спящими как сурки, но никогда не унывающими ребятами.

– Вы отряхивайтесь и рассаживайтесь, – говорю я представителям общественности, – привыкайте к обстановке. Я погляжу, что получается, – и лечу в операторскую.

Димыч уже выставил на экранах мониторов экспозиции, и мы принимаемся совместно корректировать.

– Славка, наедь поближе. Валера, чуть правее. Куда ты залез, олух, в луч прожектора! – я в родной стихии и уже не чувствую тяжести в голове. Забываю о суматошном утре и предстоящей экзекуции у шефа. Передо мной – съемка, процесс творчества, создания из ничего той самой штуки, которая называется искусством.

Дед быстро осваивается и ведет себя спокойно, буднично. Девчонка все прихорашивается, стремясь попасть на экран во всей своей существующей и несуществующей красе. Зато парень внушает опасения. Побледневший, он сидит неподвижно, уставившись завороженным взглядом в объектив.

– Ну-ну, спокойнее, малыш, расслабься, – подбадриваю его. – Кушать тебя никто не собирается. Мы уже позавтракавши.

Девчонка исподтишка тычет его локтем в бок. Парень вымученно улыбается, но позу не меняет.

– Испортит съемку, – морщится Димыч. – Может без него?

– Нет, – отвечаю я, – массовости не будет. Я там по ходу дела

встряхну его как – нибудь. Начинай сразу. Когда – поймешь. Ну, я пошел.

– Освоились? – спрашиваю, усаживаясь за столик. – Теперь можно немного поговорить. А ты не дрейфь! – хлопаю по колену начавшего опять бледнеть парня. – Лучше погляди, какая рядом деваха сидит симпатичная. И вообще, – обращаюсь уже ко всем, – никто вас пока не снимает. Сейчас посидим, поговорим, отрепетируем, а потом уже пойдет запись. Все, поехали. Добрый день! – обращаюсь я к объективу телекамеры. – Наконец-то и в нашем инфантильном городе начинают происходить невероятные события. Обычно о таких случаях мы узнавали из газет и по радио. И вот к нам пожаловала первая летающая тарелка, первый представитель инопланетных цивилизаций. Многие, вероятно, видели ее этой ночью, а тем, кто прозевал такое зрелище, советуем послушать нас и на будущее почаще поднимать глаза к небу, почаще отвлекаться от бренной суеты нашей жизни. Итак, у нас в гостях очевидцы этого события. Вот их мы и попросим рассказать. Представьтесь, пожалуйста, – обращаюсь к прекрасной половине человечества.

– Соколова Елена, – говорит девушка.

– Работаете или учитесь?

– Учусь в колледже.

– Расскажите, Лена, что вы видели, – я кидаю взгляд на окно операторской. Димыч показывает, что все идет отлично, запись началась.

– Мы с Олегом, – Соколова кивает на парня, – возвращались из кино. Поздно уже было. Ночь. На небе яркие звезды. Вдруг видим – низко, почти над самыми крышами домов что-то яркое, золотистое. Я сначала внимания не обратила, подумала, что это обычный прожектор, а потом присмотрелась, – а оно движется. Причем, перемещается рывками. Пролетит немного, остановится, затем снова движется. Словно ищет что.

– Это был неопознанный летающий объект? – прерываю ее монолог. – Что он собой представлял, кроме того, что был яркий и золотистый?

– Ну, – Соколова задумывается, – он был похож на шар…

– Эллипс, – вклинивается парень.

– Нет, шар, – возражает девушка. – Размером примерно с воздушный шарик.

– Эллипс, – упрямо повторяет парень.

– Так-так, – оживляюсь я и обращаюсь к парню, – Олег…

– Просто Олег. Смирнов. Мы с Леной вместе учимся.

– Значит вы, Олег, уверены, что объект был эллиптической формы?

– Ну да, какой же еще! – не обращает внимания Олег на демонстративно хмыкнувшую девчонку.

– Девчонка-то с норовом, – внутренне улыбаюсь я, – да и парень тоже. Тяжеловато им приходится при общении друг с другом.

– Вы зря спорите, молодые люди, – подает голос старичок. – НЛО бывает различной формы. К тому же они имеют способность выглядеть по разному даже для стоящих рядом людей. Есть свидетельства даже о таких случаях, когда один человек наблюдал его, а другой, находящийся рядом, ничего не видел. По-видимому, объект каким-то образом воздействует на зрительные и мозговые центры человека. В зависимости от своей индивидуальности тот видит соответствующую форму.

– Отлично! – думаю я. – Задействовался третий участник. Все идет как по маслу. Только бы срыва не вышло.

Димыч поднимает вверх большой палец. Тоже доволен.

– Расскажите о себе, – обращаюсь к старику.

– Варенуха Иван Савельич, – по-старинному жеманно склоняет голову дед. – Пенсионер и по совместительству руководитель городской сессии по аномальным явлениям.

– О, да вы профессионал!

– Скажу без излишней скромности – в какой-то мере да.

– Чем вы занимаетесь в секции? Расскажите, пожалуйста, подробнее. Нашим зрителям будет интересно узнать о существовании в городе такого неординарного клуба.

– Клуб у нас действительно необычный, – дед, похоже, затянет свою речь минут на пять. У меня появляется возможность передохнуть, и я откидываюсь на спинку кресла. – И народ у нас подобрался также непростой. Одержимый, можно сказать. Все, – а нас в секции одиннадцать человек – искренне верят в существование инопланетных цивилизаций, в посещение их кораблями нашей матушки Земли, в реальность контактов землян с пришельцами. Мы занимаемся сбором и классификацией случаев контакта, проводим анализ каждого случая, прорабатываем версии поведения человека и пришельца при контакте, пытаемся найти объяснение каждому факту контакта. Поддерживаем связь с секциями в других городах, ведем взаимообмен информацией. Наша секция зарегистрирована в Центральном Комитете по Энергообмену в природе. С ним у нас ведется деятельная переписка.

Слушаю Ивана Савельича с заинтересованным выражением лица, а в голове назойливо свербит какая-то мысль. Будто я должен вспомнить что-то, а что – забыл. И никакие усилия вытащить эту мысль наверх не дают ощутимых результатов.

Только опять начинает бухать в голове колокол. Трудно делать заинтересованное лицо и кивать понимающе головой и в то же время думать совершенно о другом, хотя меня и нет в данный момент на экране. Но все равно лучше держать форму. Иначе можно не успеть переключиться, и тогда получится срыв.

Варенуха продолжает увлеченно рассказывать. В разговор включаются Олег с Еленой. Я спохватываюсь, что пора брать инициативу в свои руки.

– Итак, Иван Савельич, – направляю разговор в нужное русло, – вернемся к ночному событию.

– Событию? Ах, да, – Иван Савельич неожиданно переключается на меня. – А вы, Сережа, верите в инопланетный разум?

Я теряюсь. Вот он срыв! Я не готов к этому вопросу, но умудряюсь вывернуться.

– Честно говоря, я над этим не задумывался. Мне с ними встречаться еще не приходилось. Но я склонен к вашей концепции, – вру под конец.

На Димыча я не гляжу. Ни к чему читать укоризну в его глазах.

– Очень жаль, – говорит Иван Савельич, – что у вас нет убежденности. Вера зиждется на убежденности, а убежденность порождается фактами. Приходите к нам в секцию, и, смею уверить, убежденность у вас появится. Мы приглашаем также всех желающих, – обращается он к объективу.

– Итак, – продолжает Иван Савельич, – я сидел на балконе, дышал свежим воздухом. Было около часа ночи. Небо чистое, ни единого облачка. Звезды мерцают, красиво, загадочно. И вдруг она появилась. Откуда – заметить не успел. Оставалось только следить за ее движением. Между прочим, это был шар, – наклоняется он извиняюще к Смирнову.

– Куда же он летел? – поддерживаю я разговор.

– Двигался зигзагами и довольно долго, пока, наконец, не замер над районом пятихаток. Выпустил вниз еле видимый луч света.

– Интересно, что он там искал? – любопытствую я.

– По всей видимости, контактера. И, похоже, нашел, ибо, повисев там минут двадцать, шар вдруг сорвался с места и стремительно ушел по касательной в небо.

– Вот бы отыскать этого контактера и поговорить с ним, – мечтаю я вслух, и вдруг мысль, свербящая в голове, вырывается на волю. Ночь. Кружок света, ползающий по столику… Газеты, перекладываемые с места на место… Сковавшая меня неведомая сила… Внутри холодеет. Пятихатки – это ведь мой район! Луч от

шара и круг света на столике. И по времени примерно совпадает. Похоже, контактер – это я сам, собственной персоной.

Дальнейшую передачу веду не наилучшим образом. Предположение, завладевшее мной, мешает думать и правильно строить диалоги. Задаю вопросы невпопад, сбиваю разговор. Вымучив себя и интервьюеров, отпускаю их, несказанно удивив тем, что передача записана, и нужды в них больше нет. Поднимаюсь в операторскую.

– Что с тобой? – встречает Димыч. – Так хорошо вел, а потом…

– Плохо мне стало, – падаю на стул, – заступило.

– Вижу, – качает Димыч головой. – Эх, женить тебя надо, Серега.

– Ой, – морщусь я, – только не это. И не сейчас. И вообще отстань от меня на часок-другой.

– А как же с просмотром?

– Не до него мне. Ломай, крути, монтируй сам, как хочешь, а я… – поднимаюсь я, – я пошел.

– Куда? – удивляется Димыч. – А шеф?

– Потом, – отмахиваюсь я. – Не до него мне.

– Что хоть сказать ему в случае чего? – кричит он вслед. Я не удосаживаю его ответом.

В квартиру вхожу как в логово зверя. Все здесь родное, знакомое, но в то же время вызывает ощущение необычного, загадочного. Одежда брошена как попало, – кто-то ее сорвал и бросил… Створка шкафа приоткрыта, – кто-то в нем рылся… Первым делом направляюсь к журнальному столику, чтобы еще раз убедится в реальности ночного события. Газеты и журналы лежат стопкой! Значит, это видение – пятно света, перекладываемые с места на место бумаги – было в действительности. Сам я никогда бы так аккуратно их не сложил. Такое не в моей натуре. По мне так нужен деловой беспорядок, куча бумаг, разбросанных в беспорядке на столе, на постели и полу. Сраженный, опускаюсь в кресло и пялюсь на столик. Будто он сейчас не выдержит и признается во всем.

Действительно ли ночью у меня были инопланетяне? Настолько ли я важная персона, что заинтересовал их? И не смехотворна ли сама по себе мысль, что они проделали путь в миллиарды километров только ради того, чтобы исподтишка порыться ночью на моем столике? Вот уж действительно заступило у меня во время съемки. Дойти до абсурда и принять мелкого воришку за инопланетянина. Да простят они мне это, если, конечно, существуют на самом деле. Подступает

облегчение, и я по-идиотски хихикаю. Винить во всем можно только студию, съемку, атмосферу, возникшую во время интервью с теми чокнутыми. Вот так и порождаются слухи об инопланетянах. Кто-то увидел что-то непонятное и тут же приписал это сверхъестественному. Рассказал другому. Тот в свою очередь сопоставил рассказ с некоторыми фактами и пришел к выводу о неземном присутствии. Как и я. Но я-то трезвый человек, реально смотрящий на вещи. Со мной такой номер не пройдет! Не было никаких инопланетян. Был обычный квартирный вор, набравшийся наглости и в присутствии хозяина шаривший по квартире.

– Но вор-то Все-таки был! – подскакиваю я. – Интересно, что могло его заинтересовать в моей квартире? Ценного у меня вроде бы ничего нет. Золота и драгоценностей не держу. И без них еле концы с концами свожу из-за своего, скажем, не совсем аскетического образа жизни. Студийный видак и репортерский магнитофон? Но вон они, на месте. Тогда что? Может, это связано с моей работой и событиями, произошедшими за последние дни? Я мучительно ворошу в растрепанных мозгах, пытаясь вспомнить вчерашний день и все предыдущие. Чем занимался, что такое мог сделать, что вызвало чей-то интерес? Увы, в голову ничего не приходит. Все было обычным, до того обрыдлым, что жизнь из-за этого казалась серой и скучной до смерти. Впрочем, что-то Все-таки было, и не далее как вчера. Это я помню интуитивно, но что именно, вспомнить не могу. Разгадка где-то совсем рядышком.

– Спокойно, – говорю себе, – пойдем другим путем. Не сначала, а с конца. Что могли искать эти ребята? Вероятно, какой-то документ. Раз не обратили внимания на аппаратуру и рылись в бумагах. А что может там быть? Я с опаской притрагиваюсь к стопке и осторожно перебираю бумаги. К тому времени, когда стопка кончается, я уже уверен, что ничего здесь не найду. Это должно быть не здесь, а если и было, то его уже нет. Ночью кто-то не зря поработал.

Телефонный звонок подбрасывает меня в кресле.

– Черт, совсем из колеи выбило! – ворчу, снимая трубку. – Все, никаких больше поисков, только отдыхать. Алло!

– Сергей? – в трубке незнакомый женский голос.

– Да.

– Мне необходимо встретиться с вами.

– Я занят, – отвечаю не очень вежливо. Видно, опять какой-то мотылек летит, хочет немного погреться в лучах славы. До смерти надоели поклонницы!

– Дело очень важное, и только вы можете помочь, – зудит голос.

– Я уже объяснил – у меня нет времени, – терпеливо объясняю я. – в следующий раз.

– Я не могу в следующий раз. Потом будет уже поздно. Выслушайте меня, – молит голос.

– Отстаньте вы все от меня! – рявкаю я неожиданно даже для себя самого. – Надоели! – и бросаю трубку.

– Нервы уже никудышные, – оправдываюсь перед аппаратом.

Разговор с назойливой дамой совершенно сбивает меня с толку, и, посидев немного и окончательно потеряв нить рассуждений, я плетусь на кухню. Время обеденное, и желудок уже настойчиво напоминает о себе. Со вчерашнего кусок в горло не лезет. Ограничиваюсь стаканом чая. Прихлебывая горячий напиток, погружаюсь опять в свои думы. Взгляд, бесцельно перелетая с предмета на предмет, натыкается на белый уголок, выглядывающий из-под плиты. Сбившись, раздосадовано отворачиваюсь и возвращаюсь к мыслям, но белый клочок стоит перед глазами, мешая сосредоточиться. Чтобы избавиться от наваждения, я вынужден отставить стакан в сторону и заняться клочком.

Клочок оказывается конвертом. Глянув на адрес, я тут же вспоминаю, откуда он и что в нем должно быть. Но внутри пусто. Ни открытки, ни маломальского следа ее присутствия. Бегу в комнату и снова перебираю бумаги. Тщетно. Открытки среди них нет. И быть не может. Припоминаю, что распечатывал конверт на кухне и открытку тоже там читал. Конверт на месте, а ее нет. Обыскиваю всю кухню, заглядываю за каждый угол, в каждую щель. Открытка будто провалилась. Куда она делась, – ответить на этот вопрос я затрудняюсь. В голове только обрывки мыслей и ночных эпизодов, местами сплошные провалы. Целостную картину из этого составить невозможно. Отчаявшись, сажусь и сверлю взглядом конверт.

От бесплодных раздумий меня отрывает звонок. Нехотя поднявшись, отпираю дверь. За дверью стоит девушка. Молоденькая и к тому же симпатичная. В другое время я не отказался бы от возможности поволочиться за такой, но сейчас, занятый всецело своей потерей, неласково буркаю:

– Вам кого?

– Вас, – отвечает она. – Можно войти?

Я теряюсь и отступаю в сторону. Паломниц мне только не хватало!

– Пройдемте на кухню, – я киваю на комнату, – у меня не прибрано.

– Чай будете? – Это уже на кухне.

Девушка пожимает плечами. Приняв за знак согласия,

наливаю и ей.

– Итак, слушаю вас, – я предлагаю ей табуретку и сажусь напротив.

– Я вам звонила сегодня.

– А-а, – тяну разочарованно. – Девушка, милая, поймите, – мне сегодня не до вас. Честное слово. Давайте сделаем так, раз уж вы пришли, – мы сейчас попьем чай, а потом вы уйдете. А поговорим завтра или, еще лучше, послезавтра.

– Но я не могу ждать. У меня беда, а вы… – девушка всхлипывает.

Уж чего, а женских слез я выносить не могу. Вся моя решительность моментально улетучивается.

– Ладно, рассказывайте, – обречено вздыхаю, уже не надеясь заняться своими делами.

– Брат у меня пропал. Третий день уже пошел, а его все нет.

– В милицию заявили?

– Да. Но они молчат, ничего не говорят.

– Значит, не могут пока найти. И вы решили обратиться ко мне. Сожалею, – развожу я руками, – но помочь не могу. Я не сыскное бюро.

Девушка нервно комкает платок.

– Я попробую, – поглядываю искоса на платок. – У меня есть там связи. Может, удастся что выяснить. Расскажите подробнее, как исчез ваш брат. Как его зовут?

– Олег. Ветров.

– Ветров?

– Да. Вы его должны помнить.

– Конечно. Как же не помнить, – с Олегом Ветровым связаны мои детские воспоминания. Вместе росли, жили в одном доме, в одном классе учились. Друзья были закадычные. Потом он женился, мы поменяли квартиру, и пути наши разошлись. Но все равно, случайно встречаясь, подолгу стояли, разговаривали, вспоминая былую юность.

– Постой! – запоздало доходит до меня. – Так ты – Галка?

– Ага, – кивает девушка.

– Вот не ожидал! – я недоверчиво разглядываю ее. – Я ж тебя помню вот такой куклой. Это надо же, – была такая соплюха и вдруг… Из гадкого утенка – и такая принцесса-лебедь.

– Допустим, ты тоже не блистал, – парирует она, недовольная некоторыми моими сравнениями.

– Что ж ты сразу не сказала? – накидываюсь я на нее. – У меня сегодня день тяжелый, мог и послать подальше.

– Я думала, – вы, может, уже и не помните нас.

– Здрассьте! Не помните! – возмущаюсь я. – И вообще, что ты

мне тут «выкаешь»? Я тебе что – дядя чужой?

– Нет. В… – Галка запинается, – ты, Сергей, не обижайся. Ты вон кем стал. Мог и друзей забыть.

– Дура! – беззлобно ругаю ее. – Кем стал! Разве со стороны видно, что это такое – «кем»? Ничего-то вы не знаете. Так что с Олегом?

Галка сбивчиво рассказывает о произошедшем. Олег исчез неожиданно, без каких-либо причин. Даже об исчезновении они узнали случайно. Позавчера намеревался зайти вечером к родителям (Галка живет вместе с ними до сих пор там же, в старом доме). Но не пришел. На следующий день позвонили в институт, где он работал. Там ответили, что на работу он не вышел. Домашний телефон тоже молчал, не отзывался. Мать тогда не на шутку встревожилась и послала Галку домой к брату, благо ключи от его квартиры имелись. Олега дома не оказалось, но обстановка в квартире была такова, что Галка перепуганная примчалась домой. Посуда перебита, осколки валялись повсюду. И тогда начался настоящий переполох. Вызвали милицию, с трудом дозвонились до Ларисы, его жены, которая накануне уехала с дочерью погостить к своим в деревню. Лариса заявилась в слезах и панике, но без мужа. Ни Олега, ни его следов обнаружить так и не удалось.

– Сейчас поисками милиция занимается, – заканчивает Галка, – но уже третий день пошел, а они молчат. Говорят, что следственная тайна и разглашению не подлежит.

– И ты решила обратиться ко мне.

Галка кивает.

– Может, ты узнаешь хоть что-то. Ты Все-таки известный…

– Скандалист, – продолжаю я. – Сомневаюсь, что они обрадуются, узнав, что я вклиниваюсь в это дело. Но это их проблемы. Попробую. У меня там есть кое-какие неофициальные каналы. – Я замолкаю, удивленный поведением Галки. Она впивается глазами в стол, за которым мы сидим. Лицо ее бледнеет.

– Откуда это? – вздрагивают ее губы.

– Что? – не врубаюсь я.

– Письмо, – она выхватывает из-под моего локтя злополучный конверт. – Ведь это… – с секунду Галка молчит, впившись в него, и безмолвно шевеля губами, – это же Олега! – кричит она, вскочив и размахивая им в опасной близости от моего носа, – почерк его. Как оно к тебе попало? Где он? Что пишет? – она лихорадочно роется в конверте. – Тут ничего нет. Где письмо?

– Сядь! – прикрикиваю на нее. Вырываю конверт и разглядываю, словно вижу его впервые. Что толку – почерк Олега

я все равно не помню.

– Как попало? – я недоволен собой, хотя вины моей в этом нет. – Обычно. По почте пришло. Откуда я мог знать, что это его письмо. Знал бы, так по-другому все было бы.

– Что все? – зловещим шепотом спрашивает Галка.

– Нет у меня письма, – огрызаюсь я, – нет. Было, а теперь нет. Исчезло. Потерялось.

– Как исчезло? Почему?

– Не знаю, – я боюсь смотреть ей в глаза. – В конверте открытка была, а на ней – шифр какой-то. Точно не помню, но, похоже, что камеры хранения. И больше ничего.

– Где открытка? – надвигается на меня Галка и тормошит, рискуя порвать рубашку. Спасает меня какой-то звук, донесшийся из комнаты. Вырвавшись из рук разъяренной фурии, кидаюсь туда.

Будильник лежит на полу. Вокруг рассыпались фейерверком осколки стекла. Как он умудрился свалиться со столика, не представляю. Видимо, я сдвинул его к самому краю, когда рылся в бумагах, и вот он… Я поднимаю его и подношу к уху.

– Кранты! – сообщаю подошедшей Галке.

И тут в моей голове что-то щелкает, и все становится на свои места.

– Гал, – говорю я, – извини, но так уж получилось. Открытку не найти.

– Почему? Ты уверен?

– Дело в том, что ночью у меня шарились воры, – по Галкиным глазам видно, что она не верит мне, – и искали, по всей видимости, как раз ее.

– Почему ты так решил?

– Потому что рылись в бумагах на столике, – я сам видел. Потому что ничего больше не взяли. Деньги, аппаратура нетронуты. Потому что, наконец, меня не тронули. А раз не тронули, значит, то, что искали, нашли.

– А ты что в это время делал? Лежал и смотрел на них? Или дрожал скрюченный под одеялом?

– А это уж не твое дело! – свирепею я. – Что я делал и как делал. Будет еще всякая соплюха учить меня жизни!

Галка сердито фыркает и вылетает из комнаты. Настырная девка! Какой была вредной, такой и осталась. Виноват я что ли, если меня сковала какая-то сила, да так, что я был не в состоянии шевельнуть ни рукой, ни ногой. С похмелья это или от страха, – какой смысл теперь уточнять. Открытку все равно уже не вернуть.

– Но я до тебя обязательно доберусь, – бормочу в адрес ночного гостя.

Галка стоит на кухне, прижавшись лицом к окну. По чуть вздрагиваемым плечам можно догадаться, что она плачет.

– Гал! – шепчу виновато. – Извини!

Она не отвечает, лишь громко всхлипывает.

– День сегодня какой-то шальной, – продолжаю оправдываться. – С утра задергали. Не обижайся, пожалуйста.

– Ладно уж, – выдавливает она.

– Вот и хорошо. Давай продолжим, – суетюсь я. – Чай еще будешь?

Пока пьем чай, страсти немного утихают. Я старательно пытаюсь вспомнить цифры на открытке, но ничего не получается. Не помогают даже светящиеся надеждой Галкины глаза.

– Нет, – мотаю мрачно головой, – ничего не помню.

– Едем на вокзал, – предлагает Галка. – Автоматические камеры хранения только на железнодорожном вокзале. Будем стоять там и следить, – кто и что забирает.

– Бесполезно, – отклоняю эту идею. – Мы не знаем, что там должно быть. Вполне можем проморгать нужную вещь. Или же по ошибке нарвемся не на того. Это может обернуться скандалом и даже участком. К тому же и время уже упущено. У них в распоряжении была вся ночь и еще полдня. Достаточно, чтобы выгрести из камеры все.

Галка опять вешает голову.

– Начнем сначала, – спешу предупредить слезы. – На данный момент я испытываю недостаток информации. Я же фактически почти ничего не знаю, – поясняю в ответ на ее вопросительный взгляд, – кроме того, что ты рассказала. А этого очень мало. Откуда мы можем почерпнуть информацию? – Во-первых, – загибаю я пальцы, – с места происшествия. То есть мне нужно заглянуть к Олегу на квартиру и самому оценить обстановку. Может, найду что-нибудь такое, на что вы не обратили внимания. У тебя есть ключи?

– Есть, – кивает Галка, отвлекшаяся от грустных мыслей и зачарованно следящая за моими манипуляциями.

– Во-вторых, – продолжаю я, – узнать, чем располагает следствие. В-третьих, – твоя сноха.

– Лариса?

– Да. Она хоть что-то да должна знать о предшествующих исчезновению Олега днях.

– Она опять уехала в деревню.

– Ничего, съездим. В-четвертых, что-то могут рассказать на его работе. В-пятых… – задумываюсь я, – есть ли у Олега друзья, увлечения?

– Не знаю, – косится Галка, – У него свои заботы, у меня свои.

– Ладно, разберемся. Вот видишь, – говорю я бодро, – какое у нас обширное поле деятельности. А ты сразу паниковать. Все, я пошел.

– Куда? – вскидывает Галка голову. – А я как же?

– Не беспокойся, буду держать тебя в курсе.

– Нет, я с тобой.

– Ты займись своими делами, – говорю твердо. – Справлюсь без тебя.

– А к Ларисе? А квартиру Олега осматривать, – аргументирует она, – и вообще тебе без меня не справиться.

– Ну уж, – усмехаюсь я, – так сразу и не справиться. Как-нибудь управлюсь. Когда понадобишься, найду.

– Я не согласна, – возмущается она как ребенок, у которого отняли любимую игрушку, – или мы вместе, или…

– Что «или»?

– Ничего! – дергает Галка плечами и опять делает попытку заинтересоваться окном. Я растерянно чешу затылок. Вечно какие-то осложнения! Впрочем…

– Хорошо, не реви, Ватсон! Я собираюсь прихватить видеокамеру и поснимать. Возможно, сюжет получится. Будешь моим оператором. Идет?

Галка мигом переключается с изучения окна на меня. На ее лице появляется улыбка. Черт, есть в ней что-то такое, необычное! Особенно улыбка…

Квартира Олега. Галка открывает дверь и исчезает в глубине квартиры. Я медленно прохаживаюсь по комнатам, прицениваюсь, что снимать, откуда и как. Снимаю общие виды, панораму.

– Сережа! – доносится из кухни встревоженный крик.

Галка замерла у окна.

– Смотри, что это? – указывает она на него.

В наружном стекле зияет дыра, небольшая, округлая, с неровными краями. Будто от удара булыжником. Внутреннее стекло сохранилось.

– Камнем кто-то заехал, – говорю я. – Ничего странного.

– Да кто ж докинет сюда, на девятый этаж? А это что? – тычет она пальцем во внутреннее стекло, на котором налипли осколки.

– Просто осколки прилипли.

– Почему они прилипли?

– Им что, уже и прилипнуть нельзя? – раздражаясь, открываю створку и пытаюсь смахнуть их, – видишь, обыкновенные… – и прикусываю язык. Осколки не желают отставать от стекла.

– Крепко прилипли. Дай нож.

Но и ножом отколупнуть хотя бы один осколок не удается.

Казалось, они срослись намертво с основным стеклом, слились воедино. Под ножом крошатся, ломаются, но полностью не отстают.

– У Олега есть лупа или какое-нибудь увеличительное стекло? – спрашиваю у Галки.

– Не знаю. Пойду поищу.

Она уходит, но возвращается ни с чем.

– Обойдемся, – выкручиваю из камеры объектив и пытаюсь рассмотреть стекло через него. При ближнем рассмотрении оно оказывается действительно странным. Осколки составляют с ним одно целое, границы исчезли. Или это объектив смазывает границы? Нет, не смазывает. Вот крупный осколок вошел в стекло под углом, а его конец чуть выступил с другой стороны. Как нож в масло. Чушь какая-то, сплошная загадка!

– Ничего не пойму, – отрываюсь в растерянности от окна. – Такое невозможно. Тут специалисты нужны.

Снимаю камерой окно, подробнее отверстие и осколки.

– Что еще?

– Посуда побита, – указывает Галка на полку. – Весь пол был усыпан, но уже прибрались. Наверно, Лариса.

– Заснимем и посуду, которой нет.

Затем мы долго роемся в столе Олега, выискивая в его записях малейшую зацепочку, которая могла бы пролить свет на причину его исчезновения.

– Ничего, – захлопываю, наконец, дверцу. – Поехали дальше.

– К Ларисе?

– Сначала на студию заскочим.

Галку с восторженными, широко раскрытыми глазами оставляю в операторской у Димыча, а сам отравляюсь к Валентине. С Валентиной меня связывают сложные и непонятные отношения. Знакомые с институтской скамьи, мы уже успели достаточно изучить и надоесть друг другу, чтобы связывать воедино наши судьбы. Наши дороги то расходились, то сходились и вот опять скрестились в студии. Она так и осталась не замужем. Я иногда скрашиваю ей вечера, оставаясь даже на ночь. Это нисколько не мешает мне подцепить на следующий день другую девочку или удариться в загул. Претензий друг к другу мы не предъявляем. Меня это устраивает, хотя по студии ползут слухи о нашей предполагаемой свадьбе. Источников их возникновения я, как ни пытаюсь, доискаться не могу и иногда, поддаваясь им, подумываю – а не жениться ли, в самом деле? Чем Валентина не жена? И квартира есть, машина – старый разбитый «москвич», доставшийся ей в наследство от деда. Но внутренний

голос советует мне не торопиться. Уж слишком Валентина эмансипирована. Мне же нужна жена, а не депутат горсовета. К тому же не хочется лишаться свободы, избавляться от, скажем, несемейных привычек.

Валентина отрывается от бумаг и изучающе окидывает меня взглядом поверх очков.

– Опять, – качает она головой.

– Бывает, – развожу я руками, как провинившийся школяр. – Мне, собственно, машина нужна. На денек – другой.

Валентина смотрит на меня, но я выжидающе молчу, предпочитая избегать продолжения. Тогда она роется в сумочке и бросает на стол связку ключей.

– Доверенность еще действует?

– Ага, – киваю я головой, сгребаю ключи и спешно ретируюсь.

– Пьяный не езди! – кричит Валентина вдогонку.

Димыч, как я и подозревал, уже клеит Галку, коршуном нависнув над ней. А она сидит за пультом и лупает глазами на мониторы.

– Отстань, занята, – грозно предупреждаю я, вытаскивая Галку из операторской.

Старший лейтенант, вывернувший из-за угла, идет неспеша по тротуару. Поравнявшись с нами, он оглядывается и ныряет в приоткрытую дверку.

– Привет!

– Салют, старлей! Принес?

– Конечно. А это кто? – он оглядывается на сидящую сзади Галку.

– Это со мной. Не беспокойся – не проболтается, – Галка, предупрежденная заранее, сидит тихо.

Старлей недовольно топорщит рыжие усы, но Все-таки раскрывает дипломат и вынимает оттуда папку.

– Только быстро, пока не хватились, – предупреждает он. – Минут десять – пятнадцать, не более.

Торопливо листаю дело. Заявление истицы об исчезновении мужа… Акт обследования квартиры… Битая посуда на полу… Акт опроса сотрудников по работе… Распоряжение об объявлении розыска пропавшего без вести Ветрова Олега Александровича… Перелистав для верности еще раз, захлопываю папку.

– Ну, – спрашивает старлей, – есть что?

– Ничего существенного. Слабо работаете.

– Улик ноль. Ни одной стоящей версии, – пожимает он плечами. – Темное дело.

– Кто ведет?

– Павлюк.

– Капитан? – удивляюсь я. – Как это его угораздило? Ведь он от таких дел бежит как от огня.

– Ну, других он остерегается не меньше. На этот раз не повезло. Преступность растет, людей не хватает. Вот его и приобщили к делу.

– Он же не будет им заниматься. Время протянет, а затем спустит на тормозах… – я вспоминаю, что позади меня сидит и слушает человек, напрямую заинтересованный в положительном исходе розыска, и срочно меняю тему. – Между прочим, здесь не все. Кое-что вы пропустили.

– Что? – оживляется лейтенант.

– Не сейчас. Потом, может быть. Самому еще не ясно, есть здесь какая связь или нет. Ну, спасибо, – жму ему руку.

– Куда теперь? – спрашивает он.

– Пройдусь сначала по вашим следам, потом будет видно.

– Будь осторожнее. Наши пронюхают, – житья не будет.

– Сообщи, если что новое появится.

– Сообщу, – он хлопает дверкой и также вразвалку направляется назад.

– Это кто? – шевелится сзади Галка.

– Да так. Товарищ мой давний.

– Ты узнавал у него про Олежку, да? – голос ее чуть дрожит.

– В общем-то, да, – мне не хочется ее обнадеживать, но и обманывать душа не лежит. – Ничего у них определенного. Расследование провели так себе, поверхностно.

Галка молчит, но я чувствую, что ей сейчас плохо. Очень плохо.

– Не унывать! – прикрикиваю на нее как можно бодрее. – У нас еще уйма работы. Едем к Ларисе.

Дорога идет через пойму реки. Высоко поднятая над землей дамба, укатанная сверху асфальтом, позволяет пользоваться ею в любое время года, даже весной, когда вышедшая из берегов река заливает все вокруг на десятки километров, превращая пойму в безбрежное море. Вода давно уже сошла, и на том месте, где раньше плескались вольные волны, теперь колышутся под порывами ветра зеленые травы, вымахавшие уже почти в рост человека. Изредка мелькают слюдяными блестками протоки и озерца, оставшиеся от половодья. Воздух напоен знойным ароматом луговых трав, звенит трелями невидимок-жаворонков и несмолкаемым стрекотом кузнечиков. Оторвавшись от земли, плывут в патоке миража дальние рощи.

Дорога, уходящая в сторону от шумной, забитой

автомобилями магистрали пустынна. Ехать по ней одно удовольствие. Пользуясь этим, я развиваю приличную скорость. Галка, пересевшая вперед, испуганно вскрикивает, когда машину подбрасывает на ухабах. Лицо ее разрумянилось, глаза задорно блестят. Жаркий тугой ветер, врываясь в раскрытое окно, гуляет по салону, озорует, задирая подол ее платья. Обнажает стройные красивые ноги, треплет волосы и упорно залепляет прядями лицо, вызывая радостный восторг. Я то и дело отвлекаюсь от дороги, чтобы хотя бы мельком глянуть на эти ножки, на хорошенькое девичье личико, на завораживающую улыбку.

Внезапно мотор глохнет. Машина дергается так, что Галка припечатывается к переднему стеклу. Завывая шестернями заднего моста, «москвич» катит по инерции еще немного вперед и останавливается.

– Чертов рыдван! – чертыхаюсь я. – Который раз он меня подводит! Нет, пора ему на металлолом.

Галка непонимающе смотрит на меня, потирая лоб.

– Приехали, – говорю я. – Авария. Мотор отказал.

Вылезаю из машины, поднимаю капот и погружаюсь в недра двигателя. Причина выясняется быстро – нет искры. Еще через двадцать минут я в полном замешательстве опускаюсь на асфальт и вытираю грязными руками пот на лице, не замечая этого. Не вырабатывает ток генератор, и, что совсем непонятно, безмолвствует аккумулятор. Вышла из строя вся система электропитания. Но такого быть не может!

– Сергей! – отвлекает меня тревожный Галкин голос.

Она стоит рядом с машиной, задрав голову и уставившись в небо. Слежу за ее взглядом и упираюсь во что-то круглое и сияющее.

– Летающая тарелка! – благоговейно шепчет Галка.

– Чепуха! Их не бывает.

– Бывает, – шепчет она. – Вот она. Видишь?

Над нами на высоте примерно тысячи метров висит непонятный светящийся объект в форме шара. Он кажется однородным, но замечаю, что по нему равномерно пробегают сполохи света, появляются и исчезают концентрические круги. По окружности движутся темные строчки точек.

Очнувшись, ныряю в автомобиль и появляюсь с видеокамерой. Торопливо ловлю тарелку в видоискатель и нажимаю на пуск… Камера молчит. Тщетно пытаюсь запустить. Бью по ней кулаком и высказываю все, что о ней думаю. Проверяю кассету, механизм – все в порядке, камера должна работать. Но не работает. Остается только пассивно смотреть вверх, сжимая в бессильном гневе кулаки и проклиная эту

шарманку, лишившую меня таких уникальных кадров. Галка стоит рядом, и, приставив ладонь козырьком ко лбу, неотрывно смотрит на объект, что-то шепча с суеверным ужасом и иногда вскрикивая, заметив происходящие в нем изменения.

Это длится довольно долго. От неудобного положения затекает шея, но оторвать взгляда от тарелки я не могу. Время для меня будто остановилось. Только изредка ловлю себя на том, что продолжаю нажимать на пуск камеры в надежде, что она вдруг заработает.

Наконец объекту надоедает стоять над нами, и он, внезапно сорвавшись с места, солнечным зайчиком, почти неуловимым для человеческого глаза, скользит по небосводу и исчезает. И в то же мгновение запускается видеокамера.

– У-у, – машу ею, не в силах выразить свои чувства.

– Не надо, – хватает Галка меня за руку. Я вырываюсь и яростно швыряю уже не нужный аппарат на заднее сиденье. – Зараза!

Забираюсь в машину и пытаюсь еще раз завести мотор. Как ни странно, но он схватывается с первых же оборотов, чихает и ровно урчит. Будто не ломался вовсе. Будто я только что не бился над ним в попытке устранить причину аварии. Странный все-таки у Валентины тарантас, с норовом. Захлопываю капот, зову Галку, и мы двигаемся дальше. Едем молча, полные впечатлений от встречи с летающей тарелкой. Особенно досадую я. Надо же было камере отказать в самый неподходящий момент!

– Олег как-то рассказывал, – прерывает молчание Галка, – про такой же случай. Над дорогой появилась тарелка, и все машины остановились. Ни одна не смогла тронуться с места до тех пор, пока тарелка не улетела. Предполагают, что она каким-то образом временно вывела из строя у всех электрооборудование. То же самое произошло и с нашей машиной. А камера у тебя от чего работает?

– От батареек. Ну, конечно же! – хлопаю себя по лбу. – Она и не могла работать. Я, глупый, виню камеру, а причина-то не в ней. Извини, родимая, – оборачиваюсь я назад и глажу аппарат. – А вот у этих ничего не вывела.

Нас нагоняет машина. Черные «жигули». Идет она еще быстрее нашей. Видно, как ее подбрасывает на ухабах, да так, что колеса отрываются от дороги, и она на мгновения зависает над асфальтом. Рисковый парень – водитель этой машины. Из породы смертников. Я, конечно, тоже не отношусь к черепахам, тоже люблю прокатить с ветерком, но чтобы так… При ста десяти сцепление шин с грунтом ослабевает, не успеешь и глазом моргнуть, как окажешься вверх брюхом в кювете. Впрочем,

инстинкт никогда меня не подводит. Нога помимо воли отпускает педаль газа, стоит только автомобилю начать рыскать по дороге. Эти же идут примерно под сто сорок. Автомобиль безбожно мотается из стороны в сторону, рискуя в любой момент слететь с насыпи, но скорости не снижает. Когда он успел появиться, я не заметил. Хотя на такой ровной местности дорога просматривается на многие километры.

– Он не попал в зону действия тарелки, – словно отвечает Галка на мои мысли, – поэтому и нагнал нас, пока мы стояли. Притормози, пожалуйста, – просит она. – Не нравится мне эта машина.

Мне она тоже не нравится. Сбрасываю скорость и прижимаюсь к обочине. Не ровен час, еще зацепит нечаянно. Это нас и спасает. Настигнув наш автомобиль, «жигуль» идет на обгон. Когда мы оказываемся на одной линии, он вдруг резко сворачивает и ударяет нам в бок. От неожиданности я чуть не выпускаю руль из рук. Автомобиль виляет на кромку откоса и чудом не валится вниз. Галка испуганно визжит, но я успеваю вывернуть. «Москвич», взревывая и выбивая из-под колес фонтан песка и гравия, грузно выбирается на асфальт. «Жига», проскочив вперед, останавливается. Так и стоим мы друг против друга, – наш «москвич» и метрах в десяти черные «жигули». Стоим в ожидании, что предпримет противная сторона. Темные поляризованные стекла «жигулей» зловеще поблескивают, нагоняя тревогу и смятение. Разглядеть что-либо за ними невозможно. Это ожидание, казалось, растягивается в вечность. На самом деле проходит всего лишь несколько секунд. Черная машина сотрясается и подается назад. Заворожено смотрю на приближающуюся все быстрее и быстрее машину и не могу пошевелиться. Знакомое оцепенение сковывает руки и ноги.

– Сергей! – кричит Галка. – Я боюсь!

Горячая волна окатывает меня, и я прихожу в себя.

– Пристегни ремни! – кричу, вцепившись в руль, и лихорадочно давлю, что было сил, на педаль тормоза.

«Жига» врезает наискосок. Мы принимаем удар подготовленными, и все обходится без разбитых носов и синяков. От удара «москвич» разворачивает поперек, но на дороге удерживается. Выручает масса старой, изготавливаемой на века машины. В этом сказывается ее преимущество. Легкой «жиге» придется изрядно попотеть, прежде чем удастся сбросить нас с дамбы. Противник это, похоже, тоже понимает. «Жига» газует и мчится вперед.

Что за маньяк сидит за баранкой этих «жигулей»? Какую цель он преследует? Непреднамеренными действиями здесь не пахнет.

Или это… Перед глазами опять встает ночь, луч света, шарящий по столику, перебираемые бумаги… Но что им еще надо от меня? Открытка у них. Помешать им при всем своем желании я не могу. Или из моей схемы выпало какое-то звено?

– Они возвращаются! – кричит Галка.

Машина, отъехав подальше, развернулась и теперь мчится на нас, увеличивая скорость с каждой секундой. О ее намерениях гадать не приходится. Мы стоим, перегородив дорогу. Объехать нас невозможно. Не раздумывая, я разворачиваю машину и гоню назад, в ту сторону, откуда мы только что приехали. На «москвиче», тем более на этом, отъездившим уже свое, уйти от погони – дело безнадежное. Поэтому я не удивляюсь, обнаружив через некоторое время рядом с собой черный силуэт. Места для маневра на дороге нет. «Жига», приткнувшись к «москвичу» вплотную, начинает оттеснять нас к обочине. Пытаюсь в свою очередь сделать с ней то же самое, но у меня это получается хуже. В результате шины «москвича» опять вгрызаются в гравий. Галка, побледневшая, кидающая на меня умоляющие взгляды, испуганно таращится на открывшийся сбоку обрыв, сулящий одни неприятности. А я… Я молю бога о том, чтобы нам было позволено дотянуть до километрового столбика, одиноко маячащего впереди. Мольба моя, похоже, услышана. «Москвич» выравнивается со столбиком. Я резко выворачиваю направо и одновременно жму на тормоза. Машину заносит, и мы чуть не срываемся вниз. Столбик, вставший на нашем пути неодолимым препятствием, останавливает неуправляемое движение машины. «Жигулям» везет меньше. Не ожидавший от нас такого хода, автомобиль тянется по инерции за нами, но для него не находится еще одного такого же столбика. Поэтому «жига», продолжая движение, слетает с дороги, минует обочину и, зависнув на мгновение в воздухе, рушится вниз, скрываясь за насыпью. Снизу доносится удар и скрежет сминаемого металла. И все стихает. На нас наваливается оглушающая тишина. Даже жаворонки и кузнечики затаились в смятении.

В таком же смятении застыли и мы с Галкой. Как все это объяснить? Кто мы? Виновники аварии и, возможно, чьей-то смерти? Потерпевшие, превысившие пределы обороны? Или еще кто, трудно объяснимый в вязком омуте юриспруденции? Кем бы мы ни были, сейчас не до этого, не до выяснения своей правоты или вины. Ломая свинцовое сопротивление тела, я выталкиваю помятую дверь, вываливаюсь из машины и бегу к обрыву. «Жигули», вернее то, что от нее осталось, лежит внизу вверх брюхом. Глубоко пропаханный откос дамбы и смятая, перемешанная с землей трава указывает ее недолгий путь. А

вокруг равнодушно покачиваются травянистые заросли. Не отдавая отчета в своих действиях, прыгаю вниз и качусь по откосу. Что руководит мною в этот момент, – желание увидеть в лицо врага или же оказать помощь потерпевшему, – об этом я не задумываюсь.

Автомобиль помят изрядно. Искореженный капот, оторванная дверь, – все указывает на бушевавшие здесь минуту назад нечеловеческие силы. Вырванное с корнем сиденье загораживает вход. Через выбитые окна разглядываю внутренности салона… Внутри никого нет! Ни бесчувственного тела, ни следов крови. Я медленно разгибаюсь. Куда исчез тот, кто только что пытался уничтожить меня с Галкой, но неосторожно поменялся с нами местами? Неужели остался жив и успел улизнуть в кусты? От этих мыслей мне становится неуютно. Высокая трава стоит сплошной стеной. Искать в ней бесполезно. Но можно предположить, что в любой момент из зарослей может раздаться выстрел. Это, учитывая недавнее желание преследователя покончить с нами, вполне допустимо. Разворачиваюсь и, загребая по-черепашьи руками и ногами сыпучий гравий, проклиная свою расшалившуюся любознательность и добросердечность, карабкаюсь наверх, ежесекундно ожидая удара пули в спину. Утыкаюсь носом в чьи-то ноги. Ноги оказываются Галкиными. Она стоит на кромке откоса и в прострации смотрит на меня. С ее лица еще не сошли бледность и тревога пережитого недавно страха неминуемой смерти.

– На их месте должны были оказаться мы, – скорбно молвит она, на что я, особо не церемонясь, подбиваю ей ноги. Галка шлепается рядом.

– Ты чего? – лицо ее кривится от боли.

– Дура! Что так стоишь? Жить надоело?

– Сам дурак! – огрызается она. – Аккуратнее не мог?

– Не до аккуратности. Тот маньяк в кустах залег. Того и гляди, стрелять будет. А ты стоишь, как на панели. Давай ползком в машину, – подталкиваю ее.

За Галкой ползти неудобно. Не то, чтобы мешает ее далекая от совершенства техника передвижения по-пластунски. Просто платье у нее для такой процедуры немного коротковато.

Так что ползу почти вслепую. Забравшись в машину, немедля разворачиваюсь, и мы поспешно покидаем место происшествия. Оставаться на месте аварии опасно. Не менее опасно возвращаться домой. Вдруг нас на дороге поджидает еще одна такая же не в меру агрессивная машина. В одиночку эти ребята обычно не работают.

Галка жалобно скулит, согнувшись над изодранными в кровь

коленями. Я ничем ей помочь пока не могу. И только когда тает в дымке место аварии, когда обступают дорогу с обеих сторон деревья, мы съезжаем с дамбы по ответвлению дороги. Углубившись по заросшей травой, еле видимой дорожке в лес, оказываемся на берегу небольшого озерца, заросшего ряской и кувшинками. Здесь уже можно расслабиться и заняться собой. Пока Галка, постанывая, обрабатывает колени зеленкой – единственной антисептикой, найденной в аптечке, я занимаюсь осмотром автомобиля. Он с честью выдержал испытание, но скандал с Валентиной мне обеспечен. Кроме помятого, ободранного бока на передке остался след от встречи со столбиком – покореженный бампер и вмятая внутрь решетка. Попутно обнаруживаю еще одну неприятность – поврежденный радиатор. Вода тоненькой струйкой сочится и капает на землю. Это ставит под сомненье конечную цель нашего путешествия. Положение спасает полупустая фляга из-под бензина, волею судьбы оказавшаяся в багажнике. Сливаю остатки бензина в бак, иду к озеру и набираю полную флягу воды.

Управившись с первоочередными делами, присоединяюсь к Галке. Она уже разобралась со своими коленками и теперь лежит на берегу, закрыв глаза и расслабленно раскинув руки. Озеро, кувшинки, склонившиеся над водой деревья. Лучи пробиваются сквозь листву и высвечивают повисшие в воздухе призрачные паутинки. Звонкая тишина нарушается чуть слышным лепетом листьев и тонким пением золотистых мух, замерших над венчиками цветов. Девчонка, в истоме раскинувшаяся на траве. Настолько живописна эта картина, настолько слита в своем совершенстве, что внутри у меня будто что-то обрывается. Тонкие травинки, наклонившись над ее лицом, нежно ласкают щеки, цветы пытаются заглянуть в закрытые глаза. Ловлю себя на том, что завидую этим травинкам и цветам.

Трясу головой, пытаясь отогнать наваждение. Не хватало еще удариться в лирику. Что можно испытывать к сестре друга, которую знаешь издавна, с детских лет? Чувство дружбы, товарищества, наконец, но никак не… Чем же тогда притягивает меня к себе эта девчонка, что принуждает снова и снова вглядеться в смазливое личико, окунуться в ее темные бездонные омуты глаз? Отчего при виде ее удивительной улыбки по телу пробегает жаркая волна? Неслышно опускаюсь рядом, стараюсь не нарушить ее безмятежный покой. Солнце золотит пушок на щеках, играет блестками в волосах, разметавшихся на траве. Полуоткрытые губы будто замерли в ожидании поцелуя и магнитом притягивают меня.

Галка, словно почувствовав, открывает глаза. Взгляды наши

встречаются. Бесконечное мгновение смотрим мы в глаза друг другу, пытаясь прочесть в них что-то желаемое, сокровенное. Галка, во всяком случае, прочла. Щеки ее покрываются румянцем, она вскакивает и начинает с нарочитым вниманием стряхивать с платья травинки.

– Тебе нравятся девушки с зелеными коленками? – принужденно улыбается она.

– Я люблю лягушат, – глуповато острю я, медленно отрезвляясь.

– Брр! – передергивает Галку. – Не люблю лягушек. Противные.

– Ты не противная. Ты настоящая царевна. Царевна-лягушка.

– Спасибо за комплимент, – смеется Галка. – Удружил!

Чувствуя, что опять сморозил что-то не то, я тушуюсь, не смея шевельнуть вмиг одеревеневшим языком.

– Что будем делать?

– Ехать надо.

– Не хочется покидать это место, – Галка обводит глазами озеро. – Прелестный уголок! Тишина, покой и никаких… – на лицо ее набегает тень.

– Мы еще вернемся сюда, – перебиваю ее, стремясь отрешить от воспоминаний. – Обещаю.

До деревни, где живет Лариса, добираемся только к вечеру. В дороге приходится несколько раз останавливаться и доливать воду в быстро пустеющий радиатор. В остальном обходится без происшествий.

Лариса, встретившая нас, чрезмерно удивилась.

– Галя? Ты откуда? Что с Олегом? Говори, не томи! – накидывается она на Галку, не давая ей ответить. – Я уже измоталась вся в ожидании. Нашелся? Где он? Что с ним?

– Нет. Не знаю, – Галке удается, наконец, вставить слово. – Не нашли еще. Ищут. Вот он, – указывает она на меня, – ищет. Это друг Олега.

– А-а, – Лариса сникает и мрачнеет.

С женой Олега мне познакомиться не доводилось, и я с любопытством разглядываю ее. На первый взгляд чуть серовата. Или несчастье с мужем обезличило ее. Невысокая, чуть полноватая. Правильные черты лица…

– Сергей, – представляюсь я. – У меня к вам имеется несколько вопросов. Не возражаете?

– Задавайте, – устало кивает Лариса головой. – Пройдемте в дом.

– Лучше здесь, – я смотрю на солнце. – В доме света будет

маловато. Я, видите ли, хочу записать наш разговор на видеокассету.

– Сергей работает режиссером на телестудии, – поясняет Галка.

– А я думаю, отчего лицо знакомое, – вяло отзывается Лариса. – По телевизору видела.

Разговор прерывают вышедшие из дома родители Ларисы. Снова начинаются вопросы, вздыхания. Лариса не выдерживает, ударяется в слезы и уходит в дом. Пользуясь моментом, подвожу Матвеича, отца Ларисы к машине и объясняю неполадку, не вдаваясь в подробности.

– Сделаем, – отзывается тот, садится в машину и уезжает к знакомому костоправу.

Деревенское гостеприимство известно, и мы не очень-то упираемся, когда мать Ларисы начинает собирать на стол. После ужина приступаем к цели нашей поездки. Галка, наспех обученная обращению с видеокамерой, делает круги вокруг нас, а я в это время пытаю Ларису.

Я. Когда вы заметили неладное в поведении Олега?

Л а р и с а. Дня за три. Олег начал вести себя странно. Встревоженный стал, пугливый. Замкнулся в себе и на мои вопросы отвечать не желал, от ответа уходил. Советовал не соваться в какое-то «дело», иначе не только ему, но и мне могут быть неприятности.

Я. Что это за «дело», он не уточнял?

Л а р и с а. Нет. Может, оно связано с секцией. Он в последнее время делал для нее какие-то расчеты.

Я. Какая секция?

Л а р и с а. Точное название не помню. Они там летающими тарелками занимаются.

Я. Как они, то есть члены секции, вышли на Олега?

Л а р и с а. А им и выходить не надо было. Он сам – член этой секции. Такой же ненормальный, как и все остальные.

Я. Летающие тарелки и исчезновение человека. Вы видите здесь какую-то связь?

Л а р и с а. Я? Это вы видите! Я на такую глупость не способна.

Я. Я тоже. Хорошо. Этот вариант, как самый глупый, отпадает. Продолжаем. Что вы можете сказать о последующих событиях? Замечали ли наблюдение за собой или за домом? Странности какие-либо?

Л а р и с а. Наблюдения не замечала. А насчет странностей – (думает) – погром устроили, посуду всю перебили… Это уже после было. А до этого…

Я. Дыра в окне на кухне когда появилась? Тоже после?

Л а р и с а. Дыра? Я не заметила. Не до этого было.

Я. Так что было до этого?

Л а р и с а. До этого он отправил нас сюда. Говорил, денька на три, пока все не уляжется. Без нас, мол, ему спокойнее будет.

Я. Ему звонили, им интересовались какие-нибудь люди?

Л а р и с а. Насколько я знаю, нет. Может, после нашего отъезда.

Я. Олег отправлял куда-нибудь письма, собирался ли положить что-нибудь в камеру хранения?

Л а р и с а. Нет. При мне, во всяком случае, нет.

Я. Но у него было что прятать?

Л а р и с а. Вряд ли. Были какие-то расчеты, графики, но я в них не вникала. Не считала нужным. Олег прятал их от меня в последнее время.

Я. Вы могли бы их узнать?

Л а р и с а. Наверно. Но дома их нет. Уже искали.

Я. Что вы можете еще сказать?

Лариса пожимает плечами, затравленно косясь на камеру. Больше ничего вытянуть из нее не удается. Несмотря на то, что убрали пугающую ее видеокамеру, Лариса предоставить каких-либо причин исчезновения Олега не может. Но все равно поездка оказалась ненапрасной. Расчеты, секция – это уже какая-то зацепочка, ниточка. За нее стоит потянуть. Глядишь, дальше что-то да раскрутится.

Незаметно опускаются сумерки. Машину из ремонта еще не вернули, да и возвращение, на ночь глядя, особого желания не вызывает. Особенно после недавних событий. Поэтому я не упрямлюсь, когда Галка сообщает, что мы остаемся ночевать, и с хозяевами все обговорено. От нечего делать занимаюсь наведением порядка в своих записях. Галка невдалеке цыганит что-то у Матвеича. Спустя некоторое время она подходит ко мне, помахивая ключом на пальце и победно улыбаясь. Заговорчески манит рукой. Когда симпатичная девушка, к которой к тому же неравнодушен, зовет с загадочной улыбкой на устах, – поневоле все бросишь и пойдешь куда угодно. Что я и делаю.

Галка уводит меня к реке. Спускаемся с крутого обрыва на песчаный берег. На нем, как моржи на лежбище, разлеглось множество лодок. Она подводит меня к одной и отмыкает замок на цепи, которой лодка крепится к вбитому в землю крюку.

– Помоги, – приказывает она, с натугой толкая лодку. – Что стоишь как истукан?

– А эти, – тыкаю пальцем за плечо. – Как бы чего не вышло.

– Какой ты глупый! – в ее смехе слышится издевка. – Это лодка Матвеича. Он разрешил. Ну!

Наконец разобрав, что к чему, присоединяюсь к ней, и вдвоем сталкиваем лодку в воду.

Мотор фыркает и ровно урчит. Лодка быстро набирает скорость и несется по течению реки. Галка лихо управляет. Мне достается роль восторженного зрителя. А восторгаться есть чем. Солнце уже спряталось, но еще достаточно светло, чтобы разглядеть окружающее.

Впавшая в сонную истому река приглушила волны. Лодка рассекает зеркальную гладь, дробя отражающиеся в воде первые звезды. Ветер затих. Густые заросли по берегам успокоились и погрузились в сон. Даже птичьи голоса уже не слышны. Лишь тарахтенье мотора и плеск воды о борта лодки нарушают сонную тишину. Под этот убаюкивающий шум не хочется ни думать, ни разговаривать. Я полностью отдаюсь чарующему созерцанию нескончаемой лунной дорожки. Галка тоже молчит. Поворот исчезает за поворотом, открывая перед нами новые сумеречные дали. Мы мчимся в упоительном полете.

Упоение кончается внезапно. Раздается глухой удар, нос лодки задирается и рывком уходит в сторону. Меня подбрасывает неведомая сила. Не успев опомниться, я оказываюсь в воде. Глотнув от неожиданности, я, судорожно работая руками, выскакиваю наверх.

Я один среди водного пространства. Где-то неравномерно кашляет мотор. Лодка, невидимая в темноте, удаляется. Кричать бесполезно. Сквозь шум мотора Галка все равно не услышит. Оставаться одному жутко. В плавании – то я не силен, и добраться до берега самому… Представляю, сколько подо мной метров воды. Вполне достаточно для такого потенциального утопленника, как я. Этого хватает, и я начинаю отчаянно барахтаться, чувствуя, как меня неудержимо тянет под воду.

– Спасите! – это единственное, что приходит мне в голову.

– Держись! – раздается рядом знакомый голос. Чья-то рука хватает меня за шиворот.

– Галка!? – обрадовано ору я. – Я думал, ты того…

– Как видишь, – отзывается она и добавляет. – Ты только не психуй, держи себя в руках. Иначе до берега не доберемся.

– Да я ничего, – бодрюсь я. – Все в порядке. Просто одному скучно было. Теперь полный порядок.

– Тогда поплыли. В ту сторону, – указывает она. – Лодка туда ушла.

– А чего она ушла-то?

– Без управления осталась – вот и ушла. Я же вслед за тобой вылетела.

– Отчего же она взбесилась?

– На топляк налетели. Замечталась я и прозевала его.

– И что теперь?

– Лодка уже где-то на берегу. Мотор заглох, слышишь? Доберемся до берега и отыщем. Это несложно.

Плыть ночью на большие расстояния и к тому же в одежде – дело, оказывается, нелегкое. Даже при наличии попутчика. В этом я вскоре убеждаюсь. Одежда тянет вниз, туфли превратились в колодки. Все это мешает, стесняет движения. Попытки освободиться от них ни к чему не приводят. Только впустую трачу силы. Решаю вообще не обращать на них внимание. Галка, словно чувствуя мое состояние, держится рядом, успокаивая и иногда прикасаясь ко мне, чтобы приободрить. Я виду не показываю, что дрейфлю, и в свою очередь пытаюсь развлечь ее. Со стороны все это кажется легкой развлекательной прогулкой.

На берег я выползаю на четвереньках. Ноги отказываются держать, сердце готово пробить грудную клетку, а в глазах плывут разноцветные круги. Пока я валяюсь мокрой тряпкой на песке, Галка стоит рядом, напряженно вслушиваясь в тишину. Чрезмерно уставшей она не выглядит. Я же от собственного бессилия готов провалиться сквозь землю.

– Хватит загорать, – грубовато, и в то же время как будто ничего не случилось, говорит она. – Пошли лодку искать!

Тяжело подымаюсь, и мы бредем по берегу в ту сторону, где по ее расчетам должна быть лодка. Идти в темноте трудно. Мы то и дело спотыкаемся о коряги и корни деревьев, падаем, до крови обдираясь о сучки и колючки, но упорно пробираемся сквозь чащобу, вглядываясь в темноту.

– Вот она! – произносит Галка, указывая на еле различимый во тьме силуэт. С радостными криками продираемся сквозь заросли и кидаемся к лодке. Она запуталась в ветвях подмытого и рухнувшего в воду дерева. Если бы не Галка, я ни за что бы не заметил.

Недавнее предательское поведение лодки забыто. Освободив ее от плена, забираемся в нее и рассаживаемся по местам. Но при первых же оборотах двигателя под нами раздается такой оглушительный визг и скрежет, что Галка испуганно глушит мотор.

– Винт погнуло, – всхлипывает она. – Ой, что теперь будет.

– Ничего, разберемся, – я только сейчас начинаю чувствовать себя снова мужчиной. – Давай к берегу!

Отыскав свободный от зарослей участок, мы выволакиваем

лодку на сушу и проверяем винт. Одна лопасть действительно погнута и при вращении цепляется за корпус. В темноте с ней возиться сложно. Без огня не обойтись. К тому же мокрая одежда основательно охладила тело. Меня сотрясает мелкая дрожь. Галке приходится не лучше.

– Надо для начала разжечь костер, – предлагаю я. – Обсушимся и попутно винт выправим при свете костра.

Побродив по кустам, наваливаем большую кучу сушняка и разводим костер, благо зажигалка у меня безотказная. Жаль, от сигарет осталось только полужидкое месиво, и я не без сожаления выбрасываю всю пачку. Костер весело пылает, разгоняя подступившую темноту. Отыскав в носу лодки кое – какой инструмент, я занимаюсь правкой лопасти. Галка, натыкав вокруг костра кольев, развесила для сушки одежду и теперь сидит у огня, предостерегающе вскрикивая каждый раз, как я бросаю взгляд в ее сторону. Она, видите ли, оказалась не совсем в форме и теперь жутко стесняется.

Изрядно помучившись, довожу, наконец, лопасть до такого состояния, что она уже не цепляется ни за что. Можно и домой, если одежда высохла. Довольный, подхожу к костру. Присаживаюсь напротив Галки, чувствуя на себе ее настороженный взгляд. Сдала она сегодня! Лицо осунулось, серое, землистое. Под глазами темные круги.

– Какой ты чумазый! – смеется она.

– Ну, вам я тоже не советую глядеться в зеркало, – отзываюсь я. – Всю пыль и грязь с кустов собрали. Искупаемся?

Галка медлит, задумчиво разглядывая букет из лопухов, которыми она живописно прикрывает верхнюю часть тела от посторонних, то есть моих взглядов. Наконец, кивает головой и подымается.

Купание в теплую летнюю ночь – удовольствие неописуемое. Вода, теплая, как парное молоко, мягко убаюкивая, качает, ласкает исцарапанное тело, снимая боль и усталость. Галка от избытка чувств начинает буянить, шумно плескаясь и подзадоривая меня. Не удержавшись, вступаю с ней в сражение. Яростно шлепая руками по воде и обдавая противницу веером брызг, ослепленный ответным водопадом, наугад подбираюсь все ближе и ближе в стремлении заставить ее сдаться и отступить. Галка не уступает, и мы сталкиваемся. Стихает водопад брызг. Мы стоим, как изваяния. Галка чуть откинулась назад, прикрыв рукой глаза от брызг. Передо мной ее губы, своей грудью я чувствую обнаженную прохладную грудь. И я, не удержавшись от соблазна, касаюсь губами ее губ. Галка, судорожно вздохнув, отстраняется от меня и исчезает в черной как ночь воде.

К костру она выходит опять с веером лопухов. Ощупывает висящую одежду и садится напротив. Молчим. Все слова, красивые, нужные, куда-то улетучились, и на язык просятся одни банальности, которые и произносить-то в этот миг не хочется. Говорят взгляды, бросаемые украдкой и иногда случайно пересекающиеся.

– Я тебе нравлюсь? – тихо произносит Галка.

Чувствуя, что ответ не нужен, встаю и шагаю к ней прямо через костер. Галка медленно поднимается. В глазах ее и испуг, и томимое желание неизведанного и сладострастного, и немой зов… Объятия наши сплетаются. Она дрожит…, возможно, от этих холодных лопухов, и я отшвыриваю их прочь…

Ночь. Звезды запутались в опущенных ресницах. Волосы разметались на песке. В упоении ласкаю маленькие девичьи груди. Кончики пальцев наслаждаются бархатистой кожей, упрямой упругостью сосков…

Внезапный толчок отбрасывает меня. Галка вскакивает и с криком бросается в сторону. Неестественный серебристый свет заливает берег и настигает застывшую в беге фигурку. И все исчезает в белом всплеске. В голове вспыхивает серебристый клубящийся шар, взрывается и хлопьями дробящейся пены опадает, гаснет…

Рот напичкан какой-то дрянью. Трудно дышать. Отдираю голову от земли и растерянно вглядываюсь в окружающее. Темень. Затухающий костер, красноватые отблески на раскинувших вокруг черные крылья деревьях. Едва плещущаяся у берега река. В двух шагах от меня замерла, распластавшись на песке, девичья фигурка. Подползаю к ней, тормошу бесчувственное тело. Галка открывает глаза.

– Что? – спрашивает она, но я не отвечаю. Я занят освобождением рта от набившегося в него песка. С минуту она сидит, затем вскакивает и суматошно мечется по берегу, срывая с кольев одежду.

– Бежим отсюда! – истошно кричит она. – Я боюсь, я не хочу оставаться здесь ни на минуту.

Согласно мычу в ответ, пережевывая на зубах песок и отчаянно отплевываясь. Через считанные секунды лодка уже скользит по воде. Управляю я. Галка, скорчившись, сидит на дне, прижавшись к моим коленям, и кидает тревожные взгляды в темное ночное небо.

– Объясни, чего ты испугалась? – прошу ее. – Я ничего не понял.

– Тарелка. Вылетела из-за деревьев и прямо на нас. Я видела.

В памяти восстанавливается свет, застывшая фигурка, хлопья серебристой пены. Ощупываю себя. Все в порядке.

– Ну и что? С нами ничего не случилось, плохого она нам не сделала. Если не принимать во внимание песок в моем рту.

– Откуда ты знаешь, что не сделала? Сколько мы были без сознания?

– Примерно с полчаса, – прикидываю я. – Костер успел прогореть.

– Ну вот! Целых полчаса находились мы в ее власти. Она могла делать с нами что угодно. Может, исследовали, а может, даже запрограммировали нас на какие-то действия.

– Глупости все это! – смеюсь я. – Начиталась фантастики, теперь выдумываешь. Никакая это не тарелка. Обыкновенная шаровая молния, если разобраться. На что она была похожа?

– На шар. Серебристый шар.

– Ну вот, что я говорил! Конечно же, молния. Взорвалась над нами, оглушила и только. Ничего сверхъестественного.

– Молния возникает в грозу, – продолжает упираться Галка. – Где ты видел грозу поблизости? А днем над дорогой тоже была молния?

Я пожимаю плечами. Действительно, что-то часто они разлетались вокруг. Какой-то у них нездоровый интерес к нам. Особенно ко мне. Но чего ради понадобилась им такая никчемная личность, как я? Нет, Все-таки это бред сивой кобылы, подтасовка фактов и ничего прочего.

Продолжая рулить, обнимаю свободной рукой Галку и вспоминаю некоторые другие факты. Более приятные. Мысленно воссоздаю их продолжение. Чертова тарелка, как не вовремя она появилась!

Домой отправляемся на следующее утро. Машина, приведенная в божеский вид неизвестным деревенским умельцем, плавно скользит по асфальту, мерно покачиваясь и нагоняя дремоту. Галка отключилась и спит на заднем сиденье, наверстывая упущенное ночью. Я же вынужден клевать носом и осоловело глядеть на дорогу.

Погнутый столбик замечаю издалека. Хотя в мыслях нет ни малейшего желания, нога сама нажимает на тормоз. Осторожно, чтобы не разбудить Галку, выбираюсь из нее и подхожу к столбику. Место то самое – глубокая борозда по склону, уже пожухлая трава. Для полноты картины не хватает одной детали, а именно, – лежащей вверх брюхом «жиги». Все остальное соответствует, а вот машины нет. И не только ее. Исчезло все, что имело к ней какое – либо отношение. В частности, разные там

железки и колеса, оторвавшиеся при ее падении. Нет даже ни одного осколка стекла. А их было изрядно. Возвращаюсь в задумчивости к машине и трогаюсь с места. Для Галки остановка проходит незамеченной.

В студию внутренний голос рекомендует пока не появляться. Выяснение отношений с Валентиной по поводу помятого «москвича» лучше отложить на будущее. А так как у меня появилась зацепочка, новая, еще не отработанная и к тому же единственная, то я отправляюсь на поиски той самой секции, занимающейся летающими тарелками. Но прежде мне приходится отразить атаку со стороны Галки. Она, как верная спутница, желает следовать за мной повсюду. После яростной перепалки мы приходим к компромиссному решению. Я отправляюсь на поиски секции в одиночку, а она дожидается здесь, у меня дома. Дальнейшие наши совместные действия после этого будут согласовываться. Меня это в какой-то мере устраивает. Особого желания таскать девчонку за собой у меня нет. Галку же удается утихомирить тем, что здесь безопаснее в свете вчерашнего дорожного происшествия.

Адрес секции узнаю сравнительно быстро, позвонив предварительно в некоторые инстанции. Спустя полчаса уже стою перед невзрачным входом в подвал старой пятиэтажки. Над входом скромно висит малоприметная табличка «Секция по аномальным явлениям». Тусклый свет лампочки служит путеводной звездой в мрачные недра подвала. Секция, как и следовало ожидать, занимает соответствующее названию помещение. Комнатушка, отвоеванная у жильцов, хранивших здесь некогда картошку и соленья, до сих пор сохраняет, несмотря на ремонт и побелку, стойкий запах гнили. Деревянный пол недовольно выгибает спину, натужено скрипя под ногами. По стенам ватерлинией тянется бурая полоса от недавнего затопления, вызванного аварией, судя по цвету, канализационной системы. Выше ватерлинии на стенах в хаотическом беспорядке наклеены вырезки из газет и журналов, рисунки, чьи-то цитаты. Интерьер дополняют несколько столов и шкаф, забитый папками, рулонами и стопками бумаг. Все это больше смахивает на обычную контору жилуправления. Одинокая фигура, склонившаяся за столом, усиливает это сходство. Сидящий усердно пишет, не поднимая головы. На глянцевой лысине тускло отражается лампочка. Почувствовав мое присутствие, человек поднимает голову.

– Где-то я уже видел это лицо, – мучительно силюсь я вспомнить, – только оно было в паутине и без синяка и ссадины

на лбу.

– К нам пожаловала телестудия, – лучезарно улыбается человек. – Добро пожаловать! Вижу, мой вчерашний рассказ заинтересовал вас?

– Да это же мой специалист по летающим тарелкам, представитель общественности! – удивляюсь я. Логичность этой встречи доходит чуть позднее. В нашем городишке просто не может быть нескольких секций, занимающихся одним и тем же делом. С кем, как не с Варенухой, должен был я еще встретиться? В суматохе дней он попросту вылетел у меня из головы. Но я даже рад, что попал именно к нему. Памятуя о вчерашней съемке, он будет более откровенен со мной и, не таясь, расскажет об Олеге намного больше, чем кто-либо другой.

– Я по иному делу, Иван Савельевич, – иду я напрямую. – Меня интересует загадочное исчезновение Ветрова Олега.

– А-а, – тянет разочарованно Варенуха, принимаясь машинально перебирать бумаги, – я грешным делом подумал… Ну, хорошо. Садитесь. – Иван Савельич решительным жестом отсылает меня к стулу напротив. – Что вас интересует? Спрашивайте.

Без излишних церемоний пользуюсь приглашением и выкладываю на стол свой репортерский магнитофон. У Варенухи мои приготовления особого восторга не вызывают. По-видимому, атмосфера съемочной площадки его более бы устроила, но организовать ее в данный момент я не в состоянии.

– Ветров является членом секции? – я включаю магнитофон.

– Да. Олега я знаю уже года три. С тех пор, как организовалась наша секция по аномальным явлениям. Он являлся активнейшим членом, безотказным, работящим, думающим. В общем, неравнодушным, если так выразиться. Проблемой летающих тарелок и контактов с инопланетянами занимался всерьез. В отличие от некоторых, кого сюда привела стихия моды на пришельцев, вспыхнувшая в последнее время. Мыслил он неординарно и даже разрабатывал свои теории контакта с инопланетным разумом.

«Был», «являлся», «занимался». Меня коробит от речи Варенухи, подозрительно смахивающей на некролог. Не сдержавшись, обрываю его.

– Не будем торопиться и говорить о Ветрове в прошедшем времени. Еще не доказано, что он погиб. Вполне вероятно, что завтра – послезавтра он появится здесь, как ни в чем не бывало. А вот в связи с последними событиями не могли бы вы пролить свет на причины, вызвавшие это происшествие?

Иван Савельич задумчиво массирует нижнюю челюсть.

– Затрудняюсь ответить, молодой человек. Олега я знал в основном только по совместной работе в секции. Следовательно, судить о причинах компетентно не могу. Но, даже исходя только лишь из этого, смею сказать, что особых причин не существовало. Олег – человек целеустремленный. С плохой компанией он бы не связался.

– По словам жены Ветрова, Олег в последнее время выполнял какие-то расчеты для секции. Что это за расчеты?

– Собственно, это не являлось официальным заданием. Олег сам, по своей инициативе решил систематизировать все известные на настоящее время случаи контактов с инопланетным разумом. По всем родам, по видам летающих объектов, обликам инопланетян, по времени происходивших контактов. Кстати, – Иван Савельич ныряет в стол и появляется с рулоном бумаги, – вот одна из его статистических таблиц. Здесь, – раскатывает он рулон, – как раз систематизированы виды НЛО и время их появления. Жаль, – вздыхает Варенуха, – дальнейшая работа Ветрова прервалась. Возможно, она произвела бы переворот в мировой системе исследований… – речь Варенухи обрывается, и он застывает, паря мыслями в иных сферах. Пользуясь наступившим затишьем, рассматриваю таблицы, силясь понять что-либо в мешанине цифр и знаков.

– Извините, молодой человек, – говорит Иван Савельич, – мне нужно спешить по срочному делу. Чуть не забыл, – он вымученно улыбается.

Прерывать беседу у меня нет желания. Из старикана я вытянул еще не все. Но я вынужден подняться.

– Где вы заработали такой синяк? – спрашиваю по ходу продвижения к лестнице. – Вчера его не было.

– Да где же, как не здесь. Оступился на лестнице. Темно.

Объяснение правдоподобное, только у меня возникает смутное сомнение, которое я и сам не в силах объяснить.

– Кстати, молодой человек, – это происходит уже на улице, – в печати нет-нет, да и мелькают сообщения об исчезновении людей и причастности к этим делам инопланетян. Не может ли оказаться так, что Олег относится к числу этих похищенных?

Предположение кажется мне настолько абсурдным, что я отказываюсь даже комментировать его. Абсурден весь ажиотаж, возникший вокруг летающих тарелок. Абсурдно то, что видели мы с Галкой и поторопились бездоказательно отнести к тарелкам.

– Вас подвезти? – предлагаю я, но Иван Савельич отказывается.

– Нет, спасибо. Мне в другую сторону.

Ответ представляется мне слегка странным. Если учесть, что

он не знает, в какую сторону я собираюсь ехать. Я и сам этого еще не знаю. Поэтому я погружаюсь в размышления.

– Будем исходить из реальных вещей, – предлагаю я себе. – Что мы имеем в действительности? – Факт исчезновения Олега – раз. Неудачная попытка покушения на нас в дороге – два. Ну и ночной гость – три, допустим. Тарелки, инопланетяне – это все недоказательно, а значит, блеф, вымысел. Налицо существование некоей организации – шайки, банды, – называй ее, как хочешь, – которая совершила акт похищения Ветрова. В настоящее время она препятствует нашим поискам. Причем розыск доставляет им серьезные неприятности, раз не остановились даже перед покушением на мою и Галкину жизнь. Между прочим, как там Галка?

Последняя мысль полностью отключает меня от проблемы НЛО и банды. Иду по улице в поисках телефона-автомата. В трубке слышатся долгие гудки. Сбрасываю, набираю вновь и жду, что вот-вот после очередного гудка Галка снимет трубку. Но она этого делать не торопится. Если, конечно, она до сих пор дома. В чем я начинаю сомневаться. Поэтому бросаю трубку и лечу к машине.

В квартире пусто. Чувствуется, что здесь прошлась неугомонная женская рука. Везде прибрано, посуда вымыта. Даже застелена постель, которой я не касался со вчерашнего утра. Но того, ради кого я мчался сюда, – Галки, здесь нет. Что такое важное могло случиться, из-за чего покинула она пост, который оставлять не собиралась? Не в магазин же, в самом деле, отправилась?

Падаю на диван и долго сижу, уставившись в одну точку. В голове полный сумбур. Выловить оттуда хотя бы одну дельную мысль не представляется возможным. Ограничиваюсь ожиданием, – мне все-таки не верится, что Галка ушла совсем. Сейчас прозвенит звонок, и она войдет в раскрытую дверь и скажет устало: «В магазин ходила».

И звонок звенит. Но не дверной, а телефонный. Вздрогнув от неожиданности, хватаю трубку.

– Сергей! – доносится издалека Галкин голос.

– Галка! – ору я радостно. – Ты где?

– Сергей! – притворяется глухой Галка. – Сережа!

– Слышу. Говори! Галка! Галка! – но голос удаляется, затихает.

Стучу в ярости по трубке, выкручиваю шнур, но ничего, кроме шороха электрических разрядов, не слышно. И тогда на меня накатывается тоска и еще что-то необъяснимое. В нем

ощущение своей никчемности, мизерности в бытии вселенной, ненужности. Волны гнета, идущие откуда-то извне, окатывают меня, давят, пытаются сломить. Силюсь в панике бросить трубку, но пальцы сводит судорогой. Рука еще плотнее прижимает ее к уху. А волны все больнее бьют в голову. Мысли путаются, погружаются в сизый туман. Стена комнаты плывет, покрывается трещинами, которые ширятся, растут. Осколки крошатся и сыплются вниз. Передо мной открывается черная могильная пустота. Пустота без времени и пространства…

Сквозь призрачную пелену проступает черная колонна, расширяющаяся кверху и исчезающая за полем зрения. Ее лоснящаяся поверхность изборождена морщинами. Щека моя покоится на чем-то прохладном, но жестком. В бок вонзилось что-то твердое, пытается раздвинуть ребра и проникнуть внутрь. Постепенно в голове проясняется, и я осознаю себя распластавшимся на полу и уткнувшимся носом в ножку столика. То, что пыталось втиснуться меж ребер, оказывается телефонной трубкой. Из нее чуть слышны короткие гудки. Занято.

– Занято!? – я мгновенно вспоминаю все и шарахаюсь подальше от трубки. Воистину меня преследуют наваждения. Или же непорядок во мне самом? Второе, пожалуй, предпочтительнее. В мире еще не существует такого оружия, которое могло бы действовать через телефонную сеть. Вероятнее всего, что моя бедная головушка не вынесла перегрузок, обрушившихся на нее в последнее время, и решила устроить небольшую передышку.

Успокоив себя таким образом, тянусь к трубке и, с опаской ухватив ее двумя пальцами, осторожно переношу, выдерживая безопасную дистанцию, на аппарат. Телефонная связь должна быть исправной на тот случай, если опять позвонит Галка. Если позвонит… Что-то подсказывает мне, что и звонок, и ее удаляющийся голос, и временное помутнение в моей голове – все это неспроста. И что ждать ее звонка бесполезно. Пересилив себя, тянусь с опаской к телефону. Срабатывает правильно, но сейчас, когда все встало с ног на голову, лучше держать ухо востро.

– Димыч? Привет! – бодро говорю в трубку. – Слушай, ты случайно не давал вчера одной гражданке номер моего телефона?

– Ну, – отзывается Димыч, – допустим, давал.

– А она ненароком своего не оставила?

– Нет, об этом я как-то не подумал. Что, заинтересовала?

– Жаль, – не считаю нужным отвечать на его реплики, – Как там дела? Мной не интересовались?

– Нет, тобой он не интересовался, – Димыч не в меру догадлив, но у меня нет желания по достоинству оценить его

шпильку.

– Тогда все. Пока.

– Погоди, – останавливает Димыч. – Тут твоя вчерашняя подружка звонила.

– Болван! – ору я. – Это же то, что мне надо, олух! Выкладывай!

– Здесь что-то непонятное, – злорадно тянет Димыч, – или я чего-то не понял.

– Не томи! – рычу я, – или наша дальнейшая совместная работа покажется тебе адом.

– Ладно, записывай, – снисходит он, – двести пятнадцать, буква «в», тире, триста двадцать пять. Записал?

Вокзал, как обычно, многолюден. Людские потоки втекают, вытекают, схлестываются. Шум и говор заглушают металлический голос репродуктора, бормочущего непонятно что и неизвестно кому. Лавируя в толпе, пересекаю зал ожидания и оказываюсь в камере хранения. Ожидающие вполне могли бы устроиться и здесь, вдали от суеты и сутолоки, но чувство стадности заставляет их томиться в общем зале. Ячейка под номером двести пятнадцать пуста, о чем красноречиво говорит слегка приоткрытая дверца. Растерянно оглядываюсь, уточняю номер, заглядываю на всякий случай внутрь. Но внутренности девственно чисты. Галка уже успела здесь побывать.

– До чего ж настырная девчонка! – ворчу я, но в моих интонациях недовольство почему-то не чувствуется.

В зале ожидания Галку найти довольно сложно. Мельтешат незнакомые лица, суетятся, толкаются, мешают. Продолжаю методично обследовать вокзал, но уверенности, что она ожидает меня здесь, у меня нет. Вполне вероятно, что спешит сейчас ко мне домой, чтобы поделиться находкой…

Довести поиски до конца не удается. В толпе мелькает удивительно знакомое лицо, примечательное сине-фиолетовой шишкой на лбу. Я вынужден опуститься на пол в поисках несуществующей монеты. Исподтишка продолжаю наблюдать за заинтересовавшей меня личностью.

Иван Савельевич – а это он сам собственной персоной – торопливо пробирается сквозь толпу и… скрывается в камере хранения. Еще не совсем уверенный в своих подозрениях, бросаюсь следом и осторожно выглядываю из-за угла.

Варенуха невозмутимо доходит до ячейки под номером двести пятнадцать. Лицо его приобретает выражение, аналогичное моему несколько минут назад. Он проделывает те же действия, что недавно совершал я, и раздосадованный

направляется к выходу. Не желая показываться ему на глаза, поспешно отступаю за ближайшую колонну, продолжая оттуда следить за его последующими действиями. Варенуха появляется из-за угла, цепким взглядом шарит по залу. Поняв бесплодность поисков, спешит к выходу. Любопытство заставляет меня следовать за ним на безопасном расстоянии. Хотя так и подмывает догнать и задать ему парочку вопросов. Но я сдерживаюсь. Вопросы задавать пока еще рано.

Иван Савельич стоит на автобусной остановке, нетерпеливо притопывая и оглядываясь. Этим он отличается от основной массы людей, которые смотрят почему-то не по сторонам, а вверх. Я тоже невольно задираю голову. Снова тарелка! Слегка светящаяся, похожая на чечевицу. Зависла над нами неподвижно и не торопится улетать. Люди вокруг возбужденно переговариваются, тычут пальцами в небо. В другое время я тоже бы задержался, понаблюдал за ней, поделился впечатлениями, поснимал. Но сейчас я стремглав мчусь к машине, ибо Иван Савельич уже садится в подкатившие черные «жигули». Черные «жигули»!? Мысль моя нелепа, но возникшее желание познакомиться поближе с хозяином «жигулей» не оставляет меня. На всякий случай запоминаю номер. Позднее наведу о нем справки. Слежка за Варенухой никаких результатов больше не приносит. Иван Савельич высаживается у своей секции и торопливо исчезает в подвале. Идти за ним я не рискую и отправляюсь домой в надежде, что там меня уже ожидает Галка.

Надежды мои не сбываются. Галки дома нет. Я начинаю впадать в панику. Надо же было вовлечь в это дело глупую несмышленую девчонку! Сам иногда уже сожалею, что ввязался, а тут еще она… Виню я в этом только самого себя, и от таких мыслей на душе становится гадко. Истерзанный тревогой, мчусь снова на вокзал. Обыскиваю его сверху донизу, что опять же не дает никаких результатов. Бестолково мотаюсь по городу, выискивая ее по родным и знакомым.

Темнеет, когда я возвращаюсь в пустую и мрачную квартиру. Безысходность поисков угнетает. В отчаянии не нахожу себе места и брожу по комнатам, не в силах что-либо предпринять. Вполне возможно, что Галка вообще не появится. Не из-за нежелания, а в силу других причин, от нее не зависящих. Нежданное появление Варенухи на вокзале служит тому явственным и внушающим тревогу предупреждением. Как он мог узнать шифр, откуда тот стал известен Галке, где пересеклись их пути, – эти вопросы остаются без ответа.

Помаявшись с полчаса, так и не придя ни к какому решению,

я, чтобы немного отвлечься, берусь за просмотр отснятого материала. На экране бегут кадры, снятые в квартире Олега, – прихожая, комната, кухня. Освещения в прихожей маловато. Часть отснятого пойдет в брак. Остальное без изъянов. Внезапно волосы на голове начинают шевелиться сами собой, и меня окатывает холодная волна ужаса. На экране – окно в кухне. Крупным планом – отверстие в стекле. А в отверстие… заглядывает лицо. Серая человекоподобная маска. Темные провалы глаз. Злобная неестественная гримаса, искажающая его черты. Да, лицо! Оно не застыло, оно живое. Я встречаюсь с его взглядом, чувствую эманацию ненависти, исходящую от этой живой маски и вызывающую мороз по коже.

Запись обрывается. Я медленно прихожу в себя. Что это за лицо? Как оно там оказалось? Когда я снимал, никого за окном не было, да и не могло быть. Квартира Олега находится на девятом этаже. За окном нет ни балкона, ни лоджии, ни вообще какой-либо площадки или выступа, за который можно было бы зацепиться! Ровная бетонная стена! От такой догадки мне опять становится жутко. С какими неведомыми силами вступил я в борьбу? Чье это лицо? Какую роль играет в происходящих событиях Варенуха? Такой ли он безобидный, каким кажется? Есть ли связь между Варенухой, серой маской и последними событиями, произошедшими со мной и Галкой? И где же Все-таки Галка? Куда исчезла? Не стоит ли за ее исчезновением, пусть хотя бы косвенно, все тот же Варенуха? Варенуха… Что-то знакомое слышится в этой фамилии, где-то я о нем уже слышал нечто… Кидаюсь к книжной полке, где в присущем мне беспорядке свалены вперемешку с беллетристикой тетради и дневники со сценариями, идеями и набросками. Роюсь в них, листаю подряд все, что попадает под руку, пока, словно по наитию не натыкаюсь на булгаковского «Мастера и Маргариту». Есть! Варенуха Иван Савельевич, администратор варьете, он же по совместительству вампир у Воланда. Варенуха? Но это же нонсенс, чудовищная нелепость – вообразить за одно и то же лицо того Варенуху, вымышленного литературного героя, и этого, реально существующего. Все равно, что принять за действительность факт присутствия в Москве двадцатых самого дьявола со своей свитой. Или же поверить в реальность сюжетов всех сказок и фантазий. Нет, вероятнее, что мой Варенуха – просто однофамилец. Или же, что более вероятно, главарь банды, принявший для собственного веса этот псевдоним. Тогда получается, что под вывеской секции по аномальным явлениям скрывается хорошо законспирированная банда. А Олега они убрали, когда он случайно докопался до их сути. Я же в данном случае играю пока

роль мальчика для битья, этакой боксерской груши, на которой поочередно отрабатываются удары. Пока… Пока я, как и Олег, не подобрался к ним слишком близко. И тогда меня тоже… А мне плевать! Тем более что Галку они, похоже, уже отправили туда. А ее я им не прощу! Я чувствую, как во мне закипает кровь. Хватит, мне надоело принимать удары. Пора наносить самому. Возможно, этим я ускорю ход событий и вызову огонь на себя. Но счет времени сейчас не в мою пользу.

В подвальчике уже не так пусто, как в мой первый визит. С десяток человек сидят кружком и довольно живо беседуют. Догадываюсь, что это по поводу чечевицы, висевшей над вокзалом. Верховодит, естественно, мой Варенуха.

– Иван Савельич! – зову его.

– А вот и товарищ с телестудии, – обращает он внимание коллег на меня. – Там тоже интересуются неопознанными летающими объектами.

– В данный момент меня интересует нечто другое, – в меру вежливо отвечаю я. – Нам необходимо обсудить одну возникшую проблему.

– Пожалуйста, молодой человек, – радушно разводит руками Иван Савельич. – Всегда рад помочь.

– Только не здесь, – с сомненьем оглядываю аудиторию. – Может, выйдем?

Варенуха встает, и мы выбираемся на свежий воздух.

– В машине, – предлагаю я.

Тот соглашается.

– Итак? – спрашивает он.

– Где Галка? – без околичностей приступаю я.

– Извините, не понял.

– Не прикидывайтесь, – я был готов к такому ответу, – Все вы отлично поняли. Куда вы дели Галку?

– Я не знаю никакую Галку, – упорствует Варенуха, – и отстаньте от меня с глупыми вопросами.

– А ячейку под номером двести пятнадцать в камере хранения вы тоже не знаете? – решаюсь открыть карты и добавляю прозорливо. – А синяк на лбу вы действительно заработали в подвале, а не на дороге, когда пытались столкнуть с нее некую машину?

В темноте выражения лица не видно, но чувствую, что достал его.

– Это все ваши инсинуации, – голос Варенухи срывается.

– Как и ваши летающие тарелки и прочая дребедень, – отзываюсь я.

– Послушайте, молодой человек, – произносит Иван Савельич с нотками участливого убеждения, – езжайте домой, проспитесь. А завтра милости просим. Тогда и поговорим.

– Завтра! – срываюсь я на крик, – завтра будет поздно. Или ты, старик, скажешь мне сейчас, или… – я поворачиваю ключ зажигания и давлю на педаль. Автомобиль резко срывается с места, откидывая не успевшего опомниться Варенуху на спинку сиденья. Он шумно барахтается и недовольно сопит за спиной. Я гоню машину, не обращая на него внимания.

– Вы еще пожалеете! – доносится голос Варенухи. – Остановите немедленно!

– Остановлю, но только попозже, – отвечаю ему. – Есть одна организация, которая очень вами заинтересуется. Там вы все расскажете. Про Галку, про Олега Ветрова, про черные «жигули». А если не захотите, то вам помогут вспомнить. Чикаться там не любят.

– Ну и как все это будет выглядеть? – сзади раздается смешок. – Я, Варенуха Иван Савельевич, пенсионер, уважаемый человек – кокнул за углом Ветрова, а заодно и его сестру. Тела закопал и концы в воду? Или другое, – догнал вас на «жигулях» и попытался столкнуть с дороги, да не справился. Сам туда угодил, разбился вдрызг и вот теперь сижу перед вами?

– Мне плевать, как это будет выглядеть! – я в запале, и доводы разума на меня сейчас не действуют. – Там разберутся.

Сзади наступает молчание. Я не забываю поглядывать в зеркало заднего вида, опасаясь какой-нибудь выходки со стороны моего пассажира. Впрочем, Иван Савельич – старик тщедушный на вид и вряд ли способен на такое.

– Неплохой вы, Сережа, человек, – сменяет между тем тон Варенуха, – а в это дело ввязались зря.

– Ветров – мой старый товарищ, – вносить ясность в отношении Галки я не считаю нужным.

– Ну и что? Хотите такой же участи?

– Не хочу. Потому и везу вас кое-куда.

– Ну-ну! – в голосе слышится усмешка, – везите. Только довезете ли?

– Довезу, – отвечаю уверенно, но тут замечаю свою промашку.

Заболтавшись с пассажиром, да еще к тому же взвинченный, я не слежу за дорогой, и нас заносит куда-то к черту на кулички. Кругом темень. Свет редких уличных фонарей тускло пробивается сквозь листву деревьев, выстроившихся ровными рядами вдоль дороги. Ветхие одноэтажные строения, угадываемые по бликам освещенных окон, скрываются в глуби. И ни души, все будто вымерло. Место мне совершенно не знакомо. Разворачиваю

машину и еду назад, стараясь определиться в своем положении. Вскоре начинают попадаться улицы со знакомыми названиями. Волей-неволей убеждаюсь в существовании бесовского наваждения. Занесло меня действительно аж за город.

Монотонная езда в ночи укачивает, ослабляет внимание. Варенуха ведет себя смирно. Мысли опять переключаются на события прошедшего дня. Невольно отвлекаюсь от дороги. Когда возвращаюсь к ней, убеждаюсь, что опять еду по той же улочке.

– Что за чертовщина! – шепчу я с ужасом, начинающим пробирать меня.

– Не беспокойтесь, – отзывается Иван Савельич. – Мы едем как раз туда, куда надо.

Не обращая внимания на сарказм, с которым он произносит эти слова, упрямо разворачиваю и снова гоню назад. Теперь уже от дороги не отвлекаюсь. Когда машина в третий раз неизвестно каким образом оказывается все на той же улочке, страх уже пробирает меня до костей. Я словно в заколдованном круге. Какая-то сила не отпускает меня, вырывает из действительности и упорно ведет неизвестно куда. Догадываюсь, что меня там ожидает не очень приятная встреча, и попасть туда особого желания не испытываю. Но и выбраться из этого круга тоже не могу. Если я срочно не найду выход из положения, дальнейшая моя судьба под большим вопросом. На одной из пересекающихся улиц вдали видны огоньки маршрутного автобуса. Решение приходит мгновенно. Я сворачиваю и направляю автомобиль навстречу ему. Иван Савельич уловки моей не понял и продолжает хихикать над моими потугами. Перед самым автобусом бросаю машину поперек дороги, вываливаюсь из нее и бегу к автобусу. Варенуха запоздало кричит вслед, но я не останавливаюсь. Водитель машет руками, матерно ругается, но дверь открывает. В салоне несколько запоздалых путников, и я успокоено присаживаюсь на сиденье поближе к кабине шофера, не обращая внимания на его продолжающуюся ругань.

В центре города пересаживаюсь на другой автобус, следующий в мой район. Здесь еще царит оживление, и я чувствую себя увереннее от общности со всеми этими незнакомыми, но близкими мне людьми. В их присутствии ни одна нечисть не посмеет поднять на меня свою мохнатую длань, сделать мне что-либо плохое. В том, что надо мной куролесят сверхъестественные силы, я уже начинаю уверяться. Летающие тарелки, ночной гость, случай на вокзале, черные «жигули» – все это с трудом укладывается в человеческие рамки. А о произошедшем минуту назад вообще говорить не приходится.

Чувство уверенности несколько тускнеет, когда автобус

направляется дальше, оставив меня одного на пустынной остановке. Времени для размышлений у меня нет. Бросаюсь сломя голову напрямую сквозь кусты к своему дому, чувствуя подступление чего-то ужасного, неотвратимого. Ветки цепко хватают за руки, хлещут по глазам. Корни червями вылезают из земли и, извиваясь словно змеи, обвивают ноги. Но мой родимый дом ободряюще светит мне окнами и придает сил.

В себя прихожу уже в квартире. Вид мой ужасен. Одежда измочалена, из царапин и порезов сочится кровь. Глаза дико вытаращены на искривленном в гримасе ужаса лице. Нет, такие потрясения не по мне. Что здесь правда, а что вымысел, – разобраться я уже не в состоянии. В голове все перепуталось. Попытка припереть Варенуху к стенке закончилась неудачно. Что, собственно, и следовало ожидать. По простоте душевной я предполагал, что под воздействием приведенных фактов он тут же расколется. Наивный я человек! Варенуха – тертый калач. К тому же за ним стоит не какая-то там мелкая шайка, а более существенные силы – темные, колдовские. Только этим можно объяснить все то, что происходило в последние дни.

– Ну, держись теперь, Серега, – говорю себе. – Удара ты не нанес, а себя под удар подставил. Теперь дела закрутятся.

Звонок в дверь прерывает мои размышления, и я иду открывать. Павлюка узнаю сразу, хотя встречаться с ним приходилось лишь однажды. Не запомнить его слоноподобную фигуру невозможно.

– Милиция, – говорит он, но об этом можно догадаться без напоминания. Как-никак на нем форма с капитанскими погонами. Так как за мной числятся некоторые грешки, скопившиеся за предыдущие дни, пропускаю его не без колебаний. Капитан подмечает мой помятый вид и удовлетворенно кивает.

– Нам известно, – приступает он с ходу к делу, – что вы проводите самостоятельное расследование по факту исчезновения гражданина Ветрова.

– Допустим, – неопределенно говорю в ответ. – Что из этого следует?

– А то, что вы сейчас пойдете со мной.

– Куда это? – на всякий случай уточняю я.

– Туда! – нелюбезно отзывается капитан. – Одевайтесь!

Разговаривать с Павлюком, насколько я знаю из неофициальных источников, – занятие сложное и в какой-то мере небезопасное. Этот человек из тех, кто несет тяжкое бремя власти, упоенно держа его перед собой и не замечая тех, кого при этом топчет ногами. Поэтому предпочитаю не вступать в полемику и

неспеша переодеваюсь. «Там» найдутся умные головы, которые разберутся и помогут избежать неприятностей. Которых и без того хватает. «Там» – это не на той темной улочке. Хотя разобраться, куда собирается вести меня Павлюк, не помешало бы. Мысль эта шальная, но чем черт не шутит. Особенно сегодня! От этого предположения в голове начинают возбужденно копошиться мысли. В панику я не кидаюсь, но чем они вызваны, проанализировать пытаюсь. Единственное, что кажется подозрительным в визите капитана, – это время его появления. Уж очень быстро он явился – тотчас за моим возвращением. Есть в этом логика или нет, но я на всякий случай решаю прояснить обстановку. Спрашиваю Павлюка насчет ордера или какой либо другой бумажки. Капитан опять ссылается на «там».

– Ну, – разочарованно тяну я, – это совсем другое дело. Тогда я никуда не пойду. Без документа я не могу, не имею права, сами понимаете. Нарушение закона и прочее. А закон я уважаю.

– Дерьмо собачье! – капитан багровеет, щеки его надуваются и лопаются, изрыгая поток брани. Сказывается среда обитания! Я и сам мог бы ответить ему чем-нибудь и в том же духе, но предпочитаю сдерживаться. Из-за разности в весовых категориях сила не на моей стороне. Вследствие этого не я Павлюка, а он елозит мной по стене, грозя растереть в порошок. Я же скромно терплю все неудобства общения с таким невоздержанным человеком.

Павлюк вскоре выдыхается, так и не закончив экскурса в мою родословную. К этому времени я уже окончательно прихожу в себя. Странная Все-таки вещь – милицейский мундир. Вроде бы знаешь, что за душонка скрывается за этим мундиром, что сам ты чист как стеклышко, а все равно при виде синей формы почему-то начинает противно сосать под ложечкой, а руки сами тянутся за спину. Главное здесь – перебороть страх и почувствовать себя человеком, гражданином. Что я и делаю.

– Ну, так идем, – скорее приказывает, чем спрашивает Павлюк.

Я мычу в ответ и отрицательно мотаю головой.

– Что!? – ревет опять Павлюк. – Да это неповиновение власти! Да я!.. Да за такое дело, – в руке у него появляется пистолет, – я тебя сейчас, как при самообороне…

Ощущение уткнувшегося в живот дула не очень приятное, но у меня нет пистолета. И формы тоже. Мое оружие – слово. И молчание. Ими тоже можно нанести рану, и даже посерьезней, чем кусочком свинца. Это чувствуется по капитану, по его руке, медленно опускающей пистолет, по поникшим плечам.

– Не делай этого, – в голосе его слышны просительные

слезливые нотки. – Отступись! Брось! Христом богом прошу!

Я осторожно разминаю шею, не отрывая взгляда от его бледного лица.

– Ты не знаешь, какие они… – голос Павлюка срывается. – А у меня жена, ребенок больной.

– Причем здесь ты и твоя семья? – начинаю я догадываться.

– Не пожалеют, если ты не оставишь расследование.

– Потому-то ты не торопишься раскрыть его?

Павлюк не отвечает и только сопит, опустив голову.

– Эх, капитан, – мне становится его жалко, – не тем делом ты занялся. Это не почки пацанам отбивать. Такой бугай, а сидишь на тепленьком месте. Шел бы пахать, тогда и не было бы никаких проблем. А я, извини, не могу. Ветров – мой друг.

– Тебя тоже не пожалеют. – Павлюк открывает дверь и понуро выходит. Пистолет безжизненно висит в вялой руке.

Захлопываю за ним дверь и прислоняюсь бессильно к ней. Крепко они меня обложили и, что главное, оперативно работают! Только попытался прижать Варенуху, как Павлюк уже тут как тут. А дальше будет еще похлеще.

– Глупец! – хлопаю себя по лбу. – Павлюка зря отпустил. Он может знать то, чего я не знаю и что хочу узнать.

Рывком распахиваю дверь и вылетаю на лестничную клетку, но тут же хватаюсь за перила, стремясь остановить движение. Лестницы нет! Вернее, она есть, но не та, что была раньше. Ступеньки, изгибаясь винтом, круто уходят вниз, в пропасть. Стены, сходясь, исчезают далеко внизу, во тьме колодца. А оттуда, из могильной темноты веет затхлостью и тленьем. Бредут серые безликие тени. Слышен грозный рык двуглавого Цербера… Чувствуя, как внутрь забирается холод, сковывает душу и леденит сердце, из последних сил пячусь назад и с облегчением затворяю дверь, отдалившую меня от зова Мертвых и царства Аида.

Все, пути нет. Обложен, как волк красными флажками. Но одно то, что я дома, в своей квартире, успокаивает и придает уверенности. Мой дом – моя крепость. Пусть только посмеют сунуться! Заперев дверь для пущей надежности на все замки и защелки, отправляюсь в ванную, чтобы привести в порядок тело, а заодно и душу. Долго стою под душем, смывая пыль и кровь с саднящего тела, чувствуя, как отступает усталость и боль, очищаются от паутины страха мысли.

В зеркале над ванной отражается растрепанная фигура с вымученной физиономией, помятая, исцарапанная. Еще два дня назад она выглядела вполне респектабельной, уверенной в себе, а сейчас… Трудно узнать меня в этой фигуре, но это я. Стираю рукой сконденсировавшуюся на стекле влагу, чтобы лучше

разглядеть себя. Разглядеть не успеваю. Резкий рывок, – и я чуть не врезаюсь лбом в зеркало. Спасает то, что я невольно цепляюсь в этот момент за край ванны.

Передо мной мое отражение ошалело глядит на меня, извиваясь от натуги. Потому что руку не отпускают и продолжают настойчиво и сильно тянуть куда-то. Куда? Взгляд, брошенный на нее, успокоения не приносит, а, наоборот, возбуждает странные чувства. Рука исчезла, вернее, утонула в зеркале. Я вижу ее от плеча до локтя, а дальше… Дальше начинается то же самое, только в обратной последовательности. Причем не у меня, а у моего отражения. От локтя до кисти она исчезла. Впрочем, она исчезла только из поля зрения, хотя и довольно странным образом. Я чувствую ее, чувствую вязкую среду, в которой она в данный момент находится. Чувствую чье-то не очень ласковое рукопожатие, точнее, мертвую хватку, которая напористо затягивает меня прямо в зеркало. Еще замечаю мелкую рябь, волнами пробегающую по поверхности зеркала и искажающую черты отражения. Или оно на самом деле зловеще улыбается? Мне, во всяком случае, в данный момент не до любезностей. Собравшись с силами, я откидываюсь назад, упираясь ногами в ванну. Это немного улучшает мое положение. Рука вылезает из зеркала, но хватка не исчезает. Что самое ужасное, из зеркала чуть высовывается другая рука, чужая. Пальцы ее крепко переплелись с моими пальцами, и ни те, ни другие расцепляться не желают, как я ни стараюсь ослабить хватку. Мое отражение между тем устраивается в аналогичную позу, и нарушенный баланс сил восстанавливается. Борьба идет с переменным успехом. Кисть двойника то появляется, то исчезает в зеркале. Надолго ли затянется эта игра в перетягивание каната, кто быстрей ослабнет, – я или мой двойник? Я, во всяком случае, уже начинаю уставать.

В другое время я не отказался бы от такого настойчивого приглашения и с удовольствием прошвырнулся, как Алиса, по Зазеркалью. Но сейчас у меня нет ни малейшего желания. К тому же вода, которой мы с двойником начинаем одновременно брызгать друг в друга, долетая до границы преломления, исчезает. Самоуничтожается, как уничтожаются при соприкосновении частица с античастицей. Это служит дополнительным стимулом к отказу от приглашения. Подозреваю, что я также самоуничтожусь, сойдясь в единое целое со своим отражением.

А рывки продолжаются с упорным постоянством. Мы продолжаем висеть друг напротив друга, сдерживаемые рукопожатием. Такое бесцельное времяпрепровождение ни к чему

хорошему не приведет. Я озираюсь в поисках чего – нибудь увесистого, что можно было бы презентовать двойнику. Единственное, что способно представить для него интерес, и до чего я в состоянии дотянуться, – это стеклянная бутылочка с шампунем. После непродолжительных потуг я дотягиваюсь до нее и с размаху швыряю, метясь в лицо противнику. Двойник тоже не зевает. Точно такая же бутылочка летит в меня. Мы оба пытаемся увернуться. Следует яркая вспышка. Я падаю, больно ударяясь о жесткие бока ванны.

Хватка исчезла. Рука отлипла от зеркала. Я ощупываю и рассматриваю ее, довольный избавлением от еще одного злоключения. В зеркале зияет дыра с оплавленными краями. В стороны от нее веером разбегаются трещины. В этой дыре чудится мне что-то знакомое, виденное когда-то. Ну, конечно же, такая же дыра была в окне у Олега! Не хватает только серой маски.

И в этот миг в зеркале что-то шевелится. Я с ужасом отскакиваю от него подальше. Но это всего лишь мое отражение. Оно довольно поглаживает руку и смотрит на меня. Такое оно сейчас послушное, такие же выполняет манипуляции. Даже не верится в его былую агрессивность! Словно поняв мое состояние, отражение благодушно улыбается и призывно протягивает руку.

– Нет, – покачиваю я головой и тут с испугом замечаю, что навстречу ей тянется помимо воли моя рука. Этого достаточно, чтобы отрезветь. Хватаю все, что попадает под руку, и бросаю в зеркало. Летят во все стороны осколки. На месте зеркала проступает стена. Обычная стена…

Удар в спину не дает рассмотреть ее. Я вылетаю из ванны и шлепаюсь на пол. Боли от падения я не чувствую, так как занят другим, а именно, – стремлением выкарабкаться, увернуться от мощной струи воды, мотающей и бьющей меня об стены словно щепку. Ослепленный, полузадушенный, на ощупь открываю задвижку и выпрыгиваю из ванной. Но не тут – то было. Струя, как живая, изгибаясь в воздухе анакондой, вылетает вслед за мной и гонится, бьет, сбивает с ног. Я затравленно мечусь по квартире в попытке уйти от нее. Но и это, оказывается, еще не все. Вслед за водой в игру включаются другие неодушевленные предметы. Тарелки, вилки, ложки образуют вокруг меня хоровод. Будильник на бреющем полете проносится в опасной близости от головы. Бумаги и газеты налетают белыми гусями, облепляют лицо. Шторы срываются с гардин, набрасываются на меня, обматывают шею и душат, душат…

Все кончается внезапно, как и началось. В наступившей тишине трезвонит звонок. Осознаю себя сидящим на полу

посреди комнаты и очумело хлопающим глазами. В голове полнейшая прострация. Я не в состоянии понять, было ли это не поддающееся логике событие в самом деле или же всего лишь очередной плод моего больного воображения. Но бардак в квартире, плавающие в лужах вещи и битая посуда убеждают в реальности произошедшего. Трезвон достигает, наконец, моего сознания. Бегу к двери, но в последний момент останавливаюсь. Кто за дверью – друг или враг? Если это опять они, то… Да и вид квартиры может шокировать кого угодно. Поэтому ограничиваюсь тем, что спрашиваю через закрытую дверь:

– Кто там?

– Что у вас случилось? – доносится из-за двери визгливый крик.

– Соседка, – облегченно вздыхаю я.

– Спать не даете! – продолжает соседка. – И вода с потолка течет.

– Кран сорвало, – вру я, – но уже порядок. Авария устранена.

– Хулиганы! Алкоголики! – соседка еще долго разглагольствует о безалаберности некоторых жильцов, о недавно проведенном ремонте и прочее, но я не слушаю. Вооружившись тряпкой, я занимаюсь перекачкой воды, покрывающей пол, в другие, менее гигроскопичные сосуды.

Соседка звонит опять.

– Ну что еще? – открываю я раздраженно дверь. – Вам же сказано… – и умолкаю.

Передо мной стоит Галка. Уставшая, с запавшими глазами на вымученном лице. Она делает шаг, я подхватываю ее и крепко сжимаю в объятиях, словно после долгой разлуки. Мы молчим, – слова не нужны. Наконец, Галка отрывается от меня, взгляд ее обегает прихожую, лужи на полу и останавливается на мне. Глаза ее расширяются, бледное лицо розовеет. До меня доходит, что я выступаю перед ней в одежде Адама, так и не успев одеться после ванны. Срываюсь с места и исчезаю в комнате.

Когда я появляюсь в более благопристойном виде, Галка, несмотря на усталость, уже воюет с лужами. Присоединяюсь к ней, и мы принимаемся уничтожать следы потопа.

– Где ты была? – спрашиваю ее.

– Это долгая история. Потом расскажу, – отвечает она. – А здесь что произошло?

Галка слушает недоверчиво, идет в ванную, пробует краны. Осторожно проводит рукой по стене, откуда только что била струя воды, – единственное, что крепко отпечаталось в моей памяти. Мой рассказ, конечно, вызывает естественное подозрение в моей нормальности. Стена самая обычная, гладкая. Никаких

отверстий, откуда могла бы бить вода, там нет. Я и сам не поверил бы, если бы не видел всего собственными глазами. Хотя после всего, что о мной произошло, я готов верить кому угодно и во что угодно. Галка, похоже, тоже верит или, по крайней мере, делает вид.

– У Олега было то же самое, – говорит она, – и даже Кое-что похуже.

– Откуда ты знаешь? Расскажи, – прошу я.

– Потом, – голос ее стылый, лишенный эмоций, – закончим приборку, расскажу.

Мы быстро наводим относительный порядок, и, пока закипает в чайнике вода, веду ее в комнату.

– Сейчас я тебе Кое-что покажу, – меня распирает самодовольство в предвкушении того, как вытянется Галкино лицо, когда она увидит это. Закладываю в видеомагнитофон кассету и включаю. На экране телевизора опять возникает квартира Олега. Прихожая, кухня…

– Внимание! – предупреждаю Галку.

К моему удивлению к серой маске она относится спокойно.

– Это они, – говорит.

– Кто они? – ужас и смятение выплескиваются в моем крике. Хоть внутренне я уже смирился с тем, что против меня действуют какие-то силы, неожиданное подтверждение моих мыслей вызывает во мне потрясение.

– Фантомы, – между тем говорит Галка. – Это их мир. Его трудно заметить. Наши глаза не воспринимают этот спектр частот, а пленка уловила.

– Какой мир? Какие фантомы? – кричу я. – Галка, что с тобой? Очнись!

– Я была у них, в мире фантомов. Там все так запутано, разобрать невозможно. Завязано напрямую с нами, нашим миром, и все зависимо от нас. И еще я видела Олега. И бабушку, – Галка прислоняется к стене и закрывает глаза, – хотя она умерла много лет назад.

– Рассказывай по порядку, – требую я, не в силах терпеть ее загадок. – Я ничего не понимаю.

– Хорошо. Только сначала перекусим. Я умираю от голода.

– После твоего отъезда я решила немного прибраться, – начинает Галка, когда с ужином покончено. Она устроилась на диване, а я сижу в кресле напротив. – Убирая постель, я наткнулась в складках одеяла на открытку. Это оказалась та самая открытка Олега.

Новость меня слегка ошеломляет. Теперь все становится на свои места. Зря я грешил на ночного гостя. Открытку он тогда не

нашел. Я сам, будучи немного подшофе, завалился с ней в постель и обронил там, когда отключился. Во время поисков постель вниманием была обделена. В последующем добраться до нее у меня возможности также не представилось. И все это время, пока со мной происходили невероятные события, виновница их преспокойно лежала здесь, закутанная в одеяло. Не затеряй я ее, и не было бы двух кошмарных дней. Все было бы ясно еще вчера. Возможно, и Олег бы отыскался уже. Найди же ее ночной гость, – опять же не было бы тех кошмаров. Ведь эти фантомы, как их называет Галка, преследовали нас из-за открытки, предполагая, что мы ее прячем.

– Ну и где же открытка? Что было в камере хранения? – тороплю Галку.

– Естественно, – продолжает она, – имея на руках ключик к пропаже Олега, я не могла ждать. Ты уехал и неизвестно когда вернешься. Он где-то томится, с минуты на минуту ожидая помощи. Поэтому я все бросила и помчалась на вокзал. Уже по дороге вспомнила о том, что не оставила тебе записку. Позвонила на всякий случай на телестудию…

– Дальше, – прерываю я.

– Приехала на вокзал, открыла камеру…

– Ну?

– В ячейке была всего лишь тетрадь, тонкая, ученическая, – заметив разочарование на моем лице, Галка поднимает палец. – Тетрадь оказалась не простая, Это был дневник Олега, который он вел в последние дни накануне исчезновения.

– Где тетрадь? – вопрошаю я.

Галка пожимает плечами.

– Не знаю… Помню, поднялась с ней на второй этаж, чтобы прочитать без помех, а заодно и тебя дождаться. Прочитала… – Она думает. – Ждала… Потом сидеть надоело, вышла из вокзала… Решила позвонить тебе… Остальное помню смутно, эпизодически. Меня куда-то ведут, но рядом я никого не вижу… Светящийся шар… Звезды, но какие-то необычные, неземные… Какие-то полулица – полутени, приятные и кошмарные, добрые и злые… Решают мою участь. Я это чувствую, ловлю обрывки их мыслей… В общем, – трясет она головой, – рассказывать об этом надо отдельно. В себя пришла перед твоей дверью. Ни открытки, ни тетради со мной не было.

– Черт побери! – вскакиваю я и бегаю по комнате. – Я же рядом был, на вокзале. Если бы не случайность, без тебя бы не ушел. Кстати, ты не знаешь такого – Варенуха Иван Савельич? Маленький такой старичок, лысоватый.

– Нет.

– Странно. Ну ладно, об этом пока не будем. Давай дальше. Что они натворили с тобой? – Во мне закипает ревность.

– Чтобы понять то, что было там, тебе нужно сначала ознакомиться с дневником Олега.

– Но как? Дневника-то нет.

– Я кое-что помню, вот только там много непонятного.

– Рассказывай то, что поняла.

– Олег пишет, что все началось с того момента, когда он решил систематизировать все известные случаи появления летающих тарелок.

– Опять эта систематизация! Все подводится к ней, – ворчу я недовольно. – Видел я его таблицу, ну и что? Ничего в ней нет сверхъестественного.

– Систематизация здесь не при чем. Олег даже не довел ее до конца. У него возникла новая идея, и он переключился на нее.

– Что за идея?

– Работая над систематизацией, Олег обратил внимание на лавинообразный, цепной характер появления тарелок. Стоило только в печати или еще где-то появиться сообщению о летающей тарелке либо контакте, как аналогичные явления начинали происходить в других местах. Причем нарастающей волной. Такой же объект видят в разных местах и даже в нескольких одновременно. Затем частота появления постепенно идет на убыль по мере падения ажиотажа. Но возникает другое явление. Так было в начале с дискообразными объектами и с зелеными человечками. С дисками, собственно, явления еще продолжаются, как с самыми распространенными видами, приобретшими популярность. Параллельно появляются другие, настолько странной конфигурации, что возникает сомнение в их реальности. Такие конструкции долго не держатся, и всплеск их появлений быстро затухает. Или, к примеру, одно время стоял ажиотаж вокруг зеленых человечков. Куда они исчезли теперь? Ведь их больше не встречают. На смену им пришли сначала серебристые гиганты, теперь же инопланетяне – обычные человекоподобные существа сопоставимых размеров.

У человека присутствует один недостаток. Ему свойственно признавать разум только в существах, идентичных ему. Претит принимать за разумное существо зеленую лягушеподобную тварь. Поэтому и исчезли зеленые человечки. Долго не продержались. На смену им пришли инопланетяне, похожие на людей.

– Я что-то не улавливаю, – сознаюсь я.

– Олег исходил из предположения, что все это – тарелки и инопланетяне, а также полтергейст и аномальные зоны наподобие пермской зоны и Бермудского треугольника – проявления

человеческого разума.

– Ну, скажешь тоже! – мотаю я головой. – Что может быть общего у меня, например, с летающей тарелкой?

– Ты – ее создатель.

– Здрасьте! До сих пор считал себя землянином, а оказывается – моя родина на другой планете?

– Ничего-то ты не понял! – досадливо морщится Галка. – Ты обычный человек, земной, как и все остальные.

– И Варенуха в том числе?

– Какой Варенуха? Не знаю такого – я уже говорила. Впрочем, почему ты сомневаешься в его принадлежности к человечеству?

– Есть причины, – уклоняюсь я от ответа.

– Так вот, – продолжает Галка, – летающие тарелки – это не то, что ты представляешь. Я лучше начну так, как мне объяснили там.

– Где там?

– Не отвлекай, пожалуйста! Там – это там. Тебе это станет понятно позднее, а пока не будем забегать вперед. Итак, нас учили, что материя состоит из вещества и поля. Верно?

– Правильно. Теперь ты приплети еще сюда первичность материи и вторичность сознания.

– Приплету, не беспокойся. И вообще, – вспыхивает Галка, – ты собираешься слушать меня или мешать? Если мешать, то я больше слова не произнесу!

– Я слушаю, Гал, слушаю, – иду я на попятный, чувствуя, что продолжение рассказа под угрозой. – Больше ни слова. Молчу!

– Ладно. На чем я остановилась? – вопрошает Галка.

Я молчу, только тереблю рубашку.

– Ах, да, – улыбается невольно Галка, – материя. Далее. По закону сохранения энергии вещество переходит из одного состояния в другое, но не исчезает бесследно. Это относится к веществу. Но поле-то также является видом материи, как и вещество. Поэтому оно имеет такие же свойства, также может переходить из одного состояния в другое и даже в вещество, как единая часть материи. И наоборот, вещество может превращаться в поле. Как, например, уголь – вещество – преобразуется в тепловую энергию, механическую, электрическую и далее в электрическое поле. Тебе понятно?

Я киваю, мужественно сдерживая молчание.

– Заметь, поле, как часть материи, также подчиняется закону сохранения энергии.

Соглашаюсь и с этим доводом.

– Теперь возьмем человека, – разгорячено ораторствует Галка. Меня радует, что она избавилась от стылой отрешенности, с

какой появилась у меня.

– Доказано, что человек имеет биополе. Что это такое? – Конечно же, обычное поле, вид материи, как и все в этой вселенной. Оно также определяется приборами, как и другие виды полей, имеет общие со всеми и специфичные, присущие только ему свойства. Также меняет свою интенсивность. Как электрическое поле зависит от сил тока в проводнике, так и биополе зависит от мощи мыслительных процессов человека, от тех микротоков, которые протекают по его нервной системе. То есть, мысль – это само биополе. Она неосязаема, но она существует, как поле, как вид материи. Поэтому твои слова о первичности материи или сознания вообще лишены смысла. Сознание – полевой вид материи – не может быть первичнее самого себя.

– Теперь я должна огорчить вас, гражданин Сергей, – Галка ехидно улыбается. – Вы до сих пор считаете, что человек – венец творения, символ разума и прочее. Ничего подобного! Вам уготована рядовая роль гусеницы. Этакой фабрики по переработке растительного вещества в чудесное творение – бабочку. Только вы в данном случае перерабатываете вещество в поле – мысль, сознание. Вот ваша бабочка – мысль, чудесная, умная, глубокая.

– Чушь! – не удержавшись, выпаливаю я.

– Разве я что неверно изложила? В моем доказательстве есть натяжки?

– Нет. Логически все верно. Но только мысль не может существовать отдельно от человека. Это как дуновение ветерка – подумал, и ее уже нет.

– Ты забываешь о законе сохранения энергии. Мысль, то есть поле, как часть материи, не может исчезнуть бесследно. Опять уходит в человека, преобразуется в вещество? – Сомнительно. И прадеды наши говорили, – брошенное слово не поймаешь. Остается рядом? Но человек думает всю свою сознательную жизнь. Каких тогда размеров должно стать все возрастающее биополе к концу его жизни? Что произойдет, когда такое поле перекроет другое или само перекроется чужим полем? – Сплошной хаос! Чужие мысли, чужие слова, такая катавасия, что впору свихнуться. На самом же деле этого не происходит. Биополе человека постоянно на протяжении всей жизни и колеблется в пределах полутора метров, что, между прочим, соответствует физическим законам поля. Куда же исчезают все те мысли, которые вырабатывает человек?

– Куда? – эхом повторяю за ней.

– Гусеница обитает в плоском пространстве, ограниченном

размерами листа. Для бабочки же открыт другой мир – мир неба, цвета и запаха. Также и у нас. Мы живем в своем мире, ограниченном узким спектром звуковых и световых частот. Что за их пределами, нам невдомек. Наши же мысли или, если точнее выразиться, матрицы сознания уходят в свой мир, прекрасный и недоступный для человека. И живут там своей жизнью, в то же время находясь в какой-то зависимости от своего создателя. Какой – я не смогла разобраться; но, похоже, что они паразитируют на нем. Весь мир фантомов паразитирует на нашем мире. Вот что самое страшное! Они питаются энергией наших мыслей, существуют, пока существует и думает о них человек. И избавиться от них мы не можем. Это не в наших силах. В то же время фантомы управляют нами, нашим сознанием, всем нашим миром. Заставляют вырабатывать такие мысли, которые им нужны. Возьмем опять инопланетян. Они появляются то тут, то там, но, заметь, никогда не идут на официальный контакт. О чем это говорит? – Да о том, что в этом случае их обман может раскрыться. Окажется, что под обличием инопланетян скрываются обычные фантомы. А так их вполне устраивает, что своим появлением они заставляют нас невольно думать о них и тем самым подпитывать их мысленной энергией.

– Перестать думать о них, – предлагаю я.

– Но это невозможно! Человек так устроен, что не может прожить без мысли ни дня, ни минуты. Опять же они придумают что-нибудь другое и заставят нас думать над этим.

– Тогда остается умереть.

– Да. Но такой вариант никого не устроит. Поэтому, пока жив человек, параллельно с ним будет существовать мир фантомов – мир паразитов, мир зла над человеком. Вот и Олега похитили, когда он докопался до их сути, и не собираются возвращать, – всхлипывает Галка.

Неясный шорох прерывает наш разговор и вынуждает оглянуться. В проеме двери стоит Варенуха, собственной персоной. Мой мозг, распухший от попыток понять преследующую меня цепь невероятных событий, а теперь еще напичканный Галкиными рассуждениями, находится на грани срыва. Я подскакиваю и ошалело таращусь на него.

– В-вы, как здесь оказались? – мне есть из-за чего заикаться. Дверь заперта. Без ключа, которого, как я надеюсь, Иван Савельич иметь не должен, он никак не мог оказаться в этой комнате. Но он здесь, – глаза меня не обманывают.

– Просто, – отвечает Варенуха, – Капельку сноровки – и все. Мы еще не такое можем. Ты в этом уже убедился.

– Сейчас же уходите! – я не подаю вида, что внутри у меня

все трясется, и бегаю глазами вокруг в поисках чего-нибудь увесистого. Привечание непрошеного гостя совсем не входит в мои планы.

– Мы уйдем вместе, – отвечает гость. – Точнее, сначала вы, а затем уже я.

Галка, ничего не понимая, но, чувствуя мою тревогу, забивается в угол и таращит оттуда свои огромные глаза. Ее беззащитность принуждает меня собрать нервы в комок и каким-нибудь образом выдворить этого наглого типа.

– Зачем сразу запугивать? Давайте сядем, обсудим мирно наши взаимные претензии, – говорю я миролюбиво. – Кстати, Иван Савельич, как поживает маэстро? Вижу, вы все-таки перешли к нему на постоянную работу. Помнится, должность вампира вам не нравилась.

– Вы слишком догадливы, молодой человек, – гримаса, означающая улыбку, искажает лицо Варенухи.

– Ну, ума много и не требуется, чтобы понять вашу роль. Галку вы вернули, – киваю я на девчонку, – а как насчет ее брата? И к чему все эти козни по отношению к нам?

– С Олегом ничего у вас не получится. Скорее вы сами там окажетесь.

– Это мы еще посмотрим, – смелею я. – Кстати, где все расчеты и записи Олега? У вас, надеюсь?

– И тетрадь тоже. Мой просчет, – качает головой Варенуха. – Не ожидал, что Олег продублирует свои записи и к тому же заблокирует память об этом. Теперь вот приходится исправлять недочеты.

– Мой вам совет, Иван Савельич, – верните все. И Олега тоже. Тогда разойдемся по-мирному.

– Не получится, – отвечает Варенуха. – Слишком много вы знаете. Это вас и сгубило.

Зря он произносит эти слова. Чувствую, что настроен Варенуха весьма решительно, и что разговор наш, по сути, бесплоден. Всего лишь небольшая оттяжка времени. Я бросаюсь на него первым, полагая, что первый всегда побеждает, и что с этим старичком уж я-то как-нибудь справлюсь. Но не тут-то было. Неведомая сила отбрасывает меня на дверцу шкафа. Дверка чуть не проламывается внутрь. От такого удара, которого я, признаться, не ожидал от Варенухи, в моей голове все плывет. Плывут, искажаются черты лица у деда, качается комната… Но лицо Варенухи действительно меняется! Исчезает добродушное выражение, формы растворяются, приобретая нечеловеческие черты. Жуткое зрелище – наблюдать, как из человека выступает нелюдь! И вот передо мной уже стоит пришелец. Серебристый

скафандр. Лысый бугристый череп неправильной формы, мелкие гротескные черты лица искажены злобой. Я узнаю его! Это он глядел сквозь круглое отверстие кухонного окна. Он, хотя я его и не видел, преследовал нашу машину. Меня опять окатывает волна холодного ужаса.

– Вы пойдете со мной, – тонкие змеистые губы неподвижны, но я слышу его слова внутри себя.

– Нет! – также молча кричу я.

– Пойдете, – упорно повторяет Варенуха – пришелец, и какая-то сила сковывает меня. Вскрикивает Галка, но я недвижим.

– Остановись! – раздается вдруг в голове еще один голос. И полыхнувшее пламя ослепляет меня. Когда я вновь обретаю видимость, в комнате уже находятся два пришельца. Один из них – Варенуха. Второй разительно отличается от первого. Лицо более похоже на человеческое, и в то же время чудится в нем что-то неземное, одухотворенное высокими помыслами. Взор его добр и мудр.

– Не трогай их, – повторяет второй пришелец.

– Отстань! Они мои, – лицо Варенухи-пришельца еще больше искажается. – Уйди с дороги, иначе…

Из глаз обоих одновременно вырываются ослепительные лучи и бьют друг в друга. Пришельцы вспыхивают, словно факелы, и сгорают за считанные секунды.

Скованность исчезает. Косясь на две горки пепла, подсаживаюсь поближе к Галке.

– Чудеса, – констатирую мрачно, – уже инопланетяне из-за нас дерутся.

– Это не инопланетяне, – возражает Галка. – Сколько раз тебе объяснять! Это фантомы. Обыкновенные современные фантомы, созданные нашим воображением.

– Лично я себе их представлял не такими.

– Ну и что. Не ты, так другой представил, вот они такими и получились.

– Почему же они воюют между собой? Чего не поделили?

В ответ Галка вопит, уставившись вытаращенными глазами мне за спину. Я, естественно, шарахаюсь. Оказывается, наша пытка еще не закончилась. Из кучки пепла, оставшейся от первого пришельца, вздымается фигура, в которой я без труда узнаю нашего старого знакомого. Поначалу маленькая, затем все больше и больше, и вот Иван Савельич вырастает уже в натуральную величину. Но этим все не кончается. Тщедушное тело старика стремительно разбухает, растет вширь и в высоту. Летят пуговицы, трещит и лопается по швам одежда, сквозь прорехи лезет густая черная шерсть. Одновременно меняется и лицо. На

щеках, подбородке, носу, лбу, – повсюду пробивается черная щетина. Спустя мгновения перед нами высится, пригнувшись, но все равно упираясь маленькими телячьими рожками в потолок, гигантская звероподобная фигура, черная, мохнатая. Только кроваво – красные глазки горят зловещим огнем на фоне сплошной черноты. Парализованный, с заледеневшей душой и застывшей в жилах кровью, я беспомощно взираю на чудище, не в силах ни шевельнуться, ни издать звук. Зверь, утробно урча, месит воздух своими мерзкими лапами, приближаясь к нам. Еще миг – и его когти впиваются в мою грудь. Брызжет кровь, летят лохмотья одежды, кровавые куски мяса. Невыносимая боль пронзает меня, туманит мозги, раздирает душу. Я ничего не могу поделать и только терпеливо принимаю муки.

А когти выламывают ребра, забираются все глубже и глубже, к самому сердцу. Я чувствую, как они скребутся уже рядом с ним. Неужели это конец? Неужели через секунду я перестану существовать? Нет, это невозможно! Я в панике дергаюсь и… выдираюсь из тела. Исчезают боль и страх, неописуемая радость и восторженное удивление охватывает меня. Полутемная комната исчезла, я в сияющей полусфере, наполненной мерцающим светом, животворным, несущим радость и добро. Свет пронизывает меня, насыщает энергией вселенной. Рядом со мной – Галка. Узнать ее невозможно, но я знаю – это она. И она знает и стремится ко мне. Мы сливаемся в единое целое. Мои чувства становятся ее чувствами. Ее сознание проникает в мое. И мы осознаем, что в нас нет противоречий. Мы созданы друг для друга в полной гармонии. И тогда нас охватывает невыразимое чувство нирваны. А демон далеко внизу продолжает кромсать наши тела. Но вот он чувствует подвох и поднимает вверх окровавленную морду.

– Вот вы где! – недовольно взвывает он, машет своей косматой лапой и вырывает Нас из сферы.

Рев сменяется довольным урчанием. Зловещая морда приближается. Огненные глаза горят бесовским пламенем. Меж клыков мелькает раздвоенный змеиный язычок.

– Оставь их! – раздается голос. Дьявол яростно рычит, швыряет с размаху нас куда-то и кидается на седобородого старца в белых одеяниях и с нимбом над головой. Последнее, что Мы успеваем заметить, – это молнии, пламя и сцепившиеся вместе черная и белая фигуры.

А Мы летим во мрак, в тартарары. Нет ни времени, ни пространства. Мы будто застыли в этом «ничто», и только вспышки света, перемежающиеся с темнотой, сохраняют ощущение движения. Мелькают какие-то силуэты, лица, рожи,

хари… Наконец Мы выпадаем в светлый день, в пространство и в нормальное время. Впрочем, не так уж светел этот день. Солнце закрыто тучами, сквозь которые зигзагами прорываются молнии. Непрерывными раскатами грохочет гром, сотрясая все вокруг. К нему примешиваются вопли ярости и предсмертные стоны, слышен звон оружия.

Мы на поле сражения. Но что за воинство бьется в этом сражении! Все боги и демоны Земли собрались здесь и идут ратью на рать. Титаны и гномы, циклопы и кентавры, демиурги и драконы, лешие, тролли, люди со звериными головами и звери с человеческими. Сошлись в поединке бог солнца Ра и владыка подземного мира – чудовищный змей Апоп. Сокологоловый Гор, сын Ра, борется с демиургом Сетом с головой крокодила. Балу сцепился с Муту. Кецалькоатль – пернатый змей – с богом смерти Миктлантекутли. Рама и Лакшмана – с десятиголовым великаном Раваной и его ракшасами. Всюду – на земле, в воздухе, за облаками – идет сражение не на жизнь, а на смерть. Растерянные мойры витают меж воюющих не в силах определить итоги поединка, – в схватке чувствуется какое-то несоответствие. Медуза-горгона выбивает щит из рук Персея, и он, вынужденный встретиться с ней лицом к лицу, обращается в камень. Дракон ударом хвоста сносит голову Кадму. Каледонский вепрь валит Меагра на землю, вспарывает ему клыками живот и рвет внутренности. Илья Муромец тяжело бредет по перепаханной в битве земле. Из ушей его сочится кровь, пустые глазницы – последствие ультразвукового удара Соловья-разбойника – уставились в небо.

В первые минуты никто Нами не интересуется. Разве что эриннии – страшные седые старухи с окровавленными собачьими мордами и змеями в распущенных волосах, копошащиеся среди трупов и жадно пожирающие их, – отрываются от трапезы и долго провожают Нас злыми дикими взглядами. Да еще скелет в полуистлевшем саване и с косой – сама леди Смерть – держится, сопровождаемая упырями и вурдалаками, сзади и упорно не отстает от Нас. Но это продолжается недолго. Чьи-то лапы хватают Нас, и Мы оказываемся в гуще схватки. Дым стоит коромыслом. Кто-то убивает кого-то, вырывает Нас из мертвых рук, лап, щупалец и падает в свою очередь от смертельных ударов противника. Мы уже не в состоянии удивляться чему-либо и спокойно взираем на это химерическое побоище, безропотно переходя из рук в руки победителей.

А сражение не утихает. Гибнет в пасти пифийского дракона Аполлон. Мечутся кентавры, на полном скаку метая копья и стрелы. Гильгамеш отбивается от насевших на него

львиноголового Хумбабы, Быка небес и исполинской птицы Анзуда. Все смешалось. Гибнут под гусеницами транспортеров дивизии СС «Мертвая голова» фаланги Александра Македонского. Зевса обступили титаны и циклопы. Командует ими стоглавый Тифон. Адским пламенем горят его змеиные глаза. Рычат львом, ревут яростным быком, заливаются собачьим лаем его головы. Титаны швыряют горы и скалы, под которыми исчезает красноармейская конница. Зевс в ответ мечет громы и молнии. Крики и стоны доносятся до неба. Дрожит и стонет Земля. Из-под нее доносится жалобный вой Цербера – стража Аида. Мир охватывает тартар и хаос. Все перемешалось – земля, небо, вода. И не выдерживает Земля-великанша. Рушатся горы и скалы, по поверхности змеятся трещины. Они расширяются. Пламя и лава рвутся изнутри, давят, распирают…

Дальнейшее от нас остается сокрытым. Злобная трехголовая химера хватает Нас и кидает опять во мрак… Когда снова появляется свет, Мы вновь оказываемся в центре битвы. Также рубятся между собой химерические чудовища, также мелькают лица и морды, знакомые и незнакомые, также переходим мы из рук в руки. И также наступает конец этой битве. Только на этот раз вздымается на небосводе гигантская волна и рушится на сражающихся. Проваливаются в недра вод Атлантида и страна Му. В волнах носятся обломки зданий и кораблей, трупы людей и зверей, богов и демонов. Кое-где еще возносятся в мольбе к небу руки, но и они скрываются в грязной пене. И остается на Земле одна вода…

А Мы опять летим куда-то. От обилия впечатлений все путается, не воспринимается в полной мере. Свет… Битва… Всепожирающий огонь сжигает сушу и воду, живое и мертвое… Тьма…

Свет… Бешено мчащиеся по небу тучи… Ураганные ветры сносят горы, рушат города, убивают все живое… Люди уходят в леса, превращаются в обезьян… Тьма…

Свет… Огромные ягуары уничтожают серебристых людей – гигантов… Тьма…

Свет… Земля, покрытая сплошным зеленым ковром… Солнце, легкий ветерок… И никого вокруг. Абсолютно. Ни богов, ни демонов, ни человека. Мир, чистый от разума, стерильный. Мы парим над девственным миром, сознавая, что находимся в начале начал. Тишина, покой и безмятежное счастье…

Передышка от буйства демонических страстей заканчивается быстро. По небу, как по воде, бежит рябь, в мир влезает мохнатая когтистая лапа и выдергивает Нас оттуда.

– Ага, попались! – рычит знакомый голос. – Удрать хотели!

До первого круга жизни добрались! Не-е-т, от меня не уйдешь!

Мы в серой сумрачной дымке. Вокруг ничего – ни верха, ни низа. Только лапа, держащая Нас. Из тумана выплывает черная мохнатая морда, знакомая до ужаса. Варенуха – дьявол! Достал-таки! Хотя не совсем понятно, Мы ли удирали или Нас кидали неизвестно куда.

Грязный кривой коготь больно скребет Нас, царапает и разделяет, словно два слипшихся листочка. На меня сразу накатывает тоска и отчаяние. Словно я лишился половины души.

– Вы мои! – ревет дьявол, потрясая мной и Галкой в воздухе, – мои! Всемогущи силы Тьмы! Никто не устоит перед нами. Теперь вы в нашей власти!

Я уже до того измочален, что принимаю встряску безропотно, но последние слова вызывают во мне протест. Чтобы я, человек, подчинялся какой-то мерзкой твари, мохнатой нечисти, которой и быть-то на свете не должно. Чтобы позволил ей легко разделаться с нами! Никогда!

– Нет, не сдамся! – кричу я. – Я – человек. Человек, слышишь ты, мразь! Я тебя создал, я и порушу!

Чудище вздрагивает и издает трубный глас. Гипнотическая волна накатывается на меня, глушит сознание, но я упрямо противостою ей.

– Тебя нет! Ты не существуешь! – скрежещу я несуществующими зубами. – Ты – порождение моего разума и только. Ты – ничто! Исчезни! Сгинь! Пропади!

Демон дергается, сильная дрожь сотрясает его тело. Гипноудары бьют по моему сознанию, но они уже слабее и не туманят мозг. Как в бреду повторяю одни и те же слова заклинания, сосредоточившись на одной мысли.

– Исчезни! Исчезни! Исчезни! – кажется, еще миг – и я не выдержу, сломаюсь. – Пропади! Сгинь!

И фантом не выдерживает. С оглушительным грохотом жуткая фигура лопается, словно мыльный пузырь. По воздуху плывут похожие на хлопья сажи черные ошметки, тая и исчезая на лету.

Мы одни в зыбком тумане. От мерзкого существа не осталось и следа. Даже не верится, что только что здесь высилось создание не мира сего, такое мощное и крепкое снаружи, но пустое изнутри. Все-таки сильнее человека нет существа – будь то дьявол, бог, инопланетянин или еще кто другой. И кто бы ты ни был – человек ли, фантом – путь Зла неизбежно приведет к печальному концу.

Неясные тени возникают в тумане.

– Они наши! – слышу я шепот, – наш – ш– и – и!

– Вернуть, – вторят другие. – Возродить! Восстановить!

Сквозь туман проступают стены и потолок, угол шкафа. Постепенно до меня доходит, что я дома, на своем диване. Рядом лежит Галка. Отступили и развеялись, как сон, кошмары. Я опять в родной привычной обстановке – земной, материальной.

– Где я? – шевелится Галка.

– Дома. Все в порядке.

Галка поднимается, растерянно трет лоб.

– Голова раскалывается, – стонет она. – Что со мной случилось?

– Со мной то же самое, – я чувствую себя тоже не лучшим образом.

– Что это могло быть?

– Что ты имеешь в виду? – отвечаю вопросом на вопрос.

– Эти кошмары.

– Тебе тоже всякая чертовщина в голову лезла?

– А тебе разве нет? Мы же там вместе были, разве не помнишь?

– Насколько я знаю, групповых снов не бывает.

– Это не было сном.

– А вот сейчас проверим, – осматриваю я себя. Рубашка целая, чистая. А под ней? Но и на груди нет ни крови, ни шрамов, ни следов когтей.

– Вот видишь – нет ничего. Все это просто приснилось. Крыша, проще говоря, поехала.

– Нет, – возражает Галка. – Ты же слышал, – они говорили что-то насчет восстановления. Вот и восстановили полностью, даже следов от ран не осталось.

– Все равно с трудом верится. Где мы были? Что это за чудища? Что за гигантская бойня?

– Мир фантомов, – пожимает Галка плечами, – что тут непонятного? Мы прошлись по всем его ступеням. Теперь представляешь, что там творится, что это такое?

Молча соглашаюсь с ней.

– Что будем делать?

– Не знаю. Единственное, что я могу предложить, – это лечь спать. Ни на что другое я сейчас не способен. Завтра на свежую голову будем решать.

– А вдруг они опять придут? – ежится Галка. – Страшно!

– Не посмеют, – уверенно заявляю я. – Случайно мы нашли такой метод борьбы с ними, что не только какого-то там Варенуху, – весь мир фантомов можем уничтожить. Поэтому они вряд ли сунутся сюда.

– Еще как посмеют, – не успокаивается Галка. – Мы для них представляем серьезную угрозу. Они пойдут на все, лишь бы уничтожить нас, не дать возможности применить наше оружие.

– Ничего, до утра, думаю, продержимся. А там предупредим наших и всем скопом навалимся. От фантомов мокрого места не останется. Так что ты ложись, а я на всякий случай подежурю.

– Хорошо, – соглашается она, – только разбуди меня, когда невмоготу станет.

Она падает на подушку и моментально отключается. Достаю одеяло и заботливо укрываю ее. Да, много мытарств выпало сегодня на ее долю. Не каждый мужик выдержит. Нет, будить я ее не буду. Продержусь как-нибудь. До утра немного осталось.

Я сажусь с ней рядом и настраиваюсь бодрствовать всю ночь. То, что все злоключения, преследовавшие меня в эти дни, – происки фантомов, – это ясно. Делалось все это для того, чтобы не подпустить меня близко к секрету существования их мира. Если бы мне в первый день попал в руки дневник Олега, все было бы быстрее и проще. Хотя я и без него, пусть окольными путями и с потрясениями для психики, но Все-таки дошел до истины. Не только дошел, но и приобрел оружие для борьбы с ними. Непонятно другое. Зачем, с какой целью демон Варенуха забросил нас в свой мир. Случайно ли мы попали в ту дьявольскую мясорубку? Что за боги и демоны сражались между собой? Впрочем, ответ на этот вопрос известен. Боги и демоны всей Земли, религий всех народов, живших и живущих поныне, сражались между собой. Боги и демоны…

– Сплошная мистика! – мотаю я головой. – Их же нет. И никогда не было. Все они – людской вымысел.

– Но как же фантомы? – говорит что-то внутри меня.

– Фантомы? Ну да, конечно же, – соглашаюсь я. – Все никак не могу привыкнуть, принять их мир по-настоящему. Всех их – и богов, и демонов – создали люди. А это значит, что они существуют. В полевой форме. Так?

– Так, – соглашается внутренний голос.

– Но почему они существуют до сих пор? Ведь тот, кто их создал, уже давным-давно умер и истлел. А с ним истлела и вера в этих богов.

– А как же закон сохранения энергии?

– Верно. Значит, боги живы. Только живут они в своем мире и не появляются среди людей. Люди, даже если и встретят их, все равно не поверят.

– Конечно, – соглашается голос. – Что бы ты сделал, если бы повстречался с разгуливающим по лугу кентавром?

– Решил бы, что это с перепою. Или побежал бы к психиатру.

Впрочем, сейчас я бы уже не побежал.

– Ты – да. А другие?

– Другие – побежали бы.

– То-то. Потому сейчас появляются только инопланетяне, да и то лишь в последнее время. Раньше вообще путь был закрыт любому фантому. Ведь у нас была до недавних пор страна сплошного материализма, а точнее, прагматизма, овеществления. Любое проявление духовности было под запретом и подвергалось гонениям.

– И зря. Посмотри, как стало интересно жить, когда появились летающие тарелки, пришельцы, барабашки, Бермудский треугольник, Пермская зона. Мы будто стали богаче, а мир краше.

– Блаженны нищие духом – ой ли? До чего довела нас духовная нищета? Где тот человек, что звучит гордо? Нет его. Весь вышел! Остались мелкие склоки, свары, грызня за место под солнцем, злоба, зависть.

– Вот и нужно вернуть фантомов в наш мир.

– Вернуть? Но это же опасно! Они здесь такую мясорубку устроят, еще похлеще той, в которую мы попали.

– Вспомни старинные мифы и легенды. В них человек живет рядом с богами и демонами, и это не грозит ему никакими катаклизмами. Стоит только выйти за околицу, как сразу же встретишь лешего, водяного, русалку. А древние греки? Как чудесен и загадочен был их мир – мир человека и фантома! И не только греки. В древности так было повсюду – в Египте и Индии, Америке и Китае. В любом уголке Земли, на малюсеньком островке – всюду уживались мирно рядом люди и их боги и демоны.

– Отчего же они ушли?

– С одной стороны в этом повинен ход эволюции. Одно племя со своими демонами-фантомами нападало на другое, истребляя то вместе с его духами. Это племя в свою очередь подвергалось нападению со стороны третьего. Так шел ход развития человеческой цивилизации, и бок о бок с человеком, рождались, жили и умирали созданные им фантомы. В то время они еще не отделялись от человека, не уходили в свой мир. До чего же прекрасен был этот мир – мир реальности и материализованного вымысла. Мир сосуществования вещественной и полевой материи. Мир, чуждый прагматики! Умирая и вновь возрождаясь, он должен был быть вечен. Ибо такова природа живого.

– Но что случилось такое, отчего фантомы отделились от человека и ушли в свой недоступный мир?

– Ушли они вот от чего. Сокрушительный удар по ним

нанесло единобожие. Религия евреев, распространившись по всему свету, отвергла наличие каких-либо богов, кроме Единого. Повсюду огнем и мечом искоренялась вера в чуждые ей создания. Иезуиты кострами выжигали ересь из народа, топили в крови вечную как мир дружбу между людьми и фантомами. Но и эту религию постигла такая же участь. Наступило время, когда запретили у нас всех богов, насильно изгнали их из умов. И обеднел после этого наш мир. А как изменился человек! Серый, забитый идеологической пропагандой, он утерял образность восприятия мира и возвышенность натуры. Опустился до мелких склочных интересов, направленных исключительно на удовлетворение алчной корысти, животных инстинктов. И это все из-за того, что он лишился фантомов – мира, одухотворяющего и возвышающего его. Вот в чем беда – не в мнимой угрозе, идущей якобы от мира фантомов, а от самого человека.

– Но ты же видел, что там творится? Так ли хорош этот мир, чтобы его жалеть?

– Галка при своем первом посещении попала в совершенно другой мир. Просто нам не повезло, и мы на этот раз проскочили мимо него.

– Но мы-то видели другой мир. Мир злобы и ненависти, мир крови и убийства. Который же из них действителен? Или существуют оба?

– Не берусь категорично судить, но могу сказать одно – там, где существует злоба, мир не может быть прекрасным. Какой восхитительной была бы Земля, не будь так распространены на ней бациллы злобы! А в мире фантомов злоба имеет место, как и в мире человеческом. С нами все ясно. Неудовлетворенность желаний, неравенство, голод – суть источники ее порождения. А у фантомов? Чего им не хватает? Мы падки на мебель, вещи, тряпки. Любим вкусно поесть, красиво нарядиться, обставить себя никчемными безделушками. Фантомам этого не нужно. Потребности у них совсем другие. Мы завидуем соседу, у которого машина, знакомому, который устроился на тепленькое местечко, другу, имеющему красивую жену… Завидуем?

– Ну-ну, продолжай.

– Вот откуда у фантомов злоба! От нас же самих! Завидуя и злясь, мы тем самым вырабатываем матрицы злости и зависти, которые не исчезают бесследно, а уходят в тот мир, нарушая его гармонию. Добрый человек создает добрых фантомов, злой – злых. Чем больше на Земле злых людей, тем злобнее мир фантомов и наоборот. А злой фантом будет воздействовать на людей, чтобы вызвать у них еще больше злых мыслей. Ведь он питается энергией этих мыслей. Наши миры так крепко завязаны

между собой, что одно событие, одна мысль тянет за собой по нарастающей целую цепочку в обоих мирах. Какой выход из этой ситуации? Как ослабить все расширяющуюся волну зла и ненависти, грозящую уничтожить все живое на Земле? Как превратить злобного противника в друга? – Добро, только оно может остановить гонку страстей. Только оно может противостоять той волне.

Испуганный крик выводит меня из дремотного состояния, в которое я погрузился незаметно для себя, увлекшись своими рассуждениями. Мгновенно встряхиваюсь, готовый к любым неожиданностям. Галка, забившаяся в угол дивана, испуганно тычет пальцем в стену напротив. При свете ночника ничего не видно, но, присмотревшись, прыгаю к Галке в стремлении защитить ее от очередного чудища.

На стене под самым потолком медленно вырисовывается, выплывает из полумрака сиреневый светящийся круг. Внутри его проявляется человеческое лицо. Строгое, аскетическое, похожее на лики, которые рисуют на иконах. Глаза полны глубокой древней мысли, но не злые, смотрят на нас, завораживая и заставляя забыть все бренное, земное. С усилием борюсь я с этим взглядом, стремясь избавиться от его влияния.

– Не бойтесь! – раздается вдруг голос внутри меня. – Мы не сделаем вам ничего плохого.

– Сомневаюсь, – кричу я в ответ, чувствуя в себе силы защитить съежившуюся сзади девчонку. – Лучше убирайся подобру-поздорову.

– Мы уйдем, – скребется в голове голос, – и не тронем вас, будьте уверены. Вы выдержали испытание.

– Какое еще испытание?!

– Ты самостоятельно дошел до сути и взаимосвязи наших миров и теперь уже не несешь в себе потенциальную угрозу.

– Значит все, о чем я думал, верно? – я немного успокаиваюсь, чувствуя, что нам ничего опасного не грозит.

– Да. На Земле существует симбиоз двух существ, двух разумов – человека и сотворенного им фантома, как ты нас называешь. Человечество с первых дней, как только обрело разум, развивалось в этом симбиозе. Это сосуществование двигало оба разума по пути эволюции. Но человек нарушил симметрию, и эволюция приостановилась. Теперь как вы, так и мы медленно откатываемся назад, деградируем. Распри, национальная вражда – это уже было и вот повторяется вновь.

– Похоже, что так, – соглашаюсь я. – И что же делать, как найти выход?

– Вы должны помочь нам в возрождении и слиянии наших

миров.

– Не очень-то захочется, – качаю я головой, – после таких кошмаров.

– Такова диалектика природы. Единство и борьба противоположностей. Добро и зло в одной ипостаси. Но сейчас зло перевешивает. Силы Тьмы торжествуют. Это грозит крахом обоим нашим мирам. Ты и тебе подобные должны восстановить нарушенный баланс сил, иначе…

– Но я не знаю, как.

– Знаешь. Более того, ты уже готов к этому.

– А Галка?

– Она еще нет, но в ней заложено понимание. С твоей помощью она выберет верный путь.

– А как быть с Олегом? Вы вернете его? – спрашивает Галка.

– Нет, – отчаяние слышится в голосе. – Олег во власти сил Тьмы. Они обрабатывают сейчас его, чтобы затем заслать в ваш мир своим эмиссаром.

– Как и Варенуху?

– Да. Только осилив их, мы смогли бы вызволить Олега. А пока вы видели, что творится. Силы Тьмы побеждают.

– И нас чуть не закабалили.

– Да. Если бы не прозрение, сошедшее на тебя и позволившее уничтожить демона Тьмы, вы были бы сейчас тоже там.

– Мне кажется, – осознаю я, – я смогу вернуть, – ловлю Галкин взгляд, – мы сможем вернуть Олега сами. Вообще-то вы зря доверяете мне, – честно признаюсь я, – имеющему в своих руках метод вашего уничтожения.

– Мы не просто доверяем, мы знаем, что ты его никогда не применишь против сил Света.

– Скажите, – подает голос Галка, – где мы были? Вода, огонь, леопарды – где это было?

– Это было все на Земле и нигде больше. Вы прошли через все четыре круга жизни, существовавших на этой планете и погибших по воле сил Тьмы. Сейчас идет пятый круг, и судьба наших цивилизаций зависит от таких, как вы. Победят силы Света, – эволюция пойдет дальше. Одержат верх силы Тьмы, – мы опять в который раз окажемся у начала начал.

– Кто-нибудь еще знает про вас, или мы – единственные?

– Вы не одни. Вас на Земле много, и все вы, познавшие истину, с нами заодно. Цель у нас общая – возрождение и сохранение красоты и единства мира.

Я киваю, невольно соглашаясь с ним.

– Мы уходим, – слышится голос. – Вам надо привести в порядок свои мысли, сделать им переоценку. Но мы уходим не

насовсем. Мы рядом. Позовите, и мы вернемся.

Лик на стене бледнеет, превращается в размытое пятно, постепенно растворяющееся в темноте. Встряхиваюсь, словно ото сна. Что это? Кошмар или реальность? Но знаю, что все было в действительности – я уверен в этом! Тяжесть, томившая меня эти суматошные невероятные два дня, исчезла. На смену ей приходит легкая радость и спокойствие. Оборачиваюсь к Галке и без слов вижу, что с ней творится то же самое.

– Вот и все, – говорю. – Что будем делать?

– Спать, – глаза ее заволакиваются туманом. – Скоро утро. Все остальное – завтра.

– Нет, не все, – я притягиваю ее к себе. – Кое-что можно успеть и сегодня. Я намерен завершить одно дело, которое мне помешала довести до конца вчера на берегу некая летающая сковородка.

Галка, смущаясь, смеется и тянется к ночнику.

Чарка

Ночью опять шевелилась и стонала земля. Угрожающе дыбился пол, сбивая с ног мечущихся в темноте людей. Трескались и шелестели осыпающейся штукатуркой ставшие вдруг чужими и враждебными стены родного Дома. Сыпались с потолка струйки песка, засыпая волосы, набиваясь за шиворот, попадая в глаза и ослепляя и без того обезумевших от страха обитателей, рвущихся в поисках спасения к выходу.

Лэн успел выскочить одним из первых. Убегая от опасности, он услышал, как тяжело вздохнула земля. Сильный удар сбил с ног. Покорившись судьбе, лежал он в полузабытьи среди обломков, тупо воспринимая доносившиеся звуки.

Вокруг стоял грохот. Рушились старые, обветшалые, но еще чудом сохранившиеся здания, гулко ухая о растрескавшийся асфальт. Скрипела оголявшаяся и вырывающаяся из бетона арматура. Дико вопили невидимые в темноте люди. И натужено качала земля…

Когда Лэн очнулся, предрассветная дымка уже разогнала темноту. Блеклые лучи солнца едва пробивались сквозь еще не осевшую пыль. Серыми тенями смутно вздымались пережившие ночь здания, на месте других громоздились груды развалин. В серых развалинах серыми тенями плавали силуэты людей.

Высвободившись из-под засыпавшего его щебня, Лэн с трудом поднялся на дрожащие, неверные, но целые ноги. Ему повезло. Замешкайся он на мгновение, и вся масса щебня, застывшая валом в полутора метрах, обрушилась бы на него и похоронила заживо. Как того, чья рука со скрюченными пальцами высовывалась из-под бетонного обломка. Лэн подковылял к ней и хотел было потянуть, но скованность и неестественная холодность ее подсказали, что в этом уже нет необходимости. Рука казалась знакомой. Рваный шрам повыше запястья; исковерканный и неправильно сросшийся большой палец.

– Дядя Сэд, – прошептал Лэн, – вот где нашел ты свой конец.

Дядя Сэд мечтал вовсе не о такой смерти. Он часто говорил, что умрет на пороге дома или в поле с оружием в руках. Судьба уготовила другое – быть бесславно раздавленным обломком стены. Впрочем, если бы не ночь и ужас, овладевший людьми, его можно было бы спасти. Судя по обломанным ногтям и запекшейся на них кровью, он еще какое-то время был жив и даже пытался выцарапаться сам. Если бы не ночь… Лэн погладил землистую руку. Подумав, вынул свой нож и вложил в мертвые скрюченные пальцы.

На месте Дома образовался глубокий провал. Стены не выдержали дыхания земли. Подвал некогда высокого, но вконец разрушившегося здания, обвалился, завалив тех, кто не успел выскочить. Среди развалин с тупыми лицами бродили братья, сестры, тетки и дядьки – немногие оставшиеся в живых из многочисленной Семьи Воклотов. Они уныло и безучастно рылись в развалинах в поисках уцелевшего скарба. Среди живых был и сам Воклот – глава Семьи и отец Лэна. Здоровый, без единой царапины, он стоял на возвышении и свирепо покрикивал на сородичей. Увидев Лэна, Воклот набросился на него:

– Прохлаждаешься!? Вниз! Быстро!

– У меня рука не шевелится, – Лэн качнул висящей плетью рукой.

– Какая рука? А ну, работай! – и Воклот с размаху влепил сыну затрещину. Не удержавшись, Лэн покатился вниз, больно ударяясь об острые выступы.

– Ружье ищите, – орал сверху Воклот, – ружье!

Разгрести многотонную массу щебня, кирпича и кусков бетона, беспорядочно оплетенных арматурой, было непросто. Ближе к полудню все окончательно выдохлись, но ружье так и не отыскалось. Взбешенный Воклот раздавал тумаки направо и налево, но толку от этого было мало. Ружье засыпало надежно. Отыскавшиеся вещи свалили в одну кучу. Извлеченные из-под развалин трупы свалили в яму и засыпали. Общей численности Семьи не знал никто, даже сам Воклот. Потери можно было определить только приблизительно. Под обломками погибло примерно человек двадцать, в основном старики, женщины и дети. Семья Воклотов уменьшилась наполовину. Все были голодные, измученные и злые. Воклоту то и дело приходилось пускать в ход кулаки, чтобы утихомирить сцепляющихся между собой мужчин. Те уже принялись делить между собой уцелевших женщин, значительно уменьшившихся в количестве.

– Распределять баб буду я, – рычал Воклот, усмиряя кулаками самых строптивых сыновей и братьев. – Сейчас есть дела поважнее. Как бы Рэкеты не нагрянули. А у нас кроме ножей да пары сломанных арбалетов ничего не осталось.

Оружие было необходимо. С одними ножами не устоять ни против кого. Соседи заняты пока своими бедами. Но, оправившись и видя безоружных Воклотов, нападут обязательно. Отберут весь спасенный скарб и женщин. Да и самих Воклотов не пощадят. Всех перебьют. И заберут поля и пастбища Воклотов, стада. Таковы законы здешних мест. Воклоты сами неоднократно поступали так же с другими семьями, почуяв их слабину. Так же поступят и с ними. Больная собака не охотник, а жертва. Воклот

сам сейчас походил на больного пса. Оружие, которым он держал в повиновении Семью, которым угрожал не в меру ретивым сородичам, пытавшимся посягать на его власть, благодаря которому, наконец, его боялись не только члены Семьи, но и соседи, – так и не нашлось. И сейчас впервые за многие годы он чувствовал себя беззащитным перед этой сворой варваров. Хоть и связанные между собой священными узами родства, они постараются воткнуть ему при первой возможности нож в спину. Шон и Кри, младшие братья, уже искоса угрюмо поглядывают в его сторону. И Воклот не замечает страха и почтения в их глазах. Он понимал, что единственный, кто на его стороне, – это время. Сейчас главное – не дать людям послабления, не дать времени на раздумье и переоценку произошедших событий. А через день-другой они привыкнут и примут все таким же неизменным, как было раньше.

Шона и Кри, чтобы убрать их подальше от соблазна, он послал во главе групп проверить стадо и нарубить веток для дубинок и луков. Остальных оставил при себе. Нужно продолжить поиски ружья и готовить копья. Исходный материал – арматура, высвободившаяся из бетона, – торчала повсюду. Из нее можно изготовить не только копья, но и мечи. Еще двоих Воклот отправил на поиски нового жилья. Старый Дом завалило полностью. Восстанавливать его не имело смысла. Чего-чего, а подвалов в Городе хватало.

Лэн попал в команду Кри, направленную на заготовку дерева. Их группа из пяти человек шла по холмистой местности, держа курс на Каньон. Окрестности представляли собой унылое зрелище. Серые холмы от края до края. Вездесущий бетон и битый кирпич в бахроме нетленного пластика. Серо-желтая трава, пробивающаяся чахлыми низкорослыми кустиками между ними. Единственное, что разнообразило места, – это черные, сизые, ядовито-зеленые и ржаво-красные проплешины, кляксами разбросанные по поверхности. Откуда они появились, из чего состояли, – этого не знал никто. Было известно только, что места эти опасные, гиблые. Не один смельчак, погнушавшийся мерами предосторожности, поплатился за свою смелость жизнью. Лэн видел однажды, как сизая плешь в два счета засосала попавшую в нее собаку, удиравшую от кошачьей стаи. Другие насылали болезни, от которых человек в одночасье покрывался струпьями. У него выпадали ногти, волосы, зубы. Сам он ссыхался и угасал за несколько дней. А были и такие, вдохнув зловонные испарения которых, все живое падало замертво. Или сходило с ума и убивало все, что двигается. Но самыми опасными были черные

плеши. Что бы в них не попадало, исчезало бесследно. Даже несокрушимый ни солнцем, ни временем пластик. Они предпочитали асфальтовые поверхности, которых в Городе было предостаточно, и к тому же не сидели на одном месте, а постоянно передвигались с места на место по всему Городу. Обнаружить такую плешь, покрытую сверху пылью и почти незаметную, было трудно. Потому горожане предпочитали пробираться по не очень удобным, но безопасным завалам. Там, где проползала черная плешь, оставались только песок и гравий. Все остальное исчезало. Это позволяло надеяться, что со временем плешь съест весь асфальт и уберется восвояси. Тогда можно будет спокойно ходить по Городу.

Вот и сейчас Кри осторожно вел вытянувшуюся за ним цепочкой группу, прощупывая длинным слэгом подозрительные места и издали обходя плеши. Лэн, прижав больную руку к груди и скрипя зубами от пульсирующей в такт шагам боли, замыкал цепочку.

Каньон представлял собой широкий и глубокий провал в земной коре, извилистой линией приходящей откуда-то издалека и тонущий в Океане в миле от того места, где стоял Кри со своей группой. Крутые обрывистые некогда стены его сгладились, и теперь Каньон более смахивал на пологую долину, заросшую внизу густым сизым Лесом. Откуда приходил он, где его начало, – этого не знал никто. Возможно, знали Великие Предки, но знания – неиспользуемые, ненужные, мертвые – давно затерялись. В глубине души Лэн сожалел об этом. Что-то, гнездившееся глубоко внутри, иногда толкало его неизвестно куда и томило душу непонятной тоской. Убогая жизнь, ограниченная узким мирком владений Семьи Воклотов – Домом, полями и пастбищами. Изнурительная работа целыми днями с единственной целью – поесть сегодня и не умереть с голоду завтра. Кровавые стычки с соседями и пришлыми, посягнувшими на их владения. Все это отупляло, но так и не выбило у него тягу к неизведанному миру, лежащему за владениями Воклотов. Миру таинственному и загадочному. Раньше дядя Сэд как-то утолял этот душевный голод. Рассказывал мифы и легенды о прошлом. О людях, живших здесь давным-давно. О циклопических постройках, в развалинах которых теперь жили Воклоты. О тележках, движущихся сами собой. О вообще непостижимых для разума летающих штуковинах. Дядя Сэд и сам-то всего не понимал в этих легендах и в ответ на вопросы Лэна лишь пожимал плечами да объяснял людским вымыслом. Попробуй-ка проедь, к примеру, на такой тележке по городскому бурелому или хотя бы за Городом. Моментом угодишь в плешь. Или летать… Если бы такое было

возможно, то обязательно нашлась бы какая-нибудь тварь, умеющая зависать в воздухе. Летающая собака, кошка или, на худой конец, крыса. А раз в воздухе никого и ничего нет, то летающие штуковины – обычная сказка наподобие «доброго солнца».

Но теперь дяди Сэда нет, и никто уже не сможет ответить Лэну, утолить томление его души. А томление осталось, и сейчас, при виде каких-то полуразрушенных построек, виднеющихся в сизой дымке на другой стороне Каньона, нахлынуло на него с новой силой.

– Дядя Кри, – не удержался он, – что это там, за Каньоном?

– Отстань, сопляк! – рявкнул в ответ Кри, всматривающийся вниз, в Каньон.

– Я не сопляк! – кровь ударила в голову не ожидавшего такого ответа Лэну. – Козел плешивый!

От со свистом рассекшего воздух слэга он увернулся, но от следующего удара в грудь покатился по земле. Вскочив, он отбежал на безопасное расстояние.

– Ну, – зло прорычал Кри, – еще вопросы будут?

Лэн молчал, ненавидяще следя за Кри. Глупо дерзить, когда безоружен, да к тому же имеешь только одну здоровую руку. А уж глупее некуда обозвать плешивым козлом Кри. Тот и в самом деле походил на такого. Драная, в лохмотьях одежда, кустистые пучки волос на лысом костистом черепе, редкая козлиная бородка. Все за глаза так и называли его. Лэн, ляпнув его прозвище, угодил тому в самое больное место. Кри, стоявший по рангу, а значит и по силе, после самого Воклота, был опасным противником. Никто, даже Шон не осмеливался становиться у того на пути. И шансы у Лэна остаться в живых, пусть даже с переломанными ребрами, значительно уменьшились.

Но Кри отвернулся и снова уставился на Каньон. Что-то более серьезное привлекло его внимание. Лэн облегченно вздохнул. Опасность пока миновала. Он провел рукой по потемневшей поле плаща. Острый конец слэга оставил после себя рваную борозду. Рана была неглубокой и опасности не представляла. Хотя и сильно кровоточила. Лэн обошелся тем, что прижал плотнее руку к боку, чтобы остановить кровь, и пустился следом за группой. Те уже скрылись за грядой.

Каньон был единственным местом, где рос Лес. В самом Городе и прилегающих окрестностях ничего подобного не было. Густые заросли кряжистых, перекрученных стволов с зеленовато-фиолетовой листвой расползлись по дну и склонам долины. Сам он и населяющая его живность жили какой-то своей загадочной и неведомой жизнью, вселяющей в чуждых этому миру людей

почтительное благоговение. И хотя люди пришли и по-хозяйски разделили Лес на участки, вламываться в его жизнь и нарушать ее своими законами остерегались. Лес давал им огонь и оружие. Не считаться с этим было нельзя. Поэтому ограничивались тем, что выбирали по необходимости старые и погибшие деревья. Лишь иногда с большими предосторожностями срубали тонкие, но крепкие стволы и ветки, годившиеся для луков и копий. Лес стоял здесь издавна, возможно, с самого Начала и, казалось, был незыблем во все времена, как прошедшие, так и будущие. Рождались, жили и умирали люди, поколение за поколением, а Лес стоял. Если бы он мог говорить, то, как казалось Лэну, рассказал бы много интересного из той жизни, прожитой им от Начала до Конца. И после Конца. Жизни, утраченной людьми навсегда.

Перевалив через гряду, Лэн замер. Стала понятна растерянность Кри. Каньон изменился. Склоны остались такими же, но… Внизу, где должен был быть Лес, стояла вода. Обычно в самой низине Каньона журчала мелкая речушка, набухавшая по весне и заливавшая Лес. Но сейчас же не весна! Вода уже давным – давно спала. Или опять наперекор стихии вернулась весна? Ничем другим объяснить ту зеркальную гладь, скрывшую под собой дно долины и уходящую к Океану. Редкие купы деревьев высовывались кое-где из воды, а дальше к Океану исчезали совсем. Лэн догнал своих, медленно спускавшихся по склону и растерянно озиравшихся.

– Давно такого разлива не было.

– Такого вообще никогда не было, – угрюмо отозвался Кри. – Здесь что-то другое.

– Наверно, кто-то перегородил речку, – предположил Рэф, юнец одного с Лэном возраста с постоянно слезящимися глазами.

– Вот мы доберемся до него и покажем, как пакостить на чужих землях. Пошли к Океану, – решил Кри.

– А если это чарки? – встревожился Рэф.

Все испуганно шарахнулись от берега.

– Тьфу, дьявол! – опомнился Кри. – Придумает же – чарки. Да они никогда в реку не забираются. На кой она им, когда у них весь Океан?

– Чтобы к нам подобраться. К Океану-то мы не ходим. – Хм. Тоже верно. – Кри помолчал. – На всякий случай быть начеку!

В руке у каждого появился нож – у кого короткий, у кого подлиннее, а у кого настоящий тесак или меч.

– А тебе что, надо еще раз сказать!? – колючие глаза ели Лэна.

– У меня нет ножа, – Лэну не хотелось объяснять, где он

оставил нож, – все равно никто бы не понял, – потерял при обвале.

– Ну и черт с тобой! – сплюнул Кри. – Потянут чарки в воду, – на нас не надейся. Понял?

По мере продвижения к Океану водное пространство, захватившее Каньон, увеличивалось, пока не превратилось в сплошную воду, уходящую за горизонт.

– Океан! – шептали люди, невольно пятясь назад. – Океан прорвался!

Океан, величавый и грозный, живущий своей таинственной жизнью, – то тихий и мирный, то свирепо бросающий громадные валы на берег и разбивающий скалы, – внушал неподдельный ужас обитателем Города своей неуправляемой, неподвластной человеку стихией. Тот, кто пытался подружиться с ним, пропадал бесследно. Говорили, что таких, а также других, неосторожно приблизившихся слишком близко к Океану, утаскивали его обитатели – чарки. Живую чарку не видел никто, и Лэн недоверчиво относился к этим россказням.

Потоптавшись в нерешительности на берегу Океана, группа двинулась назад.

– Это все чарки! – не унимался Рэф, торжествуя от правильности своей догадки. – К нам подбираются. Скоро к самому Городу подступят. Тогда всем будет конец.

– Заткнись! – не выдержал Кри. – Воешь, как бешеный пес. Еще накличешь беду.

– Вой не вой, а от беды не уйти, – изрек молчавший до сих пор одноглазый Риг, старый вояка. – Океан захватил наш Лес. Пропадем теперь без него.

– У соседей разживемся, – отмахнулся Кри.

– Без драки не обойтись.

– Ясное дело! Мы что, не воины?

Воклоты миновали затопленный участок и теперь пробирались, утопая по колено в грязи и иле, через месиво корней, веток, стволов деревьев и кустов, вырванных и сваленных в кучу прошедшей здесь волной. Зрелище было жутковатое. Над головой переплетались ветки и корни со свешивающейся с них бахромой тины. Все окрашено в серый безжизненный цвет. Ни звука, ни шороха ветерка. Мертвый Лес. Царство смерти. Невольно в души закрался страх. Воклоты, сбившись теснее, заторопились из мертвого Леса.

Одолев особенно густой вал из деревьев, они оказались на нетронутой Океаном земле. Переход был резким. Позади – гора серых безжизненных деревьев. Впереди – живой Лес с тянущимися к небу стволами. Сизые листья, зеленая трава. Воклоты

облегченно вздохнули, миновав жуткое место, но тут Кри издал предостерегающий крик. Группа замерла, вглядываясь в лесную чащу.

– Хэнсомы! – прошипел с досадой Кри. – Уже успели. Но ничего. Это всего лишь сторож. Мы с ним быстро управимся. Риг, – приказал он, – зайдешь с тыла.

Риг отстал и затерялся в зарослях.

Воклоты, сохраняя спокойствие, медленно двигались по чужой территории. Ничто, если не считать одинокой фигуры, скрываемой наполовину кустарником, не предвещало опасности. Но едва они приблизились, фигура отделилась от кустов и выступила навстречу.

– Стой! – последовал окрик.

Кри, не обращая внимания, продолжал путь. Воклоты, замешкавшись было, последовали за ним.

– Стой! – повторил человек, нацелив на них арбалет, – иначе буду стрелять.

– Это ты, Род? – миролюбиво произнес Кри, останавливаясь. – Не балуй, опусти игрушку.

– Что надо? – угрюмо отозвался сторож, не опуская арбалета.

– Ты не узнаешь меня, Род? Это я, Кри Воклот. Сосед.

– Вижу, – Род не спускал с Воклотов настороженного взгляда, – но это ничего не значит. Еще шаг, – и я стреляю.

– Род, дружище, что ты такой неласковый? – Кри тянул время, чтобы дать Ригу возможность подобраться поближе. – С похмелья что ли?

– Это вы, похоже, с похмелья. Зашли на чужую территорию.

– А-а, это, – Кри незаметно сокращал расстояние между ними, сожалея, что в руках кроме слэга ничего нет. – Это мы так, мимоходом. Поинтересоваться, что уцелело.

– Поинтересовались, а теперь топайте назад.

– Погоди, не гони, – Кри усиленно вслушивался в шум Леса. – Как тут у вас? Много затопило? Наш участок полностью под водой.

– Ваш – да, – усмехнулся Род, – а наш наполовину. Так что теперь дрова вы будете выпрашивать у нас.

– Это мы еще посмотрим! – вспыхнул Кри.

– Но-но, – насторожился Род, – не дергайся. У меня палец так и тянется спустить тетиву.

За спиной Рода послышалась возня, и до Воклотов донесся приглушенный вскрик. Род не шелохнулся.

– Зря ты послал его, – качнул он головой.

– Риг! – Кри в ярости замахнулся слэгом. Род негромко свистнул. Кусты вокруг Воклотов зашевелились. Из них

выступили безмолвные фигуры – человек двадцать. Все были вооружены, – кто арбалетом, кто копьем, кто мечом.

Воклоты, выставив ножи, попятились. Противостоять более многочисленному и хорошо вооруженному противнику они были не в состоянии. Но и сдаваться тоже не привыкли. Сбившись в тесный кулак, ощетинившись ножами, стояли они молча в кольце врагов, собираясь дорого продать свои жизни. Так же молча и грозно застыло вокруг них кольцо противников с нацеленными копьями и арбалетами. Еще мгновение – копья и стрелы вонзятся в незащищенные тела.

Род опустил арбалет.

– Проваливайте! – процедил он. – Неохота с безоружными связываться. В следующий раз не зарывайтесь. Ты понял, Кри?

– Понял, – бессильная злоба душила Кри. – Мы еще встретимся!

– Встретимся, встретимся, – рассмеялся Род, – и очень скоро. Приходите. Нам работники нужны.

– Что!? – яростно подскочил к нему Кри, вынудив Хэнсомов снова поднять оружие. – Раньше ты ко мне придешь. Нет, не придешь. На коленях приползешь, крыса вонючая!

Глаза Рода сузились, но он сдержался.

– Тогда не тряси бородой, как козел после случки, а спеши домой. А там поглядим, кто к кому приползет.

– Что случилось? – снизил тон Кри, проглотив оскорбление.

Род молчал. Не дождавшись ответа, Кри подал знак. Воклоты, продолжая сжимать в руках ножи и настороженно оглядываясь, стали отступать.

– Эй, Кри! – крикнул вдогонку Род, – ты одного забыл. – И из кустов вылетело и глухо ударилось о землю тело. Это был Риг. Багровая полоса пересекала шею, голова неестественно вывернута.

Кри зло сплюнул и заорал на своих. – Быстрее! – и огрел кого-то слэгом, вымещая бессильную злобу.

Оказавшись на своей территории, Кри остановил группу.

– Ты! – взгляд его остановился на Лэне, – и ты, Рэф, остаетесь. Прочешете весь бурелом, но без древок не возвращайтесь.

– Нож… – заикнулся было Лэн, но Кри оборвал его.

– Обойдетесь одним. Свои нам могут понадобиться. – Ты – со мной! – приказал он оставшемуся, и они полезли по склону.

Рэф и Лэн следили за ними до тех пор, пока те не перевалили через гряду и скрылись из глаз. Оставшись вдвоем, они молча двинулись к илистой болотине, в которую превратился Лес. По пояс проваливаясь в жидкое месиво, барахтаясь в отвратительной

жиже, они терпеливо копались в грязи, выискивая и отрубая подходящие ветки. Улов, к сожалению, был плохой. Прошедшая волна не только повалила и вырвала с корнями деревья, но и основательно пообломала все, что могло ломаться. Да к тому же прикрыла все слоем грязи, отыскать в которой что-либо было непросто. Не раз Лэну, запутавшемуся ногами в скрытом под водой сплетении ветвей, казалось, что морское чудище, цепко схватившее их, уже не отпустит. И тогда он мысленно прощался с жизнью. В довершение всего досаждали мелкие многоногие существа, легко расхаживающие по поверхности на своих суставчатых ногах. Лэну еще не приходилось встречаться с такими. Возможно, это были обитатели Океана, если не сами чарки или их дети. От таких мыслей становилось неуютно. Существа держались на приличном расстоянии, резво передвигаясь бочком, но бывали моменты, когда такой зверь, зарывшийся в тину, вдруг выскакивал из-под самых ног. Холод страха пронзал тогда Лэна сверху донизу.

Вконец измученные, они выволокли на берег десятка два покореженных ветвей.

– Так дело не пойдет, – Рэф сплюнул на землю и вытер грязной рукой рот. – Ковыряемся как крысы на помойке, а толку нет.

– Ничего не остается, как ковыряться, – отозвался Лэн. – К Хэнсомам не пойдешь же? Прикончат.

– Нет, не к Хэнсомам, – Рэф задумчиво уставился вдаль. – Вон туда бы добраться.

Лэн проследил за его взглядом и побледнел.

– Ты что, к чаркам захотел?

Посреди водной поверхности выступал чудом уцелевший островок Леса. Буря его тоже изрядно потрепала, но деревья устояли перед ее натиском и теперь тянули к небу свои обломанные, лишенные листвы ветви. От берега до островка было метров двадцать, но метры эти были непреодолимы. Между ними была Вода. А где Вода – там чарки. А с чарками неразделима смерть. Это еще с пеленок впитывал в себя человек. Рэф предлагал безумную затею, и он это знал.

– Это не я захотел, – ухмыльнулся он. – Это ты пойдешь.

– Что? – вскочил Лэн.

– Ты сейчас пойдешь туда и нарубишь веток, – произнес Рэф.

– Сам иди. Мне еще пока жить хочется.

– Мне тоже. Но мне с Кри делить нечего. Тебе же, если появишься с пустыми руками, он кишки выпустит. Так что тебе терять нечего. Здесь или там – все равно загнешься. А так, глядишь, повезет.

– Нет! – судорожно вздохнул Лэн. – Лучше сдохнуть на суше, чем пойти на корм чаркам.

– Тогда подыхай! – в руке Рэфа сверкнул клинок.

Лэн был начеку. Отскочив к куче валежника, он выхватил из нее первую попавшуюся дубинку. Нож отлетел в сторону. Рэф, взвыв от боли, схватился за руку. Дубинка со свистом рассекала воздух, заставляя Рэфа отступать. Он прыгал из стороны в сторону, увертываясь от наседающего Лэна, но дотянуться до ножа не мог. И тогда он прибег к хитрости.

– Чарка! – заорал он, указывая за спину Лэна. Лэн испуганно обернулся. В следующий миг Рэф уже мчался к валежнику.

Теперь успех поединка склонился на сторону Рэфа. Озверелый противник был вдвое сильнее. Сбив Лэна на землю, он навалился сверху. Хрипя и задыхаясь, Лэн извивался в попытках освободиться от пережавшей горло дубинки. Но в глазах поплыли разноцветные круги, в голове завертелось, расплылось, и подступило безволие…

Когда он очнулся, Рэф сидел невдалеке, остругивая ножом дубинку.

– Очухался, – миролюбиво произнес он.

Сознание возвращалось медленно. Рушащийся Дом… Рука дяди Сэда, торчащая из камней… Кри… Хэнсомы… Драка с Рэфом…

Лэн вскочил на ноги. Рэф подтянулся, настороженно следя за ним.

– Не балуй! – с угрозой произнес он. – Во второй раз не пожалею.

Лэн стоял, пошатываясь. В глазах еще качалось и плыло.

– На, – нож воткнулся в землю у ног, – и иди. Только не делай резких движений. Иначе… – Рэф тряхнул дубинкой.

Это был конец. Лэн понимал безысходность своего положения. Он подобрал нож и, тяжело переставляя одеревеневшие ноги, направился к воде, чувствуя спиной сверлящий взгляд Рэфа.

Холодная вода вернула ясность мыслям. Рэф… Чарки… Но он уже стоит в воде, и ничего с ним не случилось. Вздохнув, он осторожно направился к островку, с трудом вытягивая ноги из вязкого ила, и на каждом шагу ожидая, что вот сейчас разверстнется мутная бездна, и оттуда появится морское чудище.

Добравшись до островка, Лэн вскарабкался на дерево и оглянулся. Он дошел до деревьев! Дошел! И остался жив. И тогда Лэна затрясло. Дошел, дошел, – билась в голове одна мысль. Он еще крепче обхватывал ствол дерева, боясь сорваться от сотрясавшей тело дрожи.

Успокоившись, Лэн занялся делом. Перебираясь с дерева на дерево, он выискивал подходящие ветки и срезал их. При этом старался держаться подальше от страшной бездны. Резать тугую древесину было утомительно. Полностью уйдя в работу, он не обращал внимания на еле доносившиеся крики Рэфа. Когда же, выбравшись на окраину островка, обернулся на берег, то окаменел.

Рэф, захватив ворох заготовленной древесины, поднимался по склону.

– Рэ-э-ф! – дико заорал Лэн. – Ты куда?

Рэф обернулся и крикнул в ответ.

– Вечер… Темно… Собаки… – донеслось до Лэна. – Завтра…

В ответном вопле Лэна было мало человеческого. Рэф ушел! Оставил его одного! Бросил! Лэн в бешенстве метался по деревьям, словно по клетке, не решаясь броситься в воду. Рэф, пес паршивый! Так предательски поступить – загнать его на островок и бросить. Так Воклоты не поступают! Это не Воклот, это падаль, отброс, отрыжка нашего семейства!

Бормоча и плача, бессвязно выкрикивая ругательства, Лэн с ужасом и тоской смотрел на опустевший берег, такой близкий и такой далекий. Прощался с ним. Прощался со всем растущим, живущим и умирающим там, на твердой надежной суше. Прощался с солнцем и небом, которые ему уже не суждено увидеть завтра. Оставшись один, он ни за какие блага не осмелится ступить в воду. А впереди ночь!

Солнце уже скрылось за грядой. На склоны серыми тенями наползали сумерки. С одной стороны, Рэф правильно сделал, что ушел домой. Идти по пустоши ночью равносильно самоубийству. Или угодишь в темноте в плешь, или же настигнет стая кошек или собак, выходящих по ночам на охоту, и растерзает в клочья. Но с другой стороны, у Лэна не укладывалось в голове, что можно вот так запросто бросить товарища в беде и спокойно уйти. А Лэн был в беде. Большой беде. Одиночество, страшная Вода, надвигающаяся ночь, – вряд ли он сможет преодолеть все это в одиночку и дотянуть до утра. Безнадега! Уверенность в том, что под покровом ночи придут чарки и утащат его в воду, не отпускала Лэна. По мере того, как сгущались сумерки, страх все сильнее овладевал им.

Лэн лихорадочно заметался по деревьям. Выбрав самое крепкое и развесистое, нашел надежную развилку и соорудил из нарубленных ветвей крепкий помост. Вооружившись ножом и дубинкой, Лэн устроился на нем и стал вглядываться и вслушиваться в темноту.

Взошедшая луна залила все мертвенным серебристым светом,

наполнила Лес жуткими тенями. Шорохи, вздохи и стоны оживили их. Вздрогнуло, заволновалось море. Закачались под напором воды деревья. С хлипкого помоста посыпались ветки. С ужасом всматривался Лэн в подступающую все ближе и ближе поблескивающую шевелящуюся поверхность, чувствуя, как леденеет в страхе тело. Не учел он такого варианта. Против любого существа, будь то человек или зверь, мог применить он свой нож и дубинку. Но против Воды… Чарки оказались хитрее! Испугавшись вооруженного человека, они напускают на него Океан, прячась в глубинах. Это конец! Океана ему не осилить. И Лэн, отбросив ненужные нож и дубинку, обратил свой взор к небу.

Утренние зарницы, робко пробившись сквозь ночь, осветили Каньон. На островке растительности, на одном из деревьев застыла оцепенелая фигурка. Искривленное гримасой страха лицо, бледное, без единой кровинки не могло быть лицом живого человека. Но Лэн был жив. Это было заметно по вздрагивающему в судорожных вздохах телу, по чуть дрожащим ресницам. Солнечный блик, скользнув по лицу, вырвал Лэна из оцепенения. Он открыл глаза.

– Утро!? Жив! – были первые его мысли.

Он вскочил, недоверчиво оглядываясь, удивляясь тому, что жив до сих пор. Вспоминались события прошедшей ночи. Был ли это кошмар или это было наяву? Было ли наступление Океана сном или реальностью? Слишком уж ярко отпечаталось в памяти шум деревьев и надвигающиеся волны. Хотя сейчас, при утреннем свете поверхность воды была там же, далеко внизу.

Лэн разобрал помост и сбросил ветки вниз. Спустившись, он принялся вылавливать их в мрачной, тускло темневшей сквозь утреннюю дымку воде. Лазить в зыбком тумане по деревьям над самой водой было жутковато, но он ни на миг не желал больше оставаться в этом гиблом месте. Хватало ночных кошмаров. А сейчас того и гляди, выплывет из тумана какая-нибудь мразь. Лучше убираться отсюда побыстрее.

Ухватившись за торчащую из воду ветку, Лэн дернул ее, но тут же, забыв обо всем, взлетел по стволу вверх. Вцепившись в ветки, он со страхом уставился вниз, в туман. Кто-то стонал? Или ему опять померещилось? Но уж слишком явственно доносились стоны.

Внизу было тихо, и Лэн, усомнившись, стал спускаться. Охапка веток, которую он бросил в испуге, качалась на воде, ожидая его. Замирая, прислушиваясь и вглядываясь в заросли, он подобрался к ней. Но что это? Стоны, еле слышимые, но

настоящие, человеческие донеслись до него. Человек? Здесь? Кто такой? Откуда? Разве что кто-нибудь из соседей.

Лэн перебрался на соседнее дерево. Звуки приблизились. Что-то смутное, белое покачивалось на поверхности в такт волнам. Разглядеть в тумане было невозможно. Лэн спустился ниже.

В воде, запутавшись в водорослях и ветках, покачивалось человеческое тело. Накатывающиеся волны били его о ствол дерева, и изо рта неизвестного вырывались чуть слышимые стоны. Эти стоны, а также то, с каким упорством держалась на поверхности воды голова, говорили о том, что человек жив, хотя и находится, судя по всему, в полуобморочном состоянии.

Лэн спустился к самой поверхности. Попытки вытянуть человека наверх оказались безрезультатными. Ветки не желали расставаться с добычей. Ступать в холодную, вызывающую страх воду не хотелось, но выхода не было. Лэн осторожно сполз в черный омут, судорожно цепляясь за ствол не желавшими разжиматься пальцами. Неприятно захолодило тело. Невидимые пальцы зашарились по нему, забираясь под одежду и не встречая на своем пути препятствий. Стиснув зубы и сдерживая желание взметнуться вверх на дерево, Лэн подтянул к себе человека и стал торопливо высвобождать из цепких оков.

С телом он справился быстро, но волосы… Густые длинные волосы! Поначалу Лэн терпеливо расплетал запутавшиеся в месиве ветвей пряди, но, поняв бессмысленность такого занятия, вооружился ножом и стал безжалостно отсекать где ветки, где волосы. Это ускорило работу. Подхватив освободившееся тело, Лэн направился к берегу, таща его за собой на плаву. Мысли о чарках и таившейся в глуби опасности на время отступили.

Почувствовав под ногами твердую поверхность, Лэн понял, что все позади. Опустив безвольное тело на берег, он принялся рассматривать спасенного им человека.

Результат осмотра ошеломил. Спасенный оказался женщиной, вернее девушкой, о чем явственно говорили маленькие обнаженные груди с розоватыми сосками. Девушка была почти голая, если не считать лоскут из странной блестящей материи с широким поясом на бедрах. Где и каким образом лишилась она одежды? Коварное солнце не щадило того, кто осмеливался появиться перед ним открытым. Кожа покрывалась струпьями, начинала болеть поясница. Люди заболевали непонятной болезнью и выдерживали недолго. Старуха с косой прибирала их быстро. Страх перед солнцем передавался из поколения в поколение. Человек ни за что на свете не вышел бы под прямые лучи даже с непокрытой головой. Тем более странным было видеть эту женщину без всякой защиты.

Другой странностью оказались ее волосы. Длинные, в полметра и более. Темные, они искрились, переливались радужными блестками, и, казалось, жили своей жизнью. И они покрывали голову сплошным покровом! Таких Лэну еще не приходилось видеть ни у кого. У всех, кого он знал, даже у самых красивых женщин его Семьи волосы росли кустисто и большой длины не достигали. Обычно секлись, обламывались. При длине волос до плеч это была уже роскошь.

– Сколько тетивы можно наплести! – промелькнула мысль. То, что волосы, как впрочем и их хозяйка принадлежат теперь ему, не вызывала сомнений. Он ее нашел, добыл, можно сказать, и теперь никто не имеет права отобрать ее у него. Пусть только попробует! Не каждый мужчина в их Семье имел собственную женщину. Да еще с такими волосами! Плевать он хотел теперь на ветки, древки и прочую дребедень!

– Эй, – подтолкнул он распростертое у его ног тело, – вставай!

Женщина даже не шелохнулась. Только хриплый стон сорвался с ее губ. Повторные пинки ни к чему не привели. Пробуждаться она не желала. Похоже, с ней было не все в порядке. Как бы не померла! – мелькнула мысль. Лэн, еще не успевший ощутить привалившего ему счастья, почувствовал, что все это может ускользнуть. Что все настолько призрачно. Стоит закрыть и открыть глаза, как окажешься вновь нищим и гонимым. Он сел рядом с женщиной и принялся ее обследовать.

Тело незнакомки покрывали ссадины и царапины. Серьезных повреждений Лэн не обнаружил. Только левая нога неестественно вывернута. Скорее всего, обычный вывих. От него люди не умирают. Лэну неоднократно приходилось наблюдать, как дядя Сэд вправлял вывихи соплеменникам. Вывихи и переломы были основной напастью живущих в развалинах людей. Он ухватился покрепче за ногу и резко дернул. Нога хрустнула и встала на место. От боли женщина вскрикнула, но в сознание не пришла.

– Придется тащить на себе, – нахмурился Лэн, – пока солнце не спалило.

Донесет он ее домой живой или нет, Лэн не знал, но расставаться с добычей не хотелось. Он оглянулся на поднимающееся над горизонтом слабое, еще не набравшее силу солнце. Скинул плащ и упаковал в него незнакомку. Затем, вскинув ее на плечо, зашагал вверх по склону.

Подъем оказался трудным. Побаливало плечо, ноги глубоко зарывались в рыхлый грунт. Отвесные участки склона, которые он одолел бы налегке без особых затруднений, теперь приходилось обходить.

Когда Лэн выбрался наверх, солнце уже припекало. Не задерживаясь на отдых, он побрел туда, где в серой дымке громоздились развалины Города. Тащить на себе такую ношу было тяжело, даже несмотря на присущую Лэну силу и выносливость. В эту эпоху выживали только сильные и крепкие. Слабые недолго задерживались на этом свете. И Лэн, несмотря на усталость, двигался вперед. Шаг.… Еще шаг… Земля плывет перед глазами, качается из стороны в сторону. Глаза застилает алый туман. Пот ручьями струится по лицу.

На полпути Лэн сдался. Ноги подкосились, и он рухнул на землю. Хватая широко раскрытым ртом воздух, лежал он, не в силах шевельнуть ни рукой, ни ногой, уставившись застывшим взглядом в небо. В бездонной синеве не было ни одного облачка, которое спасло бы его, закрыло от палящих смертоносных лучей светила, раскинувшего по этой синеве свои невидимые ядовитые щупальца. Полежи он так еще немного, – и не нужно будет мучиться, нести это безжизненное тело, истекать потом, изнывать от боли в суставах. Все это будет уже ни к чему. Все будет бессмысленным. Как бессмысленна вся его жизнь, жизнь соплеменников и всех людей, обитающих в трущобах воздвигнутого невесть кем, когда и для чего Города. Города, великого некогда, а теперь доживающего свои последние годы и дни. Кто они, эти строители? Зачем строили такие громады домов, когда намного удобнее жить в подвалах? Не лазить вверх-вниз по этажам, не тратить попусту силы. Для чего напичкали они эти здания непонятными механизмами и устройствами? Возможно, когда-то давным-давно далекие Предки находили им применение, но позднее поняли их ненужность и отказались. Как отказались от домов-небоскребов, предпочитая селиться в подвалах. От странных конструкций на колесах, которые невозможно протащить по городским завалам. От ружей, одним из которых так дорожил Воклот-старший. Лэн ни разу не видел ружья в действии и даже не представлял, для чего оно и по какому принципу работает. Но чувство страха и почтения, оказываемые обладателю сего предмета, позволяли предположить в нем оружие не менее грозное, нежели арбалет или копье.

Почувствовав, что может шевелиться, Лэн подполз к женщине. Грубо содрав с нее плащ, он закутался в него, оставив для нее край. Теперь можно опять предаться размышлениям в ожидании того момента, когда исчезнет усталость, и нальются силой мышцы.

Ружье… Впрочем, что там ружье? Рэкеты, например, таскают за собой какую-то штуку на колесах, называя ее «пушкой».

Говорят, что однажды они одним выстрелом из нее уничтожили полСемьи. Пушкой Рэкеты запугивают людей, держат в страхе всех обитателей Города, заставляя откупаться пищей и женщинами. Хотя пушка тут не при чем. Дело в обитателях Города. Если бы все Семьи объединились, от Рэкетов мокрого места не осталось бы. Но Семьи разобщены. Каждый радеет только о своем, воюет друг с другом за кусок мяса, горсть зерна, клочок земли. Потому сладить с Рэкетами никогда не удастся. Будут они вечно держать в страхе Город.

Тут Лэн поймал себя на том, что мысли его совсем не соответствуют моменту.

– Надо же, – усмехнулся он, – куда может увести нить размышлений. А с чего я начал? – но вспомнить не мог. Только понял, что уже отдохнул и готов следовать дальше.

Он вылез из-под плаща и принялся упаковывать так и не пришедшую в сознание женщину, не особо заботясь об осторожном обращении. От грубых действий женщина застонала и шевельнулась. Лэн, воспринимавший ее скорее как предмет, нежели живое существо, от неожиданности отпрянул. Подскочив, он откинул ткань.

Женщина оживала. Порозовело мертвенно-бледное лицо, щеки подернулись румянцем. Дрожь жизни пробегала по всему телу, заставляя шевелиться руки и ноги. От глубокого неровного дыхания вздымалась грудь. Веки трепетали, готовые приоткрыться.

– Эй! – хриплым шепотом позвал Лэн.

Женщина вздрогнула и медленно приоткрыла глаза. Глаза…

– Ничего странного, – пытался убедить себя Лэн, чувствуя себя неуютно под взглядом незнакомки, – обычные глаза. Только…

Только не было у этих глаз обычной радужной оболочки, отчего глаза казались неестественно большими. Оболочка-то, если приглядеться, была, но такой черноты, что ее невозможно было отличить от зрачка. В Семье Лэна, да и во всем Городе не было ни одного человека с такими глазами. У всех глаза были различных оттенков – от светло-рыжих до карих и голубых. Таких же Лэн еще не встречал. Глаза втягивали в свою колдовскую глубину, покоряя какой-то нечеловеческой мудростью, пронизывали насквозь и в то же время страшили своей неестественностью. Ему и хотелось смотреть в них, и в то же время какой-то инстинкт, страх заставляли отвести взгляд. Взгляд незнакомки тем временем принял осмысленное выражение и, обежав все кругом, остановился на Лэне. Она разлепила спекшиеся губы и что-то произнесла.

– Оклемалась, – грубовато проворчал он, пытаясь избавиться от колдовского наваждения глаз. – Вставай, хватит валяться. Пойдешь сама. Нечего на чужом горбу разъезжать.

Женщина опять что-то пробормотала, но Лэн не разобрал слов и нетерпеливо подтолкнул ее.

– Вставай!

Женщина приподнялась и села, осматриваясь.

– Ты идешь? – Лэн был нетерпелив.

– Кто ты? – произнесла она первые понятные слова, хотя выговор ее был несколько неправилен.

– Лэн. Воклот. А ты?

– Риит. Где я?

– В безопасности. Чуть чаркам на ужин не угодила.

Риит бросила на него странный взгляд, но промолчала.

– Океан прорвался в Каньон. Проглотил половину Леса. Тебе еще повезло. В ветках запуталась. Иначе… – тут Лэн краем глаза заметил, как невдалеке шевельнулась трава. Он подскочил и метнулся в сторону, но тут же вернулся, схватил женщину и поволок за собой. Женщина отчаянно отбивалась. Лэн, в ярости бросив ее на землю, заорал:

– Дура! Иди сама, если жить хочешь!

– А что происходит? – недоумение не сходило с ее лица.

– Плешь подбирается, разве не видишь? Вон, – указал он, – трава колышется.

Она оглянулась и пожала плечами:

– Ничего не вижу.

– И не увидишь, – выпучился на нее Лэн. – Ты что, только родилась? Бежим, некогда разговаривать. Сжует за милую душу.

Риит, которая, судя по ее виду, так ничего и не поняла, поднялась и, прихрамывая, последовала за ним. Отбежать далеко не удалось. Лэн внезапно остановился, и она налетела сзади на него.

– Еще одна, – Лэн затравленно оглянулся, – и еще…. И вон там. Со всех сторон обкладывают.

– Где? Что? – непонимающе щурилась Риит.

Лэн бессильно опустился на землю.

– Да кругом они. Надо же, в самое Болото угодили. Нашли где отдых устраивать! Пока отлеживались, они и подобрались со всех сторон. Плешь шаги хорошо чувствует.

– Что теперь делать? – Риит присела рядом. Тревога передалась и ей.

– Не знаю. Будем прорываться, но…. Эх, – вздохнул Лэн, – хоть бы одну палку сюда. Все в Каньоне остались. Ну ладно, – поднялся он, – рассиживаться некогда. Рискнем.

Они пошли, внимательно смотря под ноги и прощупывая ступнями надежность грунта. Сначала в одну сторону, потом в другую, третью.… После недолгих блужданий Лэн остановился.

– Все, пришли.

– Как, уже? – удивилась Риит.

– Да, уже! – разъярился Лэн. – Кругом они. Свободного прохода нет. Нам осталось жить считанные минуты. Пока не подберутся вплотную.

– А потом?

– А потом уже не будет. И нас тоже.

– Странно, – Риит недоверчиво оглянулась, – земля как земля.

– Это сверху она земля. А снизу… – Лэн поперхнулся и умолк. Невозможно с ней говорить! До чего же тупая!

– Неужели нельзя пройти? – продолжала допытываться девушка. – Надо хотя бы попытаться.

– Можно, – криво усмехнулся Лэн. – Вон там, к примеру, белый налет на поверхности видишь? Там можно. Если, конечно, успеешь дойти до края. Но только вряд ли. Эта хоть и медленно съедает, но все равно без ног далеко не убежишь. Я еще мог бы попытаться, – указал он на сшитые из козлиной кожи ботинки, – хотя не уверен, что успею добежать до края. А ты… – кивнул на босые ноги Риит.

– А если отогнать этих, как ты их называешь, плешей?

– Чем? Им, что ли? – подкинул он на руке нож. – Да ее пока впереди долбишь, она сбоку подбирается. Нет, бесполезно. Жалко, что так получилось, – он окинул взглядом ее длинные волосы, худощавое, но плотное и стройное тело, окунулся еще раз в глубину ее глаз. – У меня такой еще не было.

– Какой?

– Такой, как ты. И вообще у меня еще ни одной женщины не было, – неожиданно для себя признался он. – Ты – первая.

– Ну, это еще неизвестно, захочу ли я быть ею, – усмехнулась девушка.

– При чем здесь твое желание? Ты – моя добыча. А впрочем… – Лэн махнул рукой. – Какие тут могут быть разговоры, когда эти подбираются, – он кивнул на шевелящуюся невдалеке траву.

– Это мы еще посмотрим, – Риит поднялась, скинула плащ, в который она куталась все это время, и стала искать что-то в широком поясе, облегающем талию. – Сейчас. – В руках у нее появилась короткая трубка. – Где эта плешь? Показывай.

Показывать необходимости не было. Вокруг уже в опасной близости бугрилась и шевелилась земля. В появляющихся тут и там изломах почвы просвечивались ядовито-зеленые, сиреневые,

фиолетовые инородные прожилки, поблескивающие в лучах солнца. На одну из прожилок, ближе всех подобравшуюся к ним, она направила трубку.

Ничего особенного не произошло, но плешь вдруг замерла. Глянцевая прожилка перестала искриться и помутнела. Риит подошла и, замешкавшись на мгновение, нерешительно ступила на плешь. Лэн, наблюдавший за ее действиями, бросился к ней, но Риит уже прыгала по земле и радостно кричала:

– Получилось! Получилось!

Подскочив к ней, Лэн уставился на ее ноги. Девушка танцевала на том месте, на котором не должна была простоять и секунды. Ступни ее сейчас уже должны быть съедены до костей. Но этого не произошло. Девушка бесстрашно ступала по плеши, и та ничего с ней не делала.

Пересилив страх, Лэн ступил на плешь. Ничего не произошло. Не было тысячи иголок, вонзающихся в ступни, не было шоковой волны, бьющей в голову и парализующей тело. Не было ничего. Плешь была мертва. Мертва впервые. Насколько знал Лэн, еще никому не удавалось уничтожить или хотя бы обратить вспять плешь. Разве что дядя Сэд, колдун, своими заговорами и воскуриваемыми снадобьями, секрет которых он так и не успел никому передать, мог остановить ее. Но не больше. И вот это делает какая-то девчонка, появившаяся неизвестно откуда и, похоже, впервые встречающаяся с плешью. Невероятно!

– Ты настоящая колдунья! – в благоговении Лэн опустился на колени.

– Глупости! – отрезала Риит. – Я здесь совсем не при чем. Это панер, – помахала она трубкой. – Наука и никакой мистики. И вообще, выбираться отсюда. Мне эти существа определенно не нравятся.

Риит шла впереди, водя трубкой перед собой из стороны в сторону. Под действием этой трубки земля послушно замирала перед ней, хотя по сторонам продолжала угрожающе шевелиться. По коридору, проложенному трубкой, они быстро пересекли Болото и оказались на обычной земле, твердой и надежной. Лэн вспомнил еще об одной опасности, про которую он в поединке с плешью совсем забыл. Солнце, его смертоносные лучи. Он сорвал плащ, в который закутался после того, как его обронила Риит, и предложил девушке.

– Мне не холодно, – отказалась она.

– Солнце, – указал он на небо.

– Солнце как солнце, – пожала плечами Риит.

– Но ты же умрешь! – воскликнул он. – Заболеешь и умрешь. Лучи у него смертоносные.

– Ничего подобного. Нормальные лучи.

– От них люди умирают. Те, кто долго находился под лучами без одежды, – в отчаянии завопил Лэн. – И ты умрешь!

– Не собираюсь, – отрезала Риит. – Мне умирать еще рано. А насчет солнечной радиации… – дальнейшие ее слова показались Лэну сплошной абракадаброй. – Так что озон уже восстановился, – закончила она, – и солнечное излучение человеку теперь не вредит. Понятно?

Лэн, хотя ничего не понял, но виду не показал и послушно закивал головой. Не хватало еще унизиться перед женщиной. Хотя признаться, Риит – женщина довольно странная. Длинные волосы, колдовские глаза. Не знает, что такое плешь, и тут же легко убивает ее своей трубкой. Теперь еще эти незнакомые слова и отсутствие страха перед солнцем. Но неважно, кто она и откуда пришла. Важно другое. Риит – его женщина, его добыча, и отнять ее у него ни у кого не хватит смелости. Ее странности ему даже на руку. С помощью Риит он в страхе и почтении будет держать свое племя. Может, прижмет и старого Воклота. Лэн заскрежетал зубами, вспомнив, как обошелся с ним Воклот.

– Держись, старик, – прошептал он, – пришло мое время! Бойся меня! И ты бойся, Кри!

Он догнал девушку и насильно набросил ей на плечи плащ.

– Что это за штука, которой ты перебила плеши? – мысль об этом невиданном оружии не выходила у него из головы.

– Панер?

– Да. Можно поглядеть?

– Только осторожнее, не то опять кому-то придется нести другого.

– Как он действует? – Лэн держал трубку двумя пальцами.

– Заряжается от человеческого тепла, – эти слова ничего ему не говорили, – а срабатывает от простого сжатия цилиндра.

– А чем убивает?

– Панер не убивает. Он просто парализует нервные клетки. Выводит организм из строя. Примерно на час. Потом жертва оживает.

– И ничего с ней не происходит?

– Ничего. Плывет себе, как ни в чем не бывало.

– Фу, что это за оружие! Игрушка и только. То ли дело стрела или копье. От них враг уже никогда не встанет.

– Нельзя убивать живое, – глаза Риит потемнели еще сильнее. – На Земле итак живого осталось мало.

– Ждать, когда тебя убьют? – удивился Лэн. – Нет уж, лучше так, – он направил трубку на шмыгнувшую в кустах кошку.

Кошка подпрыгнула в конвульсиях и упала.

– Ловко! – Лэн пнул неподвижное тельце. – Готова! А ведь эта тварь и на копье еще долго извивается и пытается цапнуть.

Он поднял трупик и приложил к уху. Сердце билось.

– Точно! Живая! – Лэн вынул нож.

– Остановись! – от удара нож вылетел из руки. Лицо Риит покраснело от гнева, темные глаза метали молнии.

– Ты что делаешь? – выкрикнула она. – Опомнись. Ты же человек!

– Что тут такого? – хмыкнул Лэн. – Просто проверить хотел этот твой пари… пани… Ну и назвали же! – плюнул он. – Да и перекусить не мешало бы. Я со вчерашнего дня крошки во рту не держал. Да и ты тоже.

– Зверь! Животное! – накинулась на него девушка. – Что она тебе плохого сделала? Отдай панер. Таким, как ты, его нельзя доверять.

– Забирай, – Лэн, передавая панер, невзначай направил на нее и сжал трубку. Риит обмякла и рухнула на землю.

– Так-то лучше. Стану я отдавать эту штуку, разбежался! Да с ней мне никто не страшен, – проворчал Лэн. – И натуральнее будет, если ты появишься в Городе не сама, а у меня на плече.

Освежевав кошку, он наскоро обглодал полтушки. Остальное отложил для Риит. Проголодается – съест. Затем привычно упаковал девушку в плащ, закинул бесчувственное тело на плечо и зашагал к Городу.

Подозрительную тишину Лэн заметил на подходе к своей территории. Не было привычного оживления. Не мелькали в развалинах фигуры людей. Не слышен был человеческий говор. Не блеяли овцы. Тишь и заброшенность царили кругом. Дом, вернее то, что от него осталось, был пуст. Но пустым он казался издалека. Лэн сбросил ношу и кинулся туда.

Повсюду были видны следы жестокой битвы. Камни, окропленные кровью. Сломанное оружие, покрытое засохшими ржавыми пятнами. И трупы, трупы повсюду. Мертвые тела, иссеченные мечами, пронзенные стрелами и копьями. И знакомые лица, обезображенные печатью смерти. Воклоты! Вот тихоня Сэм, предатель Рэф, вот счастливчик Лик. А вот и сам старый Воклот. Смерть настигла и его. Правая рука отрублена по самое плечо. Тело истыкано копьями. Череп разрублен пополам. Судя по залитым кровью камням, Воклот отдал свою шкуру не задешево. Но здесь не все. Где остальные? Где Шон и Кри? Где другие братья? Враги унесли тела своих убитых, но чужие они забирать не станут. Значит, живые! Значит, Лэн не единственный уцелевший из Воклотов!

От этой мысли в душе Лэна потеплело, и он забыл былые обиды.

Метко брошенный камень угодил прямо в затылок. Взревев от боли, он развернулся в поисках обидчика. Из темноты оконного проема стоявшего невдалеке здания кто-то махал рукой. Лэн подхватил еще не очнувшуюся девушку и заторопился к зданию.

Из Семьи Воклотов уцелело семеро. Двое лежали в углу и готовились уйти к Предкам. Остальные притулились у окон в ожидании нападения. Но и они были не лучше. Израненные, кое-как перебинтованные кровавыми грязными тряпками, в пыли и запекшейся с грязью крови. Они неприветливо встретили живого и целехонького Лэна.

– Что здесь произошло? – был его первый вопрос.

– Хэнсомы напали, – буркнул угрюмо Фил, стоящий поблизости. – Почти всех перебили. Баб и стадо угнали. Скоро снова придут. Пока всех не перебьют, не успокоятся.

– С чего бы это они? – удивился Лэн. – Вроде в последнее время мирно жили, не ссорились.

– Как не ссорились, – возразил Фил, – бывало и это. И набеги на них, помнится, делали. Баб утаскивали, скот угоняли.

– И из-за Леса стычки случались, – добавил Нэд, которого Лэн с трудом узнал из-за рваного шрама, пересекавшего наискось все лицо.

– Это Кри во всем виноват! – крикнул кто-то из темноты. – Вылазку решил сделать. За бабами. Вот и сделал. Один вернулся.

– Кри жив? – вздрогнул Лэн. – А Шон?

– Жив. Что им сделается! – с сарказмом произнес Фил. – Наверху оба. Совещаются.

Крыша, бывшая когда-то третьим этажом здания, теперь представляла собой усыпанную грудами обломков площадку с сохранившимися местами стенами. Тугой ветер завывал в изломах стен да вымывал меж камней редкие песчинки.

Шон и Кри, укрывшись за стеной, наблюдали за дальними подступами, изредка перебрасываясь словами. В схватке им тоже досталось, но не так сильно, как остальным. Выглядели они бодрыми и здоровыми. От осыпавшихся под ногами Лэна камней братья оглянулись.

– А-а, пожаловал, – протянул Кри. – Где ты был, когда мы проливали кровь ради спасения Семьи?

– Ты отлично знаешь, где, – отпарировал Лэн, опуская сверток с Риит. – А вот что сделал ты, чтобы договориться с Хэнсомами и мирно уладить дела? Баб пошел воровать!?

– Да кто ты такой, чтобы меня спрашивать? – накинулся на него Кри. – Или тебе мало вчерашнего? Так я не погляжу, что у

нас мало людей. Сделаю еще на одного меньше.

– Это мы еще посмотрим, – Лэн выпятил грудь. – После смерти отца я – его законный наследник. Потому я – глава Семьи.

– Ты?! – рассмеялся Кри. – Сопляк, падаль вонючая! Да что ты сделал, чтобы стать главой? Убил кого, ограбил? Баб вернул или скот? Нет, ты отсиживался в кустах, пока здесь убивали твоих братьев.

– Сейчас не время выяснять отношения. Ты должен подчиниться. Как и все вы, – оглянулся Лэн на столпившихся позади Воклотов. – Отобьемся от Хэнсомов, тогда поговорим.

– Нет, сейчас, – взревел Кри. – Поединок!

– Поединок! Поединок! – раздались крики за спиной.

– Опомнись! – воскликнул Лэн. – Ты уже показал свои способности в истреблении братьев. Не доводи дело до конца, не дай исчезнуть с лица земли Семье Воклотов. Я – единственный, кто может сохранить и возродить былую силу Семьи.

– Ты?! Ты постарайся сохранить сначала свою шкуру, потом уж думай о Семье. Копье ему! – крикнул Кри и прыгнул вперед.

Лэн едва успел отбить удар услужливо подсунутым копьем. Кри наступал, нанося удары обеими концами копья, мгновенно посылая острие в образовавшуюся в защите брешь. Лэн с успехом оборонялся, хотя и отступал под градом ударов все ближе и ближе к краю крыши. Толпа разделилась. Одни восторженно улюлюкали при каждом удачном выпаде Кри, другие криками подбадривали Лэна. Лэн начал уставать. Кто бы он ни был – глава Семьи или простой человек, – по силе Кри превосходил его. И так – большей частью защищаясь, – он все равно рано или поздно обречен на поражение. Лэн понимал это. Собрав последние силы, он отбил удар и послал свое копье вперед. Но оно встретило пустоту. Кри успел отскочить в сторону. Зато Лэн тут же получил страшный удар в плечо, то самое, которому уже не раз перепадало за эти дни.

Острая боль пронзила руку. Копье выпало. Лэн попятился к самому краю. Еще мгновение – и он сорвался бы вниз. Толпа взревела.

– Бей! Остановись! Хватит! Давай!

Сквозь возгласы пробился звонкий голос:

– Панер!

Панер, про который он забыл в пылу схватки, – вот единственное, что могло его спасти. Не раздумывая, Лэн выхватил трубку из-за пояса и полоснул наугад. Кри будто переломило. С воплем он упал на Лэна, но, не удержавшись, перевалился через него и исчез за изломом стены. Возбужденные схваткой зрители ринулись к краю, моментально забыв про Лэна,

забыв, что только что сочувствовали или желали ему смерти. Захваченные другим зрелищем – поражением Кри, они сгрудились на краю, алчно вытягивая шеи. Лэн, еще не до конца поверивший в свое спасение, присоединился к ним.

Кри барахтался внизу, пытаясь подняться на непослушные ноги. Луч панера прошелся по ним, не задев остальных частей тела. Кри, отделавшись при падении ушибами, пылал жаждой мести и желанием продолжить схватку. Но было поздно. Зашевелилась земля, взбухла, маслянисто заблестела в ее трещинах черная масса и двинулась к нему.

– Черная плешь!

Крики братьев всполошили Кри. Он оглянулся, увидел надвигающуюся смерть и лихорадочно заметался между обломков, волоча за собой ноги. Обезумевшие глаза взывали о помощи. Из искривленного в гримасе ужаса рта вырывался хриплый вой. Но спасения не было. Отвесная стена не позволяла ни ему зацепиться за какой-нибудь выступ, ни братьям протянуть ему спасительный шест. Оставалось только следить, как подбирается к Кри черная плешь, как медленно тонет он в ней.

Подскочившая Риит вырвала трубку из рук Лэна и направила ее вниз. Но было уже поздно. Над застывшей лавой выступало тело Кри, уже по пояс ушедшее в нее. Глаза, вышедшие из орбит, были пусты и безжизненны. Из оскаленного в предсмертной судороге рта вытекала и падала в пыль кровавая пена.

– Звери! – процедила сквозь зубы Риит.

– А это кто? – заоборачивались на нее Воклоты. – Как здесь оказалась?

– Это моя женщина, – поднялся Лэн. – Запомните это. Я нашел ее в Каньоне и принес сюда. В ее руках – наше спасение. Эта трубка убивает лучше, чем наши копья и стрелы.

Воклоты обступили женщину, разглядывая маленький невзрачный цилиндрик в ее руках.

– Имея такое оружие, мы уничтожим всех Хэнсомов, – продолжал Лэн, предпочитая умолчать об истинном действии панера, – и не только Хэнсомов. Мы покорим весь Город, станем его полновластными хозяевами. Рэкеты будут нам пятки лизать.

– Врешь! – крикнул кто-то. – Такой маленькой железякой не то, что человека, даже крысу не убьешь. У нее даже лезвия нет.

В том-то и вся штука, что лезвие невидимое, – нашелся Лэн. – Это меч, заговоренный Предками. Только избранным дозволено узреть лезвие этого меча. И я его вижу! – воскликнул он, подняв словно в трансе руки. – Оно тонкое и длинное. Вот оно, – протянул он руку, указывая на несуществующее лезвие, – блестит как луна. Отойдите в сторону, не то зацепит кого-нибудь.

Стоящие поблизости подались назад, завороженные речами Лэна. Один Шон остался на месте, недоверчиво выискивая невидимое лезвие.

– Или ты паришь нам мозги, парень, или… – он выхватил свой меч и взмахом рассек воздух у самой руки Риит. – Брешешь! Нет у твоего меча лезвия. Как и сейчас не будет твоей головы, – и он замахнулся вторично.

– Остановитесь! – встала между ними Риит, подняв руку. – Опомнитесь. Что вы делаете? Хватит крови. Ведь вы же люди!

Шон вдруг попятился назад.

– Смотрите! – выкрикнул он. – Что это?

Между пальцами Риит виднелись перепонки. Тонкие, нежные, они доходили до первых фаланг пальцев, просвечиваясь насквозь под лучами солнца, вызывая чувство чего-то мистического, ужасного.

Внутри Лэна похолодело.

– Это не человек! – зубы у Шона стучали. – Кто это?

– Н-не знаю, – язык плохо слушался Лэна. – Наверно, человек. Она во всем похожа на нас.

– А это, – указал Шон на руку, которую девушка благоразумно спрятала за спину.

– Бывает, – пожал Лэн плечами. – У нас тоже не обходится без уродов. Помните двухголового Чина? Его еще забили камнями вместе с матерью. Или хвостатого Тру?

– То было совсем другое дело. Их родили наши женщины. Все видели. А эту ты привел неизвестно откуда.

– Из воды он ее привел, – раздались возгласы, – из Океана.

– Из Океана? – Шон попятился. – Ты – чарка?

Риит кивнула головой. Этого оказалось достаточно. Крыша мигом опустела. Только топот, крики и шум падения донеслись с нижних этажей.

Спустя мгновение из окон и дверей здания вывалилась толпа и бросилась врассыпную. Лэн остался один.

– А ты чего не бежишь? – в голосе Риит сквозила усталость.

– Не знаю. Не подходи! – Лэн отскочил от шагнувшей к нему девушки.

– Боишься, – усмехнулась Риит. – Как и твои братья. Неужели я такая страшная?

– Ты, – язык заплетался. – Ты красивая. И совсем не страшная. Но я тебя боюсь.

– Глупый! До этого нисколько не боялся, а тут испугался. Чего?

– Ты – чарка.

– Ну и что? – пожала Риит плечами. – Чарки – тоже люди.

Такие же, как и вы, живущие на суше.

– Чарки утаскивают людей в Океан и там пожирают их. Чарки должны быть красивыми, чтобы заманивать мужчин. Ты красивая. Ты – чарка. Ты пришла, чтобы заманить меня в Океан. И ты преуспела в этом. Я уже не хочу терять тебя и готов следовать за тобой. Хотя меня там ожидает смерть, – Лэн вдохнул. – Видно, это судьба. Я покоряюсь ей, – он вскинул голову. – Веди меня!

– Нужен ты мне, – отозвалась Риит. – Иди, куда хочешь.

– Но как же Океан? – опешил Лэн.

– Причем здесь Океан? – раздраженно отозвалась Риит. – Это у тебя с головой не все в порядке. Несешь невесть что.

– Ты не заманишь меня в Океан? – не верил Лэн. – И не съешь?

– Это вы здесь готовы перегрызть друг другу глотки, а мы человечину не едим, – все больше раздражалась она. – Мы вообще не употребляем мясного. Каждое существо имеет право на жизнь.

– А как же Заповеди? Нам внушали из поколения в поколение, что чарки – исчадия Океана, пожиратели людей.

– Я похожа на такое исчадие?

Лэн отрицательно покачал головой.

– Врут ваши Заповеди. Непонятно только, для чего?

– Нет, – Лэн не мог сломить привитое поколениями уважение к законам. – Заповеди не могут быть неверными. Только благодаря им мы выжили и живем до сих пор.

– Вы? Живете? – зло рассмеялась Риит. – Разве вы живете? Это скотское существование ты называешь жизнью? В вас от человеческого-то остался только внешний облик. Ненавидите и убиваете друг друга. Звери вы, а не люди. И общество ваше больше похоже на звериное.

– Так все живут, – возразил Лэн. – И в этом нет ничего странного.

– Откуда ты знаешь? Ты удалялся когда-нибудь от своего жилища хотя бы на десяток-другой миль? Ты видел, как живут в других местах?

– Хм, – усмехнулся Лэн. – Зачем идти куда-то? И так ясно, что люди живут только в Городе и нигде больше. Об этом и в Заповедях сказано.

– А вот и неправда! – возразила Риит. – Есть еще обитаемые места. Я даже бывала в некоторых. Конечно, повсюду несладко. Но там хоть как-то пытаются сохранить и вернуть уровень жизни, существовавший когда-то. Вы же скатываетесь все ниже и ниже. Деградируете. Превращаетесь в первобытного человека.

– Я не совсем понял твоих слов, но… – Лэн задумался. – Выходит, есть еще Города?

– Да, есть. И не один.

– Невероятно. Такие же люди и даже лучше нас?

– Да! – выкрикнула Риит. – Да – да – да!

– А как же Заповеди? – прошептал он. – Неужели все, что в них говорится, неправда?

– Я не знаю ваших Заповедей, и не могу сказать, что в них правда, а что – ложь.

– И не узнаешь, – до Лэна вдруг дошло, что это уже не имеет значения. Племени нет. Остатки Семьи разбежались в страхе и вряд ли когда-нибудь соберутся вместе. Но даже если и соберутся, места ему среди своих не найдется. Никто не примет человека, связавшегося с чарками. Отныне всюду встречать его будут стрела либо нож. Пес он паршивый, одинокий пес!

– Останься здесь, – буркнул он, – и посматривай по сторонам.

В паническом бегстве братья забыли все свои пожитки. Порывшись в них, Лэн отобрал съестные припасы, оружие и кое-что из одежды. Все снес наверх. Уже в темноте они перекусили и улеглись спать. Риит наотрез отказалась сойти вниз. Стены и потолок давили на дитя Океана. Лэн, провозившись полночи, так и не сумел заснуть. Прошедший день был полон событиями. Внушенное с детства недоверие к чаркам будоражило чувства. Отсутствие стен и потолка вызывало незащищенность. Помаявшись, он спустился этажом ниже, забрел в какую-то комнату и там, упав на голый пол, наконец, уснул.

Разбудил его крик. Кричала Риит. Взлетев на крышу, он зло выругался.

Между грудами завалов двигалась колонна. Одетые в лохмотья люди, вооруженные кто чем мог, – копьями, арбалетами, мечами, палицами, некоторые даже ружьями с прикрепленными к ним длинными пиками, – они весело орали, словно отправились на гулянку. Шедшие впереди сосредоточенно всматривались под ноги и изредка тыкали землю копьями в поисках затаившейся плеши. Все было бы не так страшно, если бы не катилось сзади облепленное со всех сторон людьми скрежещущее и лязгающее чудище. Это была пушка.

– Кто это? – Риит не отрывала от процессии глаз, в которых наряду со страхом сквозило любопытство.

– Рэкеты, – угрюмо отозвался Лэн. – Теперь нам крышка.

– Почему?

– Потому, – рявкнул Лэн, взбешенный ее расспросами, – что эта банда сначала стреляет, а потом спрашивает. Они весь Город в страхе держат.

– Зачем? – опять не удержалась девушка.

– Затем, чтобы им дань платили. Пищу, женщин, скот… А тех, кто отказывается платить, убивают.

Они замолчали, наблюдая за приближающейся ватагой.

– Это пушка, – прервал молчание Лэн. – Видишь, ствол у нее торчит впереди. Так вот, она стреляет, да так, что от дома остается груда мусора. От человека вообще ничего не остается.

– Я все не могу никак понять. – Риит задумалась. – Какая необходимость в уничтожении себе подобных? И как вы терпите это?

– Так и терпим. Подчиняемся. Откупаемся. Жить-то хочется. Против пушки не попрешь.

– Против этой старой железяки? Я встречала и посерьезнее. Впрочем, для вас это вполне возможно.

Процессия тем временем достигла здания, в котором укрывались Лэн с Риит. Раздался повелительный окрик. Колонна распалась. Люди оцепили здание вкруговую. Около пушки осталось несколько человек.

– Эй, Лэн, – крикнул один из них, – выходи!

– Это ты, Шон? – Лэн выступил на открытое пространство. – Как это тебя угораздило связаться с Рэкетами? Не ожидал от тебя такого.

– Не твое собачье дело! – огрызнулся Шон. – Ты лучше выходи, пока жив. И чарку свою выводи, слышишь!

– Зачем она тебе? Помнится, вчера ты так резво от нее улепетывал, а сегодня вдруг заинтересовался. С чего бы?

– Она нужна Рэкетам.

– Ну и что? Она моя, и отдавать ее кому-либо я не намерен.

– Ты пожалеешь об этом. Если не отдашь, от вашего здания камня на камне не останется. А от тебя даже мокрого места.

– Это мы еще посмотрим! – Лэн храбрился, хотя поджилки у него тряслись.

– Может, выйдем, – предложила Риит.

– Умнее ничего не могла придумать! Насчет меня не знаю, но тебя они точно прикончат. С чарками у нас разговор короткий.

Группа у пушки между тем посовещалась, и на сцену выступил другой человек.

– Эй ты! – Крикнул он. – Я – Рэкет старший. Спускайся вниз, поговорим.

– Нашел дурака, – отозвался Лэн. – Я спущусь, а вы меня шлепнете.

– Обещаю, что тебя пальцем не тронут. Поговорим, а потом можешь вернуться.

– А если не выйду.

– Тогда с тобой поговорит пушка, – он отдал приказ. Люди вокруг пушки засуетились. Махина, заскрипев ржавыми сочленениями, развернулась и уставилась дулом прямо на Лэна. Тот мгновенно покрылся холодным потом.

– Можно подумать? – крикнул он.

– Думай, только недолго, – разрешил Рэкет. – Ребятам пошалить не терпится.

– Что делать? – Лэн растерянно озирался. – Выйти – смерть, остаться – тоже. Я не вижу выхода! – яростно ударил он кулаком по стене.

– Выход всегда можно найти, – девушка опустила руку ему на плечо, – пока жив. Не отчаивайся, придумаем что-нибудь.

– Что? – тоскливо отозвался он. – Обложили как…

– Выйди к ним, поговори.

– Они только этого и ждут. Думаешь, я верю их словам? Да они мне рта не дадут открыть. Мигом прикончат. Чтоб не мешал. Потом с тобой легче будет справиться. Ты же женщина, не человек.

– С этой штукой, – махнула Риит панером, – не так-то легко им будет меня взять.

– Их слишком много, – покачал Лэн головой. – Всех уложить не успеешь. Кто-нибудь да опередит.

– Тогда надо незаметно улизнуть.

– Незаметно, – усмехнулся Лэн. – Как это?

– Крыльев у нас нет, – посмотрела Риит вверх, – планера тоже.

– Чего? – не понял Лэн.

– Это я так, о своем подумала. К тому же на них далеко не оторвешься, – нагонят. А что, если по метро? – обернулась она. – В этом здании есть подвал?

– Спрашиваешь! Да под Городом целый лабиринт. Катакомбы. Только туда не сунешься, – вздохнул Лэн. – Там крысы. Сотни, тысячи крыс. Это пострашнее даже Рэкетов. Еще ни один из тех, кто уходил в Катакомбы, не вернулся.

– У нас нет другого выхода.

– Уж лучше погибнуть от пушки, чем быть заживо съеденным крысами.

– Давай Все-таки попробуем, – попросила Риит. – Хоть какой-то шанс выбраться из этой переделки все же есть.

– Как хочешь. Мне умирать не страшно. Чуть что – нож под ребра и плевать, что со мной дальше будет.

– А я люблю жизнь, – отозвалась Риит, – и умирать не собираюсь. Жизнь прекрасна. Дюны, коралловые заросли, затонувшие корабли… – она мечтательно уставилась вдаль, но тут же тряхнула головой. – Нет, пожить еще стоит.

– Вот и договорились, – поднялся Лэн. – Эй, Рэкет! – крикнул он, – Мы выходим, Скажи своим ребятам, чтобы не суетились. Не то у нас есть одна штука, от которой они мигом успокоятся.

– Знаю, – отозвался тот. – Она-то мне и нужна. Если надумаете ее отдать, то, может быть, и в живых останетесь. Спускайтесь.

– Слушай, – встрепенулась Риит, – может, отдать им панер? Не хочется, конечно, чтобы он попал в такие руки, но деваться некуда.

– Ри, ты запомни одно, – остановился Лэн, – ты – чарка. Уже из-за одного этого тебе не будет места среди нас. Меня еще могут пощадить, но тебя… – он отвернулся и принялся упаковывать припасы.

– Я не Ри! – донеслось до него обиженно.

По лестнице спускались настороженно, опасаясь, несмотря на заверения Рэкета, нападения из-за каждого угла. Лэн не переставал решать задачу – к Рэкетам или в Катакомбы. Что тут, что там – верная смерть. Из двух смертей хотелось выбрать лучшую.

Ступив на первый этаж, он увидел через дверной проем пушку, людей рядом с ней, встретился с холодным безжалостным взглядом Рэкета старшего. Этот взгляд решил все. Таща за собой Риит, Лэн метнулся под лестницу. Темнота скрыла их от противника.

Поздно поняв их уловку, Рэкеты завыли и бросились вдогонку.

Спотыкаясь и падая, раздирая в кровь колени, Лэн мчался за опередившей его и ловко прыгающей во тьме Риит, удивляясь тому, как она обходится без падений и ушибов. Погоня быстро отстала, опасаясь нарваться на крыс. Необходимость торопиться отпала, но Лэн боялся отстать и потерять девушку. Вернее, потеряться самому.

– Остановись! – крикнул он, не выдержав сумасшедшего бега. – Я больше не могу.

Послышались шаги, и его руки коснулась рука девушки.

– Устал? – спросила она.

– Нет, но я не могу бежать в темноте. Так и голову расшибить недолго.

– Ты ничего не видишь? – удивилась Риит.

– А ты что ли видишь? – разозлился он.

– Конечно. А разве… – протянула она… – Впрочем, припоминаю. У вас с этим тоже не все в порядке.

– Что не в порядке? – озверел Лэн.

– У вас спектр воспринимаемых частот более узок.

– Ты нормальным языком объяснить можешь? Спектр, частот какой-то…

– Ну, – задумалась Риит, – в общем, ты видишь только дневной свет. А я могу видеть в темноте и еще кое в чем. Воспринимаю, проще говоря, ультрафиолетовый и инфракрасный диапазоны.

– Ну и объяснила! – хмыкнул Лэн. – Проще говоря!

– Давай не будем ссориться, – в голосе ее прозвучала мольба. – Не время сейчас для ссор.

– Ладно, – Лэн и сам чувствовал неуместность своей злобы. – Я понял одно, – ты видишь здесь так же, как и наверху.

– Не совсем.

– Неважно. Главное, что ты хоть что-то видишь, – Лэн ощутил в себе ущербность и зарождающуюся зависть, – в отличие от меня.

– Не думай обо мне плохо, – рука Риит сжала его руку.

– Я не думаю, – покривил он душой. – Веди меня, раз видишь.

Дальнейшее слилось для Лэна в монотонный бесконечный путь. Ухватившись за девушку, он шел, не видя ничего и механически переставляя ноги. Пол был неровный, с какими-то поперечными брусьями, о которые Лэн на каждом шагу спотыкался.

– Это рельсы и шпалы, – объяснила Риит, – железная дорога, в общем. По ней когда-то поезда ходили.

Из сказанного Лэн не понял ни слова, но вдаваться в расспросы не стал. Не до этого было. Создаваемые ими шорохи и шумы гулко раскатывались по пустынным коридорам. Местами под ногами хлюпала вода, и на Лэна опять накатывали страхи насчет чарок и их кровожадности. Но он сдерживал свои мысли, чтобы ненароком не обидеть Риит. Временами ему начинало казаться, что он ослеп, что никогда уже не увидит ни солнца, ни света, ни неба. И тогда страх с новой силой подкатывался к горлу, душил, давил. Душа неистово стремилась к свету, и ему с трудом удавалось подавить в себе нарастающее безумие.

Шли долго. Ощущения постепенно притупились. Лэн уже начал подремывать на ходу, как Риит резко остановилась.

– Что случилось? – встревожился Лэн.

– Тихо! – шепнула она. – Крысы!

Лэн мгновенно покрылся холодным потом. Крысы! Мерзкие бестии, они изрядно досаждали по ночам дома. Он ожидал здесь

встречи с ними, готовился, представлял, как будет отбиваться от них, убивать десятками, сотнями. А они будут наступать и наступать…. Но действительность оказалась ужаснее. Лэн абсолютно не видел ничего. В руках у него не было ни дубинки, ни копья, ни любого оружия. Впрочем, оружие было совершенно бесполезным в такой темноте. Он оказался беззащитен и беспомощен перед наступающей опасностью. Оставалось положиться во всем на девушку, не бросившую его и не убежавшую во тьму.

А эхо коридоров разносило, отражаясь от стен, то приближая, то удаляя, многоголосый писк и царапающий звук тысяч когтей.

– Так, – с ледяным спокойствием произнесла Риит. – Заметили. – Она завозилась, торопливо отыскивая что-то за поясом. – Или учуяли. Волной катят. А вот мы их сейчас! – она поманипулировала чем-то и дернула Лэна за руку. – Бежим!

И они опять помчались в темноте. Опять падения, ушибы. Лэн стоически выдерживал это. Судя по голосу девушки, то и дело останавливающейся и отмахивающейся панером, она была тоже изрядно напугана.

– О, море, сколько их! – тяжело дыша, кричала она. – И ведь не останавливаются. Сбиваю первые ряды. Они задерживаются, чтобы сожрать тех, затем снова гонятся. Я боюсь!

– Поздно бояться! – орал он. – Бей! Бей, сколько можешь! Иначе сожрут нас. Бей! – и они мчались дальше.

Крысы приближались с каждой минутой. Все громче и громче недовольный визг, все ближе многоногий топот и стук когтей о бетонный пол. Риит уже не бежала, а пятилась, поливая накатывающуюся массу невидимыми лучами. Но ничто не могло остановить эту живую смерть.

Внезапно, когда уже казалось, что гибель неизбежна, коридор кончился. Они оказались в пустом обширном зале. В него выходило еще несколько туннелей. Риит остановилась в нерешительности. Куда бежать? Но необходимость в этом отпала. Оглянувшись назад, она вскрикнула. Радостно и вместе с тем удивленно.

– Что? – заорал слепой Лэн.

– Крысы… – выдохнула она. – Крысы остановились.

Действительно случилось невероятное. В том отверстии, из которого они выскочили, шевелился живой клубок. Крысы лезли друг на друга, недовольно пищали, кусали друг дружку, но ни одна не осмелилась ступить в зал.

– Ничего не понимаю, – прошептала Риит. – Они словно уперлись в прозрачную стену.

Крысы бесновались, недовольные упущенной добычей,

затевали яростные драки, но не переступали невидимую черту. Клацали зубы, кровожадно горели глаза. Лэн всего этого не видел, но по сотрясавшемуся сильной дрожью телу Риит, прижавшемуся к нему, чувствовал, что наступает критический момент. Еще миг – и злобная волна хлынет в зал и затопит людей.

И тут с потолка вдруг отвалился кусок плиты и рухнул прямо на шевелящуюся массу, погребая под собой десятки зверьков. Крысы отхлынули назад. Из глуби коридора донесся испуганный визг и топот удаляющихся ног.

– Кажется, ушли, – облегченно вздохнула Риит.

Но предел их испытаний на этом не закончился. Дикий звериный вопль потряс мрачные своды подземелья. От неожиданности Риит выронила панер и попятилась.

– Кто это? – заорал Лэн, тормоша девушку. – Говори! Я же не вижу.

– Тварь какая-то, – зубы у нее стучали. – Вынырнула из соседнего отверстия. Вроде бы человек, но… – она судорожно вздохнула. – Больше на паука смахивает. Или мертвеца. Руки, ноги как палки. Кожа бледная, складками висит. А глаза-то, глаза! Ужас! Большущие, в пол-лица. И светятся.

Жуткое существо метнулось к плите, своротило ее и довольно заурчало.

– Собирает убитых крыс в мешок, – продолжала Риит. – На нас внимания не обращает. Надо уходить, пока оно до нас не добралось.

Но стоило им пошевелиться, как существо оторвалось от своего занятия и угрожающе зарычало. Лэн, отвыкший от света, неожиданно увидел глаза. Два мертвенно-бледных фосфоресцирующих диска, в которых светилась злоба и ярость, двинулись к нему.

– А-а! – завопил он, пятясь. Ноги зацепились за рельс, и он опрокинулся на спину, продолжая вопить.

Рычание зверя прервалось, послышался вой, звук падения, хрип, хруст костей, и все смолкло.

Выпутавшись из сетей страха, Лэн сел и стал до боли в глазах вглядываться в темноту. Ничего не было видно, даже дьявольские глаза исчезли. Только прерывистое дыхание доносилось до него.

– Есть здесь кто? – несмело задал он вопрос темноте. – Риит!?

– Я здесь, – он ощутил прикосновение руки. – Все в порядке.

– А я уж подумал… – Лэн судорожно всхлипнул. – Что произошло?

– Эта тварь схватила плиту и бросилась на нас. Хорошо, что я успела схватить панер. Ее этой плитой и придавило.

– Идем отсюда, – Лэна трясло, – быстрее. Вдруг она здесь не одна.

Словно в ответ на его слова до них донеслись далекие вопли. Собратья убитой твари спешили на выручку.

– Я не знаю, куда идти, – чуть не плача, крикнула девушка. – Здесь много ходов. Крики доносятся отовсюду.

– От этих чудищ нам не уйти. Единственное спасение – наверх, наружу. – Торопил Лэн. – Ищи! В твоих руках наши жизни.

– Здесь какая-то лестница, – неуверенно произнесла Риит.

– Так вперед! Нечего медлить.

Риит схватила его за руку и подтащила к лестнице.

– Лезь.

– Сначала ты.

– Лезь, некогда спорить. Я буду прикрывать.

Лэн повиновался, понимая, что толку от него никакого. Нашаривая вслепую ржавые, покрытые слизью и плесенью перекладины, он неуклюже полез вверх. Сгнившие, проржавевшие за века ступени грозили обломиться. Шанс оказаться внизу, в лапах жутких чудищ был велик, но это был единственный путь к спасению.

Риит поднималась следом. Затем все звуки заглушил вой, раздавшийся почти рядом. Лестница затряслась. Лэн закарабкался с удвоенной энергией, забыв обо всем на свете. Только одна мысль билась в голове – быстрее, быстрее, вверх, к свету, к солнцу, к жизни.

Внезапно вой оборвался. Послышался звук падения, затем темнота взорвалась яростным рычанием. Рванувшись в испуге вперед, Лэн ударился головой обо что-то твердое. В голове поплыло. Из последних ускользающих сил он ухватился за ступеньку, чтобы не сорваться вниз. К Риит. Или тому, что от нее осталось. Ведь, судя по всему, эти звери ее догнали…

Еще не совсем придя в себя, он что есть мочи стал колотить, бить, давить в то, что закрывало путь наверх.

Крышка сдвинулась, и в глаза ударил ослепительный свет…

Лэн пришел в себя оттого, что кто-то тормошил его. Он разлепил тяжелые веки.

– Риит!? Ты? Жива?

– Как видишь, – улыбнулась она. – Если бы ты не открыл крышку люка, нам обоим был бы конец. Эти бестии не останавливаются даже перед панером. Валом валили вслед за нами. Но ты успел вовремя. Они не выносят дневного света.

– Кто это такие?

– Как ни странно, но это тоже люди. Вернее, были когда-то людьми. Сказались мутации и среда обитания. В общем, люди и в то же время не люди. Создания Тьмы. Но не нам их судить. Главное – мы спасены.

– Да. Вот только где мы оказались? – Лэн приподнялся, морщась от пульсирующий в голове боли.

Вокруг в знакомом беспорядке громоздились развалины. Те же груды битого кирпича, полуразрушенные здания, то же запустение и разруха. Только изменилось расположение зданий.

– Даже затрудняюсь сказать, где мы, – промолвил он. – Во всяком случае, в Городе.

– Ты что, здесь не бывал? – удивилась Риит. – Столько живешь – и ни разу не заглядывал?

– Попробуй, загляни. Мигом стрелу в бок получишь. Это не мой район. Мы только по своему ходим. Бывало, конечно, и в чужие забирались, – поправился он, – но это при набегах. А в таких случаях красотой любоваться некогда.

– Так всю жизнь и живете на маленьком пятачке?

– Почему на маленьком? У нас еще луга есть для выпаса скота. И Лес. Вернее, был. Сейчас там Океан. Твой Океан.

– Причем здесь Океан? И почему мой? Он общий, земной. Для всех людей.

– Не скажи. Город – это мой Город, потому что я в нем живу. А ты живешь в Океане. Потому он твой.

– Допустим, я живу не только в Океане. У нас есть острова. Но в любом случае Океан принадлежит всей Земле, всем людям, населяющим ее и всем тварям, живущим в нем.

– Но вы же взяли и послали Океан на наш Лес. Загубили его, хотя мы вам ничего плохого не сделали. Значит, Океан ваш, раз на вашей стороне.

– Чушь какая-то! – вспылила Риит. – Никого мы не посылали. А то, что Океан проник в котловину, так это из-за землетрясения. Сейчас повсюду землетрясения из-за того, что наши предки неправильно пользовались природой и недрами. Земные пласты над выработками опускаются, отсюда все и идет. Вот и у вас участок суши, где растет Лес, опустился. Туда, естественно, хлынули воды.

– Давай лучше прекратим спор, – поднял Лэн руки. – Я все равно ничего из твоих слов не понял. Да и не время сейчас этим заниматься. Едва живые из Катакомб выбрались.

– Тише! – шепнула вдруг Риит и припала к земле.

В наступившей тишине до них донесся многоголосый гомон и скрежет металла. Лэн змеей скользнул меж плит и осторожно выглянул.

Невдалеке пролегала очищенная от камней и осыпей дорога. По ней двигалась уже знакомая им орда. Впереди все также шли, тыкая копьями в землю, разведчики. За ними беспорядочно двигались остальные, толкая пушку. Хмурый Рэкет старший, сидевший на ней, недовольно покрикивал на копошившихся внизу людей. Шона среди них не было.

Лэн также неслышно вернулся назад.

– Возвращаются. Надо уходить, пока на нас не наткнулись.

– Погоди, – остановила Риит. – Уйти мы всегда успеем. Рэкеты сильно вам досаждают?

– Еще как!

– В чем их сила? Ведь не по собственному желанию вы им подчиняетесь, а по причине своей слабости.

– Попробуй не подчиниться. Вильеры однажды попробовали. Так их Дом разнесли по камешкам и самих много перебили.

– По камешкам?

– Ну да. Из пушки.

– Так у них вся сила в пушке? Ее вы боитесь?

– Пожалуй, что так, – согласился Лэн.

– А если Рэкеты лишатся пушки, что тогда?

– Тогда плевать все хотели на Рэкетов. Кто они без нее? Обычная Семья. С ней другие Семьи легко справятся.

– Тогда нужно уничтожить пушку.

– При такой-то ораве? – усмехнулся Лэн.

– Я же не прямо сейчас предлагаю. Вечером, как стемнеет. Или ночью.

– Это будет нелегко сделать. Во-первых, пушка охраняется, во-вторых, как утащить такую махину?

– Тащить ее никуда не надо. Достаточно вывести из строя. Как – я знаю. А насчет охраны – вот это нам поможет, – указала она на панер. – Это одно. А другое то, что тогда мы сможем спокойно уйти отсюда, не ожидая выстрела в спину.

Скрываясь за выступами стен и обломками, они следовали тайком за Рэкетами до самой базы. Лишь однажды испугались, что обнаружены, когда Рэкеты бросились врассыпную по кручам. Но это была всего лишь плешь. Доев неосторожного разведчика, она покружилась вокруг пушки, погрызла лохмотья свисавшей с ободов колес резины и отправилась восвояси. Рэкеты двинулись дальше.

Домом Рэкетов оказалось длинное здание с провалившейся крышей и полуразрушенными, как и повсюду, верхними этажами. Пушку подогнали под стену и там оставили. Ни охраны, ни сторожей. Рэкеты так уверовали в свою силу и страх, нагнанный на окружающих, что посчитали охрану пушки ненужной.

Когда стемнело, Лэн с Риит пробрались к пушке. Риит скрылась за ней. Лэн остался на страже, напряженно прислушиваясь к гомону, доносившемуся из Дома.

– Порядок! – сообщила, появившись, Риит. – Больше не выстрелит.

– Что это? – Лэн вертел в руках какую-то железку.

– Это такая штука, без которой пушка стрелять уже не сможет.

– Откуда ты знаешь?

– Так, – таинственно улыбнулась Риит. – Знаю и все.

Рассвет застал их на окраине Города. Не оглядываясь, уходили они все дальше и дальше. Оставаться в Городе было опасно. Рэкеты спохватятся и бросятся вдогонку. Или кто другой всадит стрелу меж ребер. О том, что в Городе появилась чарка, знают уже, наверно, все. Такие слухи расходятся по нему моментально. Потому любое промедление приближало опасность.

Погоню они обнаружили на подходе к Болоту. Услышав далекие, еле различимые крики, Лэн обернулся. С развалин Города скатывались маленькие фигурки и устремлялись за ними. Страх вернул утраченные силы и подтолкнул вперед, к спасительному Каньону. Риит бежала впереди, размахивая перед собой панером. Лэн, наступая ей на пятки, поторапливал, нервно оглядываясь на каждом шагу.

Но усталость от бессонной ночи и подземных приключений брала свое. Ноги тяжелели с каждым шагом и отказывались слушаться, цепляясь за каждый бугорок и неровность почвы. Преследователи между тем приблизились уже настолько, что стали различимы искривленные в ярости лица. Пощады от них ждать не приходилось.

Спасло Болото. Коварная предательская пустошь, сгубившая не один десяток людей, на этот раз выручила их. Достигнув Болота, преследователи посовещались и, не рискнув следовать по проложенному панером пути, пошли в обход, прощупывая почву копьями. Когда беглецы, миновав опасную местность, достигли Каньона, Рэкеты еще огибали Болото.

Спустившись в Каньон, Лэн остановился.

– Дальше я не пойду, – затравленно крикнул он.

Риит, уже ступившая в воду, обернулась.

– Не сходи с ума, Лэн! Они убьют тебя.

– Меня им не за что убивать. Уходи одна, спасайся.

Лэн кривил душой. Рэкеты убивали без разговоров и за более мелкую провинность. Но девушку надо спасти. Это человеческое создание было чуждо его жестокому кровожадному миру. Ее

жертва не изменит его. Не место ей среди подобных ему. Пусть уходит в свой мир. А ему, Лэну, не привыкать. Умрет ли он сегодня или еще помучается несколько дней или лет в своей бессмысленной скотской жизни, – все равно.

Риит решительно вернулась.

– Тогда и я останусь, – став рядом с ним, она направила панер на вершину склона.

– Уходи, – скрипнул зубами Лэн, – Они убьют обоих.

– Только вдвоем, – в ее словах сквознуло такое упорство, что Лэн понял, – она не уйдет. Умрет с ним рядом. И убеждать ее бесполезно.

– Но я не хочу в Океан! – простонал он. – Если честно, я боюсь Океана. Боюсь вас, чарок.

– Тогда умрем здесь.

– Ушли!

Толпа, появившаяся на гребне Каньона, недовольно взвыла. Склон был пуст. Зато посреди залива мелькали в волнах две головы. Лэн переборол свой страх перед водой и теперь плыл, судорожно вцепившись в поддерживающую его девушку. Ноги не ощущали под собой опоры. Ему казалось, что под ним разверзлась бездна и засасывает его в себя. Скрюченные в судороге пальцы скользили по гладкой упругой коже девушки, срывались. Он уходил с головой в соленую до горечи воду. В безумии барахтался в этой чужеродной, непригодной для жизни среде, отбиваясь от приходящих в кошмарных видениях жутких морских чудовищ. Особенно доставало какое-то существо, кругами ходившее вокруг его. Внешне похожее на жука, только размером с кулак, оно резво работало двумя рядами суставчатых лап или плавников. Намерения этой твари явно не походили на дружеские. Выныривая, чтобы хлебнуть немного воздуха, Лэн опять погружался в воду, торопливо отыскивал глазами движущийся силуэт и махал руками в попытке отогнать. Воздуха хватало ненадолго. А жук был в родной стихии. Поэтому для Лэна не оказалось неожиданностью, когда он почувствовал, что в рукаве кто-то шевелится. Судорожно задергавшись, он попытался выгнать его, раздавить или сделать еще что-нибудь, лишь бы избавиться от этой напасти. Но в результате до полуобморочного состояния наглотался воды. Чьи-то сильные руки вытолкнули его на поверхность. Опять появилось небо и воздух, живительной струей вливающийся в легкие. И опять пришла жизнь. Он плыл, словно в бреду, не соображая, куда плывет и зачем, не вслушиваясь в приходящие словно издалека успокаивающие слова Риит и только чувствуя ее уверенную поддержку.

Бредовый дурман, навеянный проглоченной им ядовитой

морской водой, не отпустил и на берегу. Опираясь на Риит, он тупо брел вверх по склону, механически переставляя ноги. Достигнув вершины, Риит опустила его на землю и, тяжело дыша, упала рядом.

Придя в себя, Лэн огляделся. Каньон, уходящий вниз. Океан с мерцающей поверхностью там, далеко внизу. Лежащая рядом девушка. Обрывки мыслей мелькали в голове. Риит, убеждающая его ступить в воду… Зыбкий зеленый мир с какими-то свободно парящими серебристыми телами… Земля, качающаяся и плывущая под ногами…

Постепенно сознание прояснилось. Он вспомнил погоню, яростные лица Рэкетов, толпу, явственно вырисовывавшуюся на вершине. Лэн бросил взгляд вниз. Но ни там, ни на противоположной стороне никого не было. Ни единой человеческой фигуры. Единственное живое существо, человек – лежала рядом. Нет, не человек – чарка!

Лэн инстинктивно отодвинулся от девушки, но тут же застыдился. Риит – чарка, но что из этого? Разве не она уже неоднократно спасала его не только от всяких тварей – плешей, крыс, подземных выродков Тьмы, – но и от самих людей. Пусть она не человек, пусть живет в этом своем Океане, но она в большей степени человек, нежели все те, в окружении которых жил он все это время – Воклоты, Рэкеты и прочие. И Лэн не вправе осуждать ее за некоторые странности – перепонки между пальцами, к примеру, нежелание убивать живое существо, Океан, в котором она живет. Осуждать из-за того, что она не похожа на них, нормальных людей. С их звериными инстинктами. С их стремлением убивать всех вокруг.

Лэн протянул руку и вздрогнул от холодной неподвижности тела девушки. Память услужливо подсказала, что холодность тела – присущая особенность чарок, связанная, по-видимому, с их постоянным пребыванием в холодной воде Океана. Лэн затормошил девушку.

– Лэн! Ожил, – она открыла глаза. – А где Рэкеты?

– Никого нет. Ушли.

– Нет, не ушли. Когда мы выбрались на берег, они бросились в обход через Лес, – она сосредоточенно всматривалась в темнеющую вдали полоску зарослей, – и могут появиться с минуты на минуту. Долго мы отдыхали?

Лэн пожал плечами.

– Надо уходить, – поднялась она, – иначе они нас настигнут.

– Нет! – содрогнулся Лэн, вспомнив кошмарное плавание. – В Океан я больше не пойду. Уходи сама. Я уж как-нибудь…

Риит удивленно глянула на него.

– А я не собираюсь опять в воду. Ты уже достаточно нахлебался. Пойдем, – она задумчиво поглядела вдаль, – пойдем туда.

Лэн проследил за ее взглядом и приметил в миле от них развалины. Те самые, из-за которых у него произошел конфликт с Кри. Несколько странные, как, впрочем, и окружающая их местность. Оплывшие, словно свечи, гротескные пики посреди черной, спекшейся от опалившего ее жара земли.

– Здесь когда-то располагалась военная база, – скупо пояснила Риит. – Бомба уничтожила все. Там до сих пор царит невидимая смерть.

– Зачем же идти туда, если там нас ждет смерть?

– Не везде. Радиация местами уже ослабла. Пробраться можно. Зато Рэкеты не осмелятся сунуться.

– А если не проберемся? Здесь – смерть, там – тоже. – Лэн пожал плечами. – Не все ли равно, где ее встречать. Знаешь что, Риит, – поднял он голову, – хватит со мной возиться. Тебе есть, где жить. Вот и иди в свой Океан. А это земля моя. И мне как-то все равно, умру я здесь или там. Но перед смертью я постараюсь уложить парочку-другую Рэкетов.

– А мне не все равно. Во-первых, я просто не могу бросить тебя здесь одного. А во-вторых… – она нежно коснулась ладонью его щеки, но тут же отдернула руку и отвернулась. – Все, хватит болтать. Пошли! А вон и Рэкеты появились, – она указала на высыпавшие из Леса крошечные фигурки.

Сначала шла обычная каменистая земля. Затем почва изменилась. Все чаще пошли проплешины и целые участки спекшейся, глянцево поблескивающей поверхности. Словно по ней прошлись огромной жаровней. Риит перешла на шаг, отрешенно смотря перед собой и прислушиваясь к чему-то внутри себя. Темп движения замедлился. Лэн все чаще оглядывался на замаячившие на изломе Каньона фигуры. Но, к его радости, Рэкеты не бросились за ними вдогонку. Сбившись толпой, они наблюдали за медленно передвигающейся по стеклянной поверхности обреченной группке. Рисковать жизнью им не хотелось. Но и уходить не собирались. Ждали, когда эти двое чудаков повернут назад, к ним в лапы.

Но Риит упорно продвигалась вперед, в маячившей уже в полумиле компактной группе строений. Причем путь ее был странен. Пройдя немного вперед, она вдруг сворачивала в сторону, а иногда даже возвращалась назад. И все это ради того, чтобы еще на несколько метров приблизиться к развалинам. Лэну не давала покоя застывшая в зловещем ожидании толпа преследователей и надоели беспорядочные метания Риит из

стороны в сторону. Он ринулся напрямую, но был рывком отброшен назад.

– Иди за мной! – яростно прошипела Риит, – и не вздумай делать даже шага в сторону.

– Почему ты так идешь? Рэкеты вон стоят, ждут. А ты здесь выписываешь фигуры вместо того, чтобы бежать напрямую.

– Здесь вокруг остаточное излучение, – Риит поморщилась, недовольная тем, что приходится отвлекаться для объяснения этому олуху очевидных истин. – Повсюду много осколков от бомбы. Они излучают. Я же пытаюсь обойти их стороной, чтобы не попасть под облучение.

– Где они? Что-то я ни одного не вижу.

– Они не видны. Их просто надо чувствовать. А это я умею.

– Как? Научи меня. Тогда мы пойдем быстрее.

– Не получится. У нас развился орган, чувствующий радиацию. Этакий дозиметр. А у тебя такого нет. Так что иди сзади и не обгоняй. И не отвлекай меня. В этой мозаике разобраться непросто. А ошибку уже не исправишь.

Лэн отстал и покорно поплелся за девушкой, в очередной раз чувствуя свою ущербность. Да и как не чувствовать! В темноте видит, радиацию чувствует. Оружие у них, чарок, намного лучше и в то же время гуманнее.

Оплавленные обелиски приближались, но вместе с ними подступала странная усталость. В голове туманилось, навалилась сонливость. Лэну стало безразлично, идет ли он к развалинам или возвращается к Рэкетам. Но маячившая перед ним фигурка, расплывающаяся, теряющая очертания, заставляла рефлекторно держаться за нее. Дальнейшее сохранилось в виде отдельных фрагментов. Шероховатая, оплавившаяся стена здания… Темная лестница, по которой он спускается, поддерживаемый Риит…

Очнулся он от больно ударившей в глаза вспышки. Свет шел от маленького белого шара, прилепившегося к потолку. Словно маленькое солнце пробралось сюда и засияло. Лэн оказался в небольшой комнате. Белые гладкие стены. На них и на полу странные предметы. Сам он лежит на диковинной лежанке. Лэн пощупал ткань, укрывавшую ее. Намного тоньше и мягче той, которую ткали женщины его Семьи. И тюфяк набит не соломой, как обычно, а чем-то иным, мягким и упругим. Странное место. Лэн абсолютно не помнил, как очутился здесь. Он поднялся и стал бродить по комнате, разглядывая непонятные предметы. Назначение одних становились ясными сразу, другие так и остались загадкой. Квадратный деревянный предмет с плоской гладкой поверхностью на четырех ножках – это, по всей

видимости, стол. Аналогичные, только поменьше и пониже – ля того, чтобы на них сидеть. Абсолютно расточительное использование дерева, которого бы хватило на приготовление не одного обеда. В Городе любая древесина шла только на изготовление оружия и на поддержание огня в очаге. Столом же служила большая бетонная плита. Стульев вообще не было. Для этой цели подходил любой обломок камня. Здесь же дерева не жалели. Им была отделана лежанка, из него были сделаны полки на стенах. Даже пол под ногами был, как ни странно, из древесины. Конечно, от этого он ровнее и не так холодит ноги, как шершавая бетонка в их бывшем Доме, но на сколько дней хватило бы всего этого богатства. Не пришлось бы лишний раз ходить в Каньон и собирать в Лесу сухую древесину. Каньон… Лес… Океан… Лэн вспомнил последние, насыщенные невероятными событиями дни. Землетрясение, разрушившее Дом. Океан, поглотивший Лес. Чарка, Рэкеты, драки и погони. Но почему он здесь и почему один? Где Риит? Лэн затравленно оглянулся. Выхода из комнаты не было. Он заперт, замурован навечно в этой камере! Вот так попался! Как хитро облапошила его чарка. Восстановила против Семьи, защищала, спасала от Рэкетов, всяких опасностей, а сама упорно вела к своей цели. Но только ли это дело рук одной Риит? Все последние события выстроились в одну цепочку. Землетрясение, гибель Дома, Леса, Семьи… Здесь кроется единая цель – нанести удар Городу. Стереть его вместе с жителями с лица Земли. Уничтожить последний оплот цивилизации. А стоят за всем этим они – чарки со своим Океаном. И, может, Лэн – единственный, кто остался в живых в настоящий момент из всего Города. Единственный представитель человечества на планете.

– Ну, нет! – взъярился Лэн. – Это вам так не пройдет! Всякая нечисть морская будет свои мерзкие лапы подымать на человека! – и он, схватив подвернувшийся под руку стул, начал крушить все вокруг. Развалился под ударами стол. Сыпались на пол полки со своим содержимым. С грохотом лопнул светильник, и все погрузилось в темноту.

Наступившая тьма навалилась на Лэна, осознавшего вдруг свою беспомощность, вытеснила хлеставшую через край ярость и вселила на ее место страх. Страх и бессилие. Бросив обломки, оставшиеся от стула, он забился в угол, скорчился, вжался в него как мог и затих. Темнота давила. Вдобавок к ней после грохота сокрушаемой мебели наступила тишина. Ни шороха, ни стука. Тишина покоя. Тишина смерти.

Лэн не знал, сколько он пробыл в оцепенении, беззащитный и бессильный. Наконец, он уловил еле слышимые далекие шаги.

Кто-то приближался к камере, кто-то грозный и беспощадный, создаваемый его воспаленным мозгом в образах жутких химер и чудищ. Со щупальцами, клешнями. Хвостатых и рогатых. Лэн был уже не в состоянии противиться року и покорно ждал.

В стене появилась узкая полоска света, расширилась и…

– О, море! – раздался возглас Риит. – Что здесь произошло? Лэн, где ты?

Она выволокла слабо сопротивляющееся жалкое существо из темной комнаты и затащила в соседнюю, в которой горел свет.

– Лежи и не брыкайся! – приказала она, укладывая его на кровать. – Ты болен. Нахватался все-таки радиации. Но ничего, я тут кое-что нашла. Быстро придешь в норму.

Она высыпала на стол ворох пакетов из принесенного с собой свертка и стала перебирать их.

– Вот это, пожалуй, подойдет, – она разорвала упаковку и насильно засыпала Лэну в рот горсть маленьких овальных шариков. – Глотай!

Он покорно проглотил, скривившись от горечи.

– А теперь лежи и не буянь, троглодит несчастный! – сказала Риит. – Я, пожалуй, тоже прилягу. С радиацией лучше не связываться, – она отсыпала себе таблеток и проглотила. – Если плохо будет, съешь еще несколько штук. Или позови меня. Я буду в соседней каюте.

Девушка вышла, оставив дверь незапертой. С кровати Лэн видел участок коридора, еще одну дверь. С удивлением он вдруг ощутил, что гнездившийся внутри страх исчез, и все домыслы, бередившие его разум насчет козней чарок, куда-то исчезли. Он закрыл глаза и глубоко, облегченно вздохнул.

– Что это с тобой? – спросила на следующий день Риит, вглядываясь в него. – На тебе лица нет.

– Не знаю, – отозвался непослушными губами Лэн. – Ничего не чувствую – ни рук, ни ног, ни лица.

Риит ткнула пальцем ему в щеку. Вмятина от пальца осталась.

– Не нравится мне это, – задумчиво протянула она. – К тебе в воде кто-нибудь цеплялся?

– Там жук какой-то был… Все в рукав норовил залезть.

Риит торопливо стянула с него куртку. На локте и предплечье левой руки гирляндами налипли желтые янтарные шарики.

– Это ксит, – сказала она. – Жук-наездник. Паразитирует на своей жертве. Цепляется к ней, впивается в тело и плавает вместе с ним, одновременно питаясь, пока жертва не погибает. – Она бесцеремонно обследовала тело Лэна. – Нет, в тебя не впился. Зато яйца отложил. Это тоже опасно. Личинки проникают в тело

и живут там, питаясь им.

Она вытащила нож и принялась соскребать икринки.

– Больно?

– Нет, – ответил Лэн. – Рука совсем онемела, ничего не чувствует.

– Плохо, – она заторопилась. – И что я, дура, вчера не проверила!

Икринки отставали легко. Но в некоторых местах из ранок вместо крови потекла тоненькими струйками мутная желтоватая жидкость.

– Уже проникли. Но это не страшно. У меня есть антидот. Мигом всех выведет.

Она порылась в поясе и заставила Лэна проглотить несколько маленьких капсул.

– Теперь порядок. Ничего не бойся. Онемение распространится на все тело, и даже будет так… – она уцепилась пальцами за кожу на руке, оттянула ее и завернула. Кожа и мышцы остались в таком же положении, словно были вылеплены из глины.

– Так будет со всем телом. Особенно шокирует лицо. Но это пройдет через пару часов. Терпи.

Болезнь отступила быстро. Спустя несколько дней Лэн уже занимался обследованием места, где он очутился. Это действительно была База – настоящий город в несколько этажей, с множеством помещений, залов и коридоров. Наземные постройки были уничтожены взрывом бомбы, но бункер остался нетронутым и даже незараженным всепроницающей радиацией. Риит, оказывается, была здесь уже несколько раз и теперь уверенно ориентировалась в анфиладе помещений и различных непонятных устройствах.

– Эта База, – рассказывала она, – предназначалась для запуска межконтинентальных баллистических ракет, используемых в войнах нашими далекими предками. Напичкана оборудованием и продовольствием, которого нам с тобой хватило бы не на один десяток лет. Здесь сохранилась отличная библиотека, с которой тебе обязательно надо ознакомиться. Есть также много такого, без чего не могли обойтись предки, но вы обходитесь спокойно. Правда, и образ жизни ваш разительно отличается от должного. Так что, если хочешь выйти из первобытного состояния, в котором вы сейчас находитесь, то нужно приложить много сил и терпения. А для начала нужно сделать из тебя какое-то подобие цивилизованного человека, – и она потащила его в ванну. Впервые в жизни Лэн мылся в горячей

воде с мылом. После ванной она остригла его и научила пользоваться бритвой. Вместо грязной заскорузлой хламиды Лэн облачился в костюм из мягкой и удобной, не сковывающей движений ткани. Когда после всех процедур Лэн глянул на себя в зеркало, то в первый момент шарахнулся в сторону. Так разительно отличался от него человек за стеклом.

Затем начался тяжелый этап – обучение грамоте. Лэну однажды довелось увидеть Книгу. Ее нашел в развалинах кто-то из Воклотов. Воклот-старший тут же заграбастал ее и поменял у Хьюстов на самку для себя. Книга очень ценилась. Не из-за того, что в ней были начертаны какие-то непонятные знаки, а из-за своей способности к возгоранию. С ее помощью можно было легко и быстро разжечь огонь в любых условиях. И нет ничего удивительного, что Лэну стало дурно от обилия книг, увиденных им в библиотеке. Риит сразу остудила его пыл. Книги дороже всего, что имеется на Базе. В них заложен мощный потенциал знаний. Достаточно даже десятой части, чтобы вывести Город из первобытного состояния или неосторожно уничтожить. Она сидела с Лэном до тех пор, пока непонятные закорючки перестали прыгать у него перед глазами и стали складываться в осмысленные слова и фразы. Последующие дни Лэн безвылазно проводил в библиотеке, забыв обо всем на свете и погрузившись в иной мир. Мир Предков. Фантастический мир. Перед ним оживали сказки и легенды, рассказанные когда-то дядюшкой Сэдом. Зеленые острова. Летающие механизмы. Машины, движущиеся по специально проложенным дорогам и асфальту, плывущие по Океану. Все, что считалось вымыслом, вдруг ожило и оказалось существовавшим когда-то на самом деле. Лэн чувствовал, что все это можно вернуть. И он сделает это! Вернет своим собратьям утерянное их нерадивыми Предками достояние. И он с новой силой углублялся в чтение, отрешаясь от всего. Риит немалых трудов стоило оторвать его от книги и заставить поесть или отдохнуть.

Постепенно объем знаний Лэна возрос. Теперь он читал выборочно, отдавая предпочтение технике. И все чаще бродил по отсекам Базы, стараясь вникнуть и понять любое встреченное им устройство, механизм или прибор. Теперь уже иногда не Риит ему, а он ей объяснял назначение и устройство того или иного прибора. Или же они вдвоем пытались разобраться в непонятном механизме. В ходе этого уединения вдвоем Лэн неожиданно для себя осознал, что он чаще, чем нужно, и совсем по-другому, не как водилось в Семье Воклотов, думает о девушке. Он мог бы схватить ее, ударить, бросить на землю и сделать с ней все, что пожелает, но… не мог. Что-то внутри противилось этому. Ее ли

неприступность или то, что она – чарка. Вернее всего, то бремя знаний, обрушившихся на него из прочитанных книг, заставляло его по-иному взглянуть на отношения мужчины и женщины. Не в силах ни сказать что-либо мгновенно коснеющим языком, ни сделать что-нибудь, он однажды буркнул за столом:

– Я хочу, чтобы ты родила мне ребенка.

Риит вскинула удивленные глаза и порозовела.

– Я тоже хотела бы этого, – помедлив, вымолвила она, – но…

– Что «но»? – осмелел Лэн.

– Это невозможно.

– Почему? – не унимался он. – Потому, что ты – чарка, а я нет?

Риит кивнула головой, сосредоточенно поглощая пищу.

– Ну и что из этого? Пусть между нами есть различия. Но ты и я – мы оба люди. Оба относимся к одному виду. И у нас могут быть дети. К тому же я люблю тебя! – последние слова, неожиданные даже для него самого, Лэн почти выкрикнул. От его слов, от такого напора Риит согнулась, почти уткнувшись в тарелку.

– Я тебя тоже люблю. Хоть ты и такой странный, – тихо произнесла она. – Но пойми другое, – она вскинула голову, и Лэн прочитал в ее глазах боль. – Наш ребенок, что вполне вероятно, будет в чем-то похож на нас, но в чем-то нет. Этого предугадать невозможно. Может получиться так, что он не сможет жить в Океане. Бросить его я не смогу. Придется навсегда расстаться с родиной, Океаном. А я без воды жить не могу.

– Как же нам быть? – упавшим голосом произнес Лэн. – Я хочу быть с тобой. Не хочу тебя терять. Я понимаю, что это невозможно. Но я ничего не могу с собой поделать.

– Позволь мне решить это.

И Риит решила. Однажды ночью она пришла к нему и осталась. И жизнь наполнилась для них новым смыслом. Они старались не думать о том, что будет завтра. Что неизбежно придет разлука. И от этого еще неистовее была их любовь.

И разлука пришла. Риит уплывала и надолго. Это было как-то связано с сезоном, – в тонкости она не вдавалась. Вообще она мало рассказывала о себе. Единственное, что узнал Лэн, это то, что живут чарки на островах далеко в Океане, что Риит – археолог, то есть она изучает древние цивилизации.

– Когда-то давным-давно, – рассказывала Риит, – на Земле существовала мощная цивилизация. Люди заселили всю сушу и начали осваивать не только Океан, но и космос. Моря и океаны бороздили корабли, а в их глубинах – подводные лодки и батискафы. В небе летали самолеты, а еще выше, за небом –

космические корабли. В то время жил один человек по имени Чарков. Он создал теорию, согласно которой человек более приспособлен жить в воде, чем на суше. Организовал группу людей, которые решились испытать эту теорию. Дети этих людей рождались в воде и с первых минут жизни находились в ней. Это благоприятным образом сказалось на них. Они были крепче и здоровее своих сухопутных братьев не только физически, но и умственно. Организм их легко и быстро приспособился к водной среде.

Чем бы это кончилось – неизвестно. Возможно, со временем все люди переселились бы в Океан. Но времена были неспокойные. Человек так неосмотрительно пользовался своими технологиями и загубил природу настолько, что и сам не мог уже нормально существовать. Перенаселение, голод, болезни, экологические катастрофы, волна межнациональной вражды, взявшаяся неведомо откуда и прокатившаяся по всей планете, потрясли основы всей цивилизации. Начались войны. Люди уничтожали друг друга словно звери. Не задумываясь о причинах и последствиях. Используя любое оружие, вплоть до ядерного. Естественно, Земля тоже возмутилась, начала тушить неспокойные районы, насылая на них природные катаклизмы – землетрясения, ураганы, наводнения. Чтобы уничтожить источник опасности – самого человека. Причины и следствия этих процессов сейчас уже невозможно понять. Но в результате земля, воздух, вода оказались отравленными, технологии – разрушенными. Озоновый щит планеты разрушился. Потоки радиации хлынули на землю, уничтожая все живое. Погибли все – животные, растения, люди, их цивилизация. Кое-где еще сохранились крохотные островки разума наподобие вашего Города, но и те влачат жалкое существование, скатываются к первобытному состоянию, вырождаются. И только чарки, которые приспособились жить в воде, выжили и сохранили знания. Они ушли в Океан, создали свою культуру. Морская вода спасла их от жесткого излучения солнца. Осколки бомб не долетели до них. Токсичные вещества и яды растворились в воде и обезвредились живущими в Океане микроорганизмами. Конечно, среда обитания сказалась. У нас образовались перепонки между пальцами рук и ног, чтобы легче было передвигаться в воде. Мы можем видеть в морских глубинах. Мы остались теми же людьми, хотя многое от былой цивилизации нам не нужно – ни техника, ни орудия убийства. Взяв только самое необходимое, мы приспособились в остальном к Океану и не испытываем сейчас нужды в чем-либо земном.

– Зачем же ты тогда изучаешь цивилизацию Предков? –

возразил Лэн.

– Мы стараемся найти и сохранить все для потомков. И не только сохранить. Осмыслить причины катастрофы. Определить, какие секреты раскрывать потомкам, какие – нет. Мы не хотим, чтобы история повторилась.

– Каких потомков? Своих? Или других, чьи отцы и деды влачат сейчас полуголодное существование в подвалах разрушенных городов?

– Извини, Лэн, – Риит замялась, – как ни горько говорить это тебе. У вас, живущих на суше, будущего нет. Рано или поздно такие Города разрушатся совсем. Жители их вымрут или истребят друг друга. Вы не очень далеко отошли от своего прародителя – зверя. Животное начало превалирует в вас. Для человека неестественно убивать. Вы же по-иному не можете. Поэтому будущее за морской расой человечества.

– Нет, неправда! – горечь несправедливости захлестнула Лэна. – Этого не может, не должно быть!

– Пойми, – увещевала его Риит, – нельзя давать вам в руки цивилизованные технологии. Вы их обратите опять друг против друга. К чему это приведет, тебе объяснять не надо.

– Но должен быть какой-то выход, – не унимался Лэн. – Ты же сама говорила, что не бывает безвыходных ситуаций.

– Но из этой выхода я не вижу. Может, со временем люди поймут, что любить друг друга – естественное состояние. Тогда можно будет прийти к ним на помощь. Боюсь, – она вздохнула, – что и тебе эти знания пойдут не впрок. Ты только ускоришь гибель Города. Об одном прошу, – не пользуйся ими, пока не будешь абсолютно уверен, что поступаешь правильно.

– Ты так говоришь, – огорчился Лэн, – будто видишь меня в последний раз.

Хотя между ними все было обговорено не раз, но он неизменно возвращался к моменту предстоящей разлуки. Риит обещала вернуться, но Лэн чувствовал, что она уходит. И уходит навсегда. Даже если она и вернется, это будет уже не та Риит. Которую он знал. С которой проводил незабываемые ночи. С которой делился всем сокровенным. Побывав среди своих, она поймет, что ей не место рядом с ним. Как и ему с ней. Это неизбежно.

Риит ушла. И с ней ушло спокойствие. Проводив ее наружу, – дальше она не позволила из-за опасности облучения, – Лэн вернулся в бункер. С неожиданной ясностью он понял, что больше не может пробыть здесь ни дня. Стены и потолок давили на него. Пустынные помещения и коридоры, некогда наполненные звуками ее голоса, угрюмо молчали. Книги, еще вчера так нужные

ему, теперь валились из рук. Глаза уже не желали пробегать по строчкам букв. Не место ему здесь одному. Такое одиночество может свести с ума.

Лэн стал готовиться к уходу. Не просто к уходу, бегству. Он вернется в Город. Идти ему все равно больше некуда. Но вернется он не согбенным просителем с понуро опущенной головой. Он должен войти в Город победителем, перед которым покорно склонят головы все – и Воклоты, и Хэнсомы. И даже Рэкеты. А для этого нужно вооружиться. Не только вооружиться по образу и подобию своих собратьев, но превзойти их. Рэкеты держали в страхе Город своей пушкой. Лэн выберет что-нибудь аналогичное или даже превосходящее по мощи пушку. То, что он встречал в ангарах Базы – танки, тягачи, артиллерийские и ракетные установки, – превосходило пушчонку Рэкетов во много раз. Рядом с ними она выглядела пигмеем, безобидной хлопушкой.

Лэн представил, как он въезжает в Город на танке. Рассыпаются и бегут в страхе люди. Сам Рэкет склоняет свою голову. Но тут перед ним всплыли слова Риит о том, что он должен соизмерять каждый свой шаг, чтобы не ускорить гибель Города.

– Нет, – пробормотал он, – все правильно. Иначе как заставить их смириться и не грозить другим своей пушкой. – Это будет только начальный, необходимый шаг, чтобы сломить сопротивление Рэкетов. В дальнейшем он откажется от угроз и методов порабощения. И тогда все жители Города, все Семьи объединятся и станут жить мирно и дружно. Сообща выращивать хлеб, разводить скот.

– А не захочется ли тебе самому стать Хозяином, Главой, но не отдельной Семьи, а всего Города? – шевельнулся в груди червь сомнения.

– Нет, – отогнал эту мысль Лэн, – этого я делать не стану. Не хочу. Люди должны стать свободными.

Но червь не отступал. Лишь затаился внутри. Лэн все чаще ловил себя на этой мысли.

– Может, так и нужно, – убеждал он себя. – Людьми должен кто-то руководить, командовать. Иначе они превратятся в неуправляемое стадо и разбегутся кто куда. Да и Предки так жили, а значит, это было необходимо.

Мысль приходила и уходила. Слова Риит вносили смуту. Лэн отбрасывал мысль, чтобы в следующий момент поймать себя на том, что опять размышляет об этом. Решение не приходило. Наконец Лэн остановился на том, что время укажет верный путь.

Для борьбы с Рэкетами как нельзя лучше подходил танк – громадный механический монстр, оборудованный пушкой,

пулеметами и ракетной установкой. Его металлические гусеницы будут не по зубам черной плеши и смогут одолеть любые завалы. Но танку требовалась обслуга из нескольких человек. Лэну в одиночку с ним не справиться. Поколебавшись, он выбрал другую машину, поменьше. Юркая, оборудованная небольшой пушкой и пулеметом, тоже на гусеничном ходу, она вдобавок имела вместительный грузовой отсек. Туда Лэн сложил необходимое для путешествия топливо, вещи и припасы.

И однажды спекшаяся поверхность у обелисков дрогнула, покрылась трещинами и, натужено взвыв, разверзла темную пасть. Из ее недр выбралось на дневной свет забытое уже в этом мире механическое чудовище.

Тот извилистый путь, которым они с Риит прошли сюда, Лэн не помнил и, не раздумывая, направил танкетку напрямую к Каньону. Защитная броня машины должна была защитить его от радиации. В противном случае помогут предусмотрительно захваченные пилюли.

Танкетку трясло. В узкую щель бойницы влетало то небо с застывшими редкими облачками, то это же самое небо, но сероватого оттенка, придаваемого ему зеркальной поверхностью оплавленной почвы. Лэну, освоившему вождение только теоретически по учебникам, с трудом удавалось выхватить из этого обилия небес реальный клочок земли. И когда перед ним неожиданно разверзлась пропасть Каньона, он еле успел затормозить.

Побледневший Лэн вывалился из машины. Танкетка, зарывшись траками в грунт, замерла перед самым склоном. Промедли он секунду, – и она рухнула бы вниз. На этом бы и закончилась его эпопея. Лэн опустился на землю и задумался, куда направить танкетку теперь. Можно было бы рискнуть – авось, и повезет, – и спуститься осторожно на тормозах по склону вниз, но… Он не учел еще одно препятствие – Океан. Разлившееся на дне Каньона море не пропустит машину. Засосет со всеми потрохами, и следа от нее не останется. А без машины вся затея обречена.

Солнце поднялось к зениту, когда Лэн, стряхнув оцепенение, поднялся. Забравшись в танкетку, он развернул ее и двинулся вдоль Каньона. Туда, где темнела, дробясь и исчезая в жарком мареве горизонта, узкая полоска Леса. Подальше от Океана. Вглубь континента. Там, может быть, удастся найти пологий склон, по которому можно спуститься вниз и пересечь Каньон. Там не станет препятствием на пути Океан. Пугала неизвестность. В тех землях не бывал еще никто. Какие напасти ждут его на этом неизведанном пути? Удастся ли благополучно миновать те

земли? В другое время Лэн ни за что бы не решился на такой шаг. Но теперь у него была танкетка – несокрушимое оружие, от которого разбегутся и люди, и звери. Топлива хватало, – в грузовом отсеке наряду с продуктами, оружием и боеприпасами грохотало с десяток полных канистр. А чтобы не искушать судьбу и не свалиться в следующий раз с обрыва, он, повозившись немного, откинул переднюю заслонку. Теперь вместо узкой щели перед ним было широкое окно, через которое он мог свободно обозревать открывавшуюся перед ним панораму. Ветер, врываясь в окно, обдувал салон и охлаждал нагретый солнцем металл.

Океан остался позади. Пошел нетронутый Лес. Склоны Каньона, как ни всматривался Лэн, были все также опасно круты. Рисковать не хотелось. Машина, нарушая своим урчанием вековую тишину здешних мест, мчалась вперед, отматывая километр за километром. Вокруг расстилалась однообразная холмистая равнина. Ни деревьев, ни кустов, лишь редкая серая трава. Изредка возникали и таяли в дымке далекие развалины, говорившие о царившей здесь некогда жизни. Но развалины не привлекали Лэна. У него была своя цель – Город.

Лэн не сразу заметил произошедшую перемену. На каком-то отрезке пути стены Каньона вдруг разошлись, и сейчас противоположный склон виднелся очень далеко, теряясь в туманной дымке. А внизу вместо узкой лощины расстилалась широкая долина, полностью занятая Лесом. Море колышущейся зелени без конца и края, с синеватым зеркалом озера посредине. Контраст между голой, лишенной растительности равниной наверху и покрытой обильным сплошным покровом долиной был настолько резким, что Лэн непроизвольно затормозил.

Громадный неиссякаемый источник жизни, чудом сохранившийся в погибающем мире, темнел внизу. Невзирая на катаклизмы, потрясавшие планету, он рос и жил, казалось, вечно. Что в сравнении с ним Лес, которым владели Воклоты и даже весь Город? Жалкий клочок чахлой, изможденной, выродившейся растительности. Этот же, могучий, нетронутый невзгодами, сиял во всей своей красе и мощи. Чуточку даже неестественный, чисто зеленый, без всякой примеси синевы и красноты.

Лэну захотелось немедля спуститься вниз и окунуться в океан зелени. Выбрав наиболее пологий участок склона, он направил машину вниз. Завывая на оборотах, скатываясь с оползнями, заваливаясь то вправо, то влево, машина медленно скатывалась по склону. В грузовом отсеке грохотали канистры. Наконец, благополучно достигнув первых зарослей, танкетка замерла. Лэн, мокрый от пота, выполз из кабины и рухнул обессиленный на землю.

Ему повезло. Для настоящего хозяина танкетки этот путь, возможно, показался бы пустяковым. Для Лэна, впервые взявшегося за рычаги и не умевшего толком обращаться с машиной, он мог оказаться последним. Но Лэн остался жив. И даже довел машину неповрежденной до дна Каньона! Лэн невольно поблагодарил Предков, незримо присутствовавших рядом с ним в этом опасном спуске.

Отдышавшись, Лэн поднялся и углубился в Лес, зачарованно разглядывая все вокруг. Да, ему сверху не показалось. Листва деревьев была действительно чистого зеленого цвета, без всяких примесей, так естественных для Лэна ранее и так неестественно выглядевших сейчас, рядом с настоящим Лесом. Деревья разительно отличались от их, Воклотовских. Высокие, могучие, в обхват и даже толще, с ровной правильной кроной, они были несоизмеримо краше и здоровее чахлых, покореженных деревьев их Леса. И к тому же многообразнее. Лэн дотронулся до ветки, покрытой не обычными листьями, а какими-то колючими иголками, и отдернул, уколовшись. Да это же ель или сосна! – вспомнил он вычитанное из книг.

– Вот ты какой! – благоговейно прошептал он. – Настоящий Лес.

И тут ему в голову проникли звуки. Писки, крики, трели, наполнявшие Лес.

– Птицы? – удивленно воскликнул он. – Неужели это правда?

Действительно, вверху, в кронах деревьев мелькала какая-то живность. Прыгала с ветки на ветку, перелетала с дерева на дерево, гомоня при этом.

– Птицы!

Лэну захотелось посмотреть поближе на эти странные невиданные существа, умеющие летать. Но птицы были недосягаемы, порхая в вышине. Ему пришлось ограничиться наблюдением за ними, их суетой, полетами.

Так продолжалось бы долго. Если бы не резкая боль в руке не вернула его к действительности. Словно кто-то вонзил ему в руку иголку. Лэн поднес руку к глазам и обнаружил микроскопическое существо, пристроившееся на ней. Маленькое хилое тельце на тонких хрупких ножках, хоботок, воткнувшийся в кожу, брюшко, набухающее кровью, высасываемой из руки. И крылья! Тонкие прозрачные лепестки. Это с их помощью существо летает по воздуху? Вот они какие, птицы!

Существо, насосавшись крови, оторвалось от руки и тяжело полетело в заросли. Проследив за ним, пока оно не затерялось в листве, Лэн опять обратился к кронам деревьев. Там, вверху птицы крупнее. Значит, и крови выпьют больше. Нет, этот Лес

опасен! Или же это кровоядное существо не является птицей. Во всяком случае в книгах он ни разу не нашел упоминания о том, что птицы питаются человеческой кровью. Только зерном, травой, плодами. С этим он разберется позднее, – решил Лэн. – А сейчас надо двигаться дальше.

Недовольно урча, танкетка медленно пробиралась сквозь Лес. Густые дебри, по которым веками не ступала нога человека, не желали пропускать. Деревья – гиганты вставали на пути. Лэну вновь и вновь приходилось пятиться назад, рыскать из стороны в сторону в поисках прохода. Медленно, но упорно машина продвигалась вперед. И только плотно сжатые губы на побледневшем лице Лэна выдавали его муку. Он губил Лес! Тысячи растений, измочаленные и втоптанные гусеницами в землю, оставались за ним. Сломанные деревья, ободранные корпусом стволы. Человек, нанесший урон Лесу, – преступник! Это Лэн усвоил с детства. И вот он совершает святотатство. Простит ли ему это Лес? Поймет ли? Ведь ему во что бы то ни стало необходимо перебраться на другую сторону Каньона. Лэн старался не думать о том, что оставалось позади.

Сумерки застигли, когда машина, продравшись сквозь заросли, выбралась на узкую, лишенную растительности косу озера. В темноте можно было окончательно заблудиться в лесном буреломе. Лэн решил заночевать на берегу, хотя до сих пор не доверял воде, будь то морская или озерная. Но здесь было единственное чистое от зарослей место. При последних отблесках уходящего дня набрал валежника, развел костер и приготовил из концентратов нехитрый ужин.

Костер ярко пылал, потрескивая и бросая в темное небо горстями искры, соперничающие с блеском звезд, усеявших небо. Темная стена Леса, озаряемая красноватыми отблесками костра, загадочно и враждебно шумела. И костер, и существо рядом с ним, и машина с неприятным запахом перегретого масла и металла являлись чужеродными, не принадлежащими этому миру. Лэн чувствовал это, и неприятный холодок, несмотря на жар костра, холодил его изнутри. Он явился сюда незваным пришельцем. Примет ли его Лес, позволит спокойно переночевать и пересечь после того, что натворила машина? Лэн надеялся, что все обойдется благополучно. После всего, что он узнал из книг, Лес уже не был для него загадочным существом. Как впрочем, и озеро, да и сам Океан с чарками. Чарки… Риит… Где она? Вспоминает ли о нем? Или же он просто еще один из эпизодов ее жизни? Сердце неприятно защемило. Во всяком случае, Риит для него никогда не будет таким эпизодом. Пройдет год, два, пусть даже вечность, но он найдет ее! Как? – Лэн об этом не

задумывался. Океан безграничен. А кто он? Жалкое сухопутное существо, козявка в мироздании. Но отказываться от своей цели, от Риит Лэн не желал. Рано или поздно, но он найдет ее. И никогда больше не отпустит от себя.

Лэн подбросил дров в затухающий костер и опять зачарованно уставился на жадно лижущее сухие ветки пламя.

Рано или поздно, но он найдет Риит. А что дальше? Влачить жалкое получеловеческое полузвериное существование в Городе среди Воклотов, Рэкетов и им подобных он уже не сможет. Перестроить свой организм и влиться в цивилизацию чарок физически невозможно. Придется остаться одному со своими знаниями, никому не нужными в этом мире. Одному как больному псу скитаться по миру на своей грозной машине. Или же обосноваться на Базе и доживать свой век в комфорте среди книг и удобств. Не зная забот. Не задумываясь о жизни. О мире, катящемся в пропасть.

Но что тогда зовет его в Город? Заставляет бросить комфорт и мчаться неизвестно зачем к сородичам, которые встретят его копьем и стрелой? Жажда мести? Желание въехать на грохочущем чудище и расстрелять из орудия как бешеных собак Рэкетов? А остальных поставить на колени. И царствовать? – Нет! Тогда что? Может, нетерпеливое желание познакомить других с утерянными и вновь приобретенными знаниями? Что значат эти знания для одного человека? Ничто. Они исчезнут вместе с его смертью. Но если приобщить к ним возможно большее число людей, научит их жить по – новому, не так, как живут они сейчас, а так, как жили раньше. Тогда и всем станет легче. И жизнь будет легче. И цивилизация, возможно, возродится. Пусть не такая, какая существовала раньше, во времена Предков. Пусть искаженная, приспособленная к нынешним условиям, но все-таки цивилизация. И тогда… Тогда можно связаться с чарками, заключить какой-то договор с ними. Наладить контакты, помощь. Они пойдут на это. Ведь это не просто помощь. Это взаимная попытка выжить в этом свихнувшемся мире. Выжить и возродиться. А если будут контакты, то тогда и Риит…

Подозрительный звук, раздавшийся из темноты, оторвал его от раздумий. Лэн вскинул голову и тревожно уставился во тьму. Когда глаза привыкли к темноте, он различил невдалеке силуэт какого-то зверя, склонившегося к воде. Разглядеть того подробно было невозможно, но внушительные размеры зверя говорили о его первобытной силе и мощи. Человек, имевший дело только с кошками, собаками и крысами, не имел ни единого шанса на победу. Лэн застыл. Лишь бы зверь не заметил его, ушел восвояси. Проклятый костер! Освещает его так, что зверь

неминуемо заметит. Набросится. Лэну не выстоять! И автомат как назло, остался в кабине.

Напившись, зверь поднял голову. Блеснули зелеными фонарями глаза, хриплый рык нарушил ночь. Заметил! Лэн медленно попятился к машине в надежде юркнуть в люк быстрее, чем зверь обрушится на него и разорвет на части.

Либо зверь посчитал его недостойным внимания, либо его остановил огонь костра. Помедлив немного, зверь повернулся и бесшумно скрылся в зарослях. Лэн облегченно вздохнул. Пронесло! Но оставаться на открытом пространстве и искушать судьбу еще раз не стоило. Поспешно затушив костер, он забрался в кабину. Здесь хоть и тесновато, но зато безопасно. Неизвестно, какие еще звери затаились в прибрежных зарослях и озерных глубинах.

Лишь к вечеру следующего дня ему удалось пересечь Лес. Взбираться по крутому склону оказалось легче, чем спускаться, но иногда Лэну казалось, что еще миг – и накренившаяся танкетка завалится и сорвется вниз. Но все обошлось. Машина выползла на ровное место, и надсадный рев двигателя сменился ровным урчанием. Лэн вылез из кабины, чтобы дать ему остыть и самому отдохнуть. Он долго разглядывал Каньон, Лес внизу, теряющиеся в дымке дали, в который раз удивляясь могуществу природы, создавшей и сохранившей такое чудо. Он вернется сюда. Непременно вернется. А пока… Лэн забрался в машину и тронул рычаги. Домой, в Город!

В Город он въехал на рассвете. Туман, лениво струящийся между зданиями и спящий в низинах, еще не рассеялся. Проснувшиеся жители еще не рисковали выбираться наружу. Газуя без особой необходимости, оглашая окрестности звуковой сиреной, включив все фары, чтобы произвести больший эффект, Лэн вел машину к центру, к Рэкетам. Двинувшаяся навстречу черная плешь ошметками разлетелась из-под гусениц. То же ждет всякого, кто осмелится заступить дорогу ему, Лэну. Завалы по бокам дороги были пустынны, но он знал, что сейчас там затаились его бывшие соседи, сограждане. Со страхом взирают они на ужасного монстра, с грохотом и лязгом двигающегося внизу. Его монстра, приручeнного и подвластного только ему. Непобедимого монстра, с помощью которого Лэн отомстит всем своим обидчикам – и Рэкетам, и Воклотам, если кто еще остался жив, и… В общем, всем, кто словом или даже просто взглядом выкажет непочтение ему, всесильному и непобедимому Лэну.

Вот и Дом Рэкетов. Пушка, притулившаяся у стены. Лэн усмехнулся, вспомнив былой страх и почтение, внушаемое ранее

этой жалкой невзрачной железкой. Теперь у него в распоряжении находились такие мощные орудия уничтожения, которые во много крат превосходили ее и все виденное и слышанное вместе взятые.

Остановив машину на небольшом возвышении, он неумело скорректировал наводку своей пушки, нацелив на эту телегу с обглоданными плешью колесами, и нажал на спуск. С действием пушки Лэн был знаком чисто теоретически, по книгам. Поэтому результат даже превзошел все его ожидания. От раздавшегося грохота он оглох, ослеп и потерял всякую способность мыслить. Лишь в памяти сохранился дымный след, метнувшийся к зданию, пламя и дым намного выше пушки и медленно оседающая в облако пыли стена.

Когда он пришел в себя, пыль уже осела, хотя еще стелилась понизу плотным облаком. Лэн откинул люк и закричал:

– Рэкет, выходи!

В ответ было молчание. Ни криков, ни мелькания в проемах окон теней, ни малейшего движения. Дом затаился.

– Рэкет! – заорал Лэн, чувствуя, как звериная ярость подкрадывается и овладевает сознанием. – Рэкет, ты меня слышишь!? Выходи, или я разнесу вдребезги твой Дом и тебя вместе с ним. Считаю до трех и стреляю. Раз!

При счете «два» из тени дверей выступила фигура и, спотыкаясь и пошатываясь, направилась к нему.

– Ты кто? – крикнул Лэн, когда человек приблизился. – Ты не Рэкет. Где он? Мне нужен Рэкет!

– Нет Рэкета, – отозвался тот. – Убили его.

– Кто? Когда?

– Дней десять назад. Во время набега на Севров.

– Что, Севры сильнее оказались? – удивился Лэн.

– Сильнее! – невесело усмехнулся говоривший. – Дали бы им жару, кабы пушка не подвела.

– Пушка? А-а, ну да! – рассмеялся Лэн. – Стрелять отказалась, верно?

– Ты откуда знаешь? – в глазах противника блеснула догадка. – Постой, ты – Лэн Воклот?

Лэн кивнул головой.

– Живой, значит, – в словах говорившего слышалось сожаление и упрек. Будто Лэн поступил нечестно, оставшись в живых.

– Как видишь.

– А чарка где?

– Домой ушла.

– В Океан?

– Да.

– Пушку нашу вы с чаркой сломали?

– Эта рухлядь мешала всем жить. С ней вы вволю пограбили горожан. А теперь, без нее тьфу! – сплюнул Лэн, – пустое место. Теперь без нее вы, наверно, не особо рыпаетесь. Теперь в Городе порядок.

– Порядок!? – противник грохнул в ярости кулаком по металлу. – Где ты видишь порядок? Раньше мы держали Город в кулаке. Тогда был порядок. Все нам подчинялись и не очень-то грызлись между собой. А теперь? Хэнсомы воюют с Бакстами, Картлы – с Дивинами. А Севры настолько обнаглели после нашего разгрома, что захватили уже полгорода, перебив половину Семей. Требуют остальных подчиниться, иначе всех непокорных уничтожат. Вот такие дела творятся сейчас по твоей милости.

Лэн притих. Таких последствий своих поступков он не ожидал. Думал, – ослабнут Рэкеты, поубавится у них сил – и тогда будет спокойнее, стабильнее. А вон оно как вышло. Воевали Семьи между собой всегда – за женщин, за скот, за поля и пищу. Рэкеты были при этом сдерживающим фактором. Они не только довольствовались грабежом, чтобы существовать самим, но и придерживали, не давали зарываться другим Семьям. Не позволяли кому-то возвыситься и обрести силу над остальными. Не стало Рэкетов, – не стало сдерживающего фактора. Нарушилась стабильность общества. Теперь каждая Семья стремилась захватить лучшие пастбища и поля, скот и женщин, поработить соседей. Идет война. Но победителей в этой войне не будет. Люди истребят друг друга. Таковы последствия его необдуманных действий. Не зря Риит предупреждала. Не зря советовала просчитывать каждый свой шаг.

– Ты кто? – угрюмо спросил он. – Как зовут?

– Чэд. Рэкет-старший в настоящее время.

– Много вас?

– Было двенадцать. Сейчас не знаю, – Чэд оглянулся на разрушенный угол Дома. – Там несколько человек было.

– Хорошо. Иди, – Лэн усмехнулся, поймав недоверчивый взгляд Рэкета. – Не бойся, стрелять не буду. Мне нужно подумать. Встретимся завтра.

Потоптавшись, Чэд нерешительно направился к дому, искоса оглядываясь на застывшую машину.

– Эй, Чэд! – крикнул вдогонку Лэн. – Кто-нибудь из моих остался в живых?

– Не знаю, – отозвался тот. – Может, в каких-нибудь Семьях и есть. А Шона Рэкет в тот день…

Весь день и последующую ночь машина простояла

неподвижно, с задраенными люками, притихшая, словно умершая. Осмелевшие Рэкеты, а затем и некоторые из соседей пробирались завалами, чтобы лучше разглядеть невиданное чудище. Приближаться остерегались.

Весть о возвращении Лэна Воклота, того самого, который поймал и приволок в Город чарку, что послужило причиной для последующей цепочки кровавых событий, Лэна Воклота, вернувшегося на этот раз на каком-то невиданном механическом монстре, по-видимому, оружии Предков, которое ему удалось отыскать, с одного выстрела уничтожившего Дом Рэкетов вместе с его хозяевами и теперь намеревающегося сделать то же самое с остальными жителями Города, быстро облетела, обрастая новыми подробностями, раз от раза ужаснее, весь Город. Всю ночь Город не спал, лихорадочно готовясь к обороне. Одни спешно вооружались, собираясь подороже продать свои жизни. Другие торопливо собирали в котомки и узлы свои нехитрые пожитки, чтобы покинуть Город и бежать, куда глаза глядят. Третьи спорили до хрипоты, решая, что делать – сражаться, бежать или сдаться на милость победителя.

Утром по Городу разнеслась весть – Лэн Воклот приглашает Глав всех Семей на переговоры. Немногие отцы Семейств согласились бы явиться на такое приглашение и тем самым отдаться на милость врагу. Но выхода не было. За приглашением, которое вернее можно было назвать приказом, стояло оружие Предком. Неявившегося ждало, по всей видимости, та же участь, что постигла Рэкетов. Поэтому ближе к обеду на почтительном расстоянии от танкетки собралась группа людей, тревожно переговаривающихся между собой. Хотя все были вооружены, но былые распри на время позабылись. Взгляды бывших соперников были нацелены на внушающую страх своей неподвижностью машину. Руки готовы выхватить оружие и направить его на бронированное чудовище.

Наконец, внутри машины что-то заскрежетало. Откинулась крышка, и из образовавшегося отверстия показался человек. Это был Лэн Воклот, хотя узнать его было невозможно. Без бороды, в чистой, аккуратной и необычной одежде. Не в пример обычным лохмотьям горожан. В руке его был странный предмет, похожий очертаниями на ружье старого Воклота.

Толпа подалась назад. Лэн отложил оружие в сторону и поднял руки, показывая свои мирные намерения. Настороженно следя за ним, люди медленно приблизились. Лэн оглядел сверху это жалкое сборище, этих заросших, нечесаных людей с изможденными звериными лицами, в оборванной одежде. Совсем

недавно он выглядел точно так же. Он мог дать им сейчас нечто большее, чем одежду и еду. Но поймут ли они его? Пойдут ли за ним?

– Я – Лэн Воклот, – начал он. – Я вернулся.

– Зачем? – прервал его злобного вида мужчина. – Зачем ты вернулся? Чтобы опять сеять смуту среди нас? Чтобы отдать нас чаркам?

– Ты кто? – спросил Лэн, сдерживая себя, чтобы не сорваться.

– Я – Севр! – выпятил тот грудь. – Я уничтожил Рэкетов. Я навел в Городе порядок. А теперь опять появляешься ты и снова несешь с собой кровь и смерть. Уходи! Ты нам не нужен.

– Севр?! – зло усмехнулся Лэн. – Не тот ли самый, который поработил другие Семьи? Не от твоих ли рук погибают сейчас горожане, не желающие подчиниться тебе? Ты метишь на место Рэкета и ради этого готов уничтожить пол-города. А я тебе могу помешать, не так ли?

– Нет! – рявкнул Севр. – Я только восстанавливаю то, что когда-то порушил ты. Если ты останешься, то порядка не будет. Уходи!

– Я уйду, – ответил Лэн, – но уйду не один. Люди! Братья! – обратился он к горожанам. – Вы не задумывались над тем, что наша жизнь в том виде, в каком мы существуем, бессмысленна? Нас преследует голод. Дома наши рушатся, погребая под собой наших братьев и сестер, родителей и детей. Нас становится все меньше и меньше. Мы вымираем. Наступит день, когда последний оставшийся в живых человек оглянется и поймет, что он – последний. Последний человек в Городе. Последний человек на Земле. Подумайте об этом.

– Ну и черт с ней! – воскликнул кто-то. – Кому она нужна, такая жизнь!

– Нам она нужна. Нам. Детям нашим и внукам. Родившимся и тем, кто еще родится.

– Куда ты гнешь? – прервал его Севр. – Выкладывай начистоту. Никак хочешь нас к чаркам своим увести. Да он предатель! – обернулся Севр к окружающим. – Он хочет всех нас скормить чаркам. За это они дали ему оружие, еду и одежду. Не верьте ему. Он, чтобы выслужиться, готов всех нас под корень извести.

– Чарки, между прочим, – устало вздохнул Лэн, – такие же люди, как и мы. Только живут они в Океане. И они намного лучше нас. Они не убивают друг друга. Наоборот, они пытаются помочь выжить нам. Тем, кто живет на суше. А выжили они потому, что ушли жить в другое место. Я предлагаю вам тоже уйти из Города. Чтобы выжить.

– Куда? В Океан? – не унимался Севр.

– Нет. В Лес.

– В Лес? – зашевелились до сих пор молчавшие отцы Семей. – Но в Лесу нельзя жить. Это табу. Да и Леса на всех не хватит. После того, как Океан захватил Каньон, Леса мало осталось. Как там всех расселить? Где жить?

– Тот Лес, что вы знаете, – терпеливо стал разъяснять Лэн, – это всего лишь малая толика основного. Каньон уходит далеко-далеко. И там, дальше, Леса много. Хватит на всех и еще останется с избытком. Здесь мы стараемся беречь, не трогать оттого, что он мал. Там же он большой, такой огромный, что даже не заметит нас. Кстати, там живет много различных существ, и они не мешают Лесу. Не помешаем и мы, если будем жить с ним в ладу.

– Люди, не слушайте его! – крикнул опять Севр. – Он вас погубит. Мы испокон веков жили в Городе. Все, кто уходил, погибали. Погибнем и мы, если уйдем из Города. Нет, мы останемся здесь, – обратился он к Лэну. – Здесь наш дом. А ты уходи, иначе… – он вскинул копье.

Лэн не зевал. В следующее мгновение дуло автомата, завораживающе покачиваясь, уставилось на Севра. Потекли томительные секунды, в течение которых противники медлили пустить в ход оружие. Наконец Лэн опустил автомат.

– Я пришел сюда не за тем, чтобы убивать, – процедил он. – Я пришел, чтобы позвать вас в новую жизнь. Кто не хочет, тот пусть уходит. Кто интересуется моим предложением, – оставайтесь, поговорим.

Севр, сплюнув, опустил копье, зыркнул злым взглядом по толпе, рявкнул «пошли отсюда!» и пошел прочь. За ним, нехотя последовало несколько человек. Но далеко им уйти не удалось. Взбешенный тем, что большинство осталось, и, чувствуя, как ускользает с появлением этого недобитого выскочки Воклота власть из его рук, Севр шел, не глядя под ноги. Черная плешь, безуспешно глодавшая ночью металлические траки и почуявшая скопление пищи, оказалась на его пути. Исход был предрешен. Люди, увидев медленно погружающегося в землю Севра, оскалившегося в последней улыбке, бросились врассыпную. Одни прыгали на завалы, другие, забыв о былом страхе, карабкались на танкетку.

Лэн, сжав в руках автомат, следил, чертыхаясь, за плешью. Не вовремя она появилась. Сорвала переговоры.

Покончив с Севром, плешь двинулась к машине. Сидевшие на машине завопили. Двое или трое спрыгнули и помчались к завалам. Плешь, не обратив на них внимания, подобралась к

танкетке. От вида шевелящейся почвы у Лэна зашевелились волосы на голове. Сейчас бы панер! Но Риит не доверила его Лэну. Забрала с собой. Хотя у него есть автомат. Возможно, он не хуже панера. Пересилив страх, Лэн поднял автомат. От грохота у всех заложило уши. Фонтанчики пыли взвивались в тех местах, куда попадали пули, вместе с пылью летели черные ошметки. Земля заходила ходуном. Плешь стала уходить. Злые пули нагоняли и впивались в ее беззащитное тело, вырывая куски плоти и причиняя неведомую ранее боль.

Неожиданно начавшись, грохот также внезапно кончился. В слепой ярости Лэн продолжал нажимать на гашетку, но автомат молчал. Опустел магазин. Радостные крики привели его в чувство. Вокруг бесновалась толпа, размахивая руками и улюлюкая. Плешь отступила!

Возможно, схватка с плешью сыграла решающую роль. Рухнула незримая стена отчуждения, отделявшая Лэна от земляков. Горожане обступили его. Завязался оживленный разговор. Вездесущая детвора, появившаяся откуда-то, облепила танкетку. Из развалин появлялись все новые и новые люди и присоединялись к ним.

Не один день ушел на сборы и подготовку к переселению. Лэн метался от Дома к Дому, от Семьи к Семье, терпеливо разъяснял, агитировал недоверчивых. Не все соглашались покинуть Город. Севры так те не только отказались напрямую, но угрозами и насилием принуждали другие Семьи к отказу. Не выдержав, Лэн еще раз применил свою пушку и снес ракетой полдома Севров. Те были вынуждены отказаться от методов шантажа и угроз и не препятствовать желающим отправиться с Лэном. Севров с их агрессивностью Лэн принуждать не стал. Лишние хлопоты на новом месте ему были ни к чему.

Наконец наступил тот день, когда из развалин Города выплеснулся живой поток и двинулся через голую выжженную степь. Впереди ехал на своей машине Лэн, очищая автоматными очередями дорогу от ненасытных плешей. Сзади к танкетке были прицеплены наспех сколоченные волокуши, нагруженные вещами горожан. За машиной следовали с котомками за плечами люди. Женщины вели за руку детей. Пастухи гнали стада овец и коз. Навсегда покинув Город, человеческий поток змейкой уходил к горизонту.

К вечеру сделали привал на краю Каньона. Лэн стоял на вершине склона, вслушиваясь в веселые крики, раздававшиеся в Лесу, еще маленькому в этой части Каньона. Полыхали первые костры, доносились запахи готовящейся на огне пищи. Горожане

впервые забыли об экономии дерева. Что-то случилось с ними. За всю свою жизнь в Городе Лэн не помнил такой оживленности и жизнерадостности.

Он всмотрелся вдаль, где в серой дымке вздымались серые остовы зданий. Покинутый, мертвый Город. Он всему виной. Это он, Город, давил своими мертвыми полуразрушенными зданиями, сырыми стенами и холодными темными подвалами. Угнетал человеческие души. И вот они вырвались из его оков. Вырвались и ожили. Нет, неправы были Предки, предрекая человеку Город. Ему место не в Городе, а в Лесу, в степи, в Океане. Рядом с Природой. И в самой Природе. Он вышел из нее и в нее должен вернуться. Как чарки. Как Риит… Где ты сейчас, Риит? Встретимся ли мы когда-нибудь с тобой? Встретимся, я это знаю! Я сделал шаг навстречу тебе, я вошел в Природу. Шаг к тебе. Первый шаг!